

ПИОНЕР

АПРЕЛЬ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г.

В ЧИТАЛЬНЕ.

Фото Д. Ухтомского.

Первоклассница — весна

Инна КАШЕЖЕВА
Рисунки Э. Булатова.

Точки первых клейких почек
На деревьях зелены.
Это неумелый почерк
Первоклассницы-весны.

Ах, весна такая плакса!
И, по миру проходя,
Ставит кляксы,
Ставит кляксы,
Кляксы первого дождя.

А потом вдруг засмеется,
Что обрызгала дома,
И большой резинкой солнца
Капли все сотрет сама.

Над полями, над садами
Сутки круглые без сна
Крутит ветер проводами —
Это прыгает весна.

Ах, весна совсем девчонка!
Ей всего один апрель.
В мяч играет звонко-звонко —
Это падает капель.

Поиграла, пошумела
И зажгла зари фонарь.
Ей теперь пора за дело,
Ей пора читать букварь —
Свой весенний календарь.

Чтоб дождям недаром литься,
Чтоб посевам зеленеть,
Чтоб из почек вышли листья,
Надо многое уметь.

Тихо. Даже ветер замер,
Он противник тишины:
Скоро принимать экзамен
Будет лето у весны!

АПРЕЛЬ 4
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА.

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рисунки И. Незнайкина.

ВСТРЕЧА

Из повести о жизни Марии Александровны Ульяновой

Глава 1

ЗВОНОК

Мария Ильинична сошла с трамвая на углу Садово-Триумфальной и Тверской. Трамвай весело загромыхал по липовой аллее, расцвеченной розовыми, вот-вот готовыми лопнуть почками. У панели из-под булыжника высунулись желто-зеленые усики травы, мальчишки бойко торговали смятыми букетиками синих подснежников. Весна... А на сердце у Марии Ильиничны не по-весеннему сумрачно. Именно сейчас, когда наладились партийные связи, когда чувствуется, как снова проявляется нетерпение рабочих, ей приходится покидать Москву, оставлять партийную работу.

Мария Ильинична купила букетик подснежников, свернула в Воротниковский переулок. Подойдя к дому, она остановилась у ворот, взглянула на объявление, наклеенное на чугунном столбе:

«Недорого даю уроки французского языка. Имею диплом учительницы Сорбоннского университета.
Дом Сувирова (во дворе), кв. №7.
М-ль Ульянова М. И.»

Объявление уже полиняло от дождей, а учеников так и не нашлось. Впрочем, сейчас они и ни к чему. Придется принять предложение, полученное через газету, ехать в Ино-Неми, в Финляндию, домашней учительницей. Легко сказать: ехать! А мама? Хорошо ли ей будет в деревне? А что скажет Володя? Одобрит ли он ее решение? Но и в Москве оставаться дальше нельзя. Слежка идет упорная.

Сквозь чугунную решетку Мария Ильинична заметила, как от дворника Алексея поспешно отошел молодой парень в суконной поддевке, в картузе лабазника. Третий день он попадается ей на глаза и утром и вечером.

Дворник спешил открыть калитку.

— Здравствуйте, барышня! Я калиточку от нищих запер, много их нынче развелось.

Мария Ильинична быстро прошла по двору. У деревянного флигеля собрались нянюшки и кухарки со всего дома — катали с горки пасхальные яйца, грызли семечки. Шла пасхальная неделя, и по всей Москве под ногами похрустывали яркие скорлупки яиц.

В окне первого этажа большого Сувировского дома шевельнулась занавеска. Мама ждет.

Мария Ильинична вошла в подъезд. На секунду остановилась в нерешительности. Что она скажет матери?

Тряхнула головой, словно освобождаясь от последних сомнений — ехать или нет,

взбежала по ступенькам и дважды нажала кнопку звонка.

Мария Александровна встретила дочь у дверей. Уже давно ее ждала, сидя у окна, ждала ее звонка, легкого, торопливого. Этот сдвоенный звонок Мани везде, где приходилось им обитать за долгие годы скитаний, звучал для матери, как музыка, от которой легко и светло делалось на сердце, улетучивались страхи. Дочь вернулась домой... От ее волос и блузки попахивает махорочным табаком. Значит, опять была где-то у рабочих.

Через хозяйскую столовую мать и дочь прошли к себе в комнату. Мария Ильинична бросила взгляд на письменный стол.

— Письмо! От Володи?— Она повертела в руках конверт.— Нет, из Питера. От Ефима Петровича. Условно сообщает, что на днях привезет литературу. Отлично.

Мария Ильинична села за стол. Небольшая комната с высоченным потолком, обставленная тяжелой хозяйской мебелью, не кажется чужой. Ко всему приложила руки

мама, придала «меблирашке» жилой вид. И низкая ваза с подснежниками на письменном столе, и кувшин с нарциссами на пианино, перед Сашиной фотографией, и мамин мешочек с рукоделием в кресле — все это свое, домашнее. Стол уютно накрыт к чаю, и главное, мама в милой бумазейной блузке, с черной кружевной наколкой на белоснежных волосах и ее удивительно ясная и спокойная улыбка сразу вносят умиротворение, успокаивают.

Мария Ильинична обняла за плечи мать, прижалась к ней головой. Мама маленькая, хрупкая на вид, а какая в ней душевная стойкость, как стыдно перед ней за свои минуты слабости, уныния!..

— Мамочка, кажется, я решила окончательно. Еду в Ино-Неми. Условия прекрасные: сорок рублей в месяц при полном пансионе.

— И вдобавок к этому сосновый лес и свежий воздух: Это просто великолепно,— одобряет решение дочери Мария Александровна.— И я наконец буду за тебя совсем, совсем спокойна.

— Будет ли доволен Володя моим решением? — вздыхает Мария Ильинична.— Здесь сейчас нужен каждый наш человек. Мне так жаль оставлять свои занятия. Как осмелели женщины—они сейчас совсем другие, чем были до пятого года, до революции. Начались забастовки. Мамочка, ведь это, может быть, начало нового подъема, а я должна уползать куда-то в Финляндию... Что делать? Может быть, остаться?

— Подумай сама, Марусенька, хорошенько подумай. Мое сердце — плохой тебе советчик, оно может ошибиться. Подумай: как бы поступил Володя на твоем месте?

— Когда я уезжала из Парижа, Володя строго наказывал, чтобы мы не уподобились телятям, которых легко можно запереть на засов. Работать и беречь себя для того, чтобы иметь возможность работать, говорил он. И еще Володя сказал, чтобы мы очень берегли тебя и не оставляли одну.

— Обо мне, дорогая, не беспокойся,— ласково говорит Мария Александровна. — У Мити [1] в Липитино мне будет неплохо. Он и Тоня всегда так внимательны ко мне, и я не прочь пожить с ними. А тебе в тюрьму сейчас никак нельзя при твоем здоровье.

От одной только мысли, что дочь может опять попасть в тюрьму, сердце матери сжалось. Всего несколько месяцев назад Мария

[1] Дмитрий Ильич работал в это время врачом в земской больнице в Липитино.

Ильинична перенесла операцию аппендицита. В России эта болезнь считалась страшной, люди гибли от нее тысячами. К счастью, приступ захватил в Париже, у Владимира Ильича. Больше всего боялись напугать маму. Скрывали от нее и болезнь и операцию. Владимир Ильич советовался с братом. Парижские врачи предлагают операцию, но «без твоего совета боюсь решить, отвечай немедленно,— писал он Дмитрию Ильичу,— маме не пишу, ибо боюсь напугать ее». А потом, когда операция прошла благополучно и опасность миновала, Владимир Ильич написал матери подробное письмо. «Не сердись, что не писал сразу о Маняше», — извинялся он.

Мария Ильинична вернулась в Москву и стала пропадать по вечерам — налаживала связи, пересылку литературы. Приходила каждый раз домой бледная, измученная долгими блужданиями по улицам, чтобы ускользнуть от шпиков. Мать с тревогой наблюдала за дочерью. Если ее арестуют теперь, при слабости ее здоровья и еще не оправившуюся после операции... «Не могу без ужаса подумать об этом. Для меня это будет хуже смерти...» — признавалась она старшей дочери Анне. Много раз принималась за письмо Володе, чтобы посоветоваться с ним, но каждый раз откладывала: не следует докучать ему своими материнскими тревогами.

— Все будет хорошо, все наладится, ты вернешься к своей работе,— говорит Мария Александровна, поглядывая на сумрачное лицо дочери. — Давай сыграем в четыре руки из «Травиаты».

Мать зажигает свечи на фортепьяно и раскрывает ноты. Они садятся рядом. Мария Александровна уверенно берет аккорд. Мария Ильинична вначале путается, ее мысли еще далеко, но маленькие умелые руки матери заставляют дочь вести мелодию, и они обе погружаются в мир прекрасного. Трепетный свет играет в серебряных волосах матери, в черных мягких косах дочери. Перестает тренькать гитара в соседней комнате, смолкают голоса в столовой, кухарка на кухне обращается с кастрюлями, как с хрупкими сосудами, всех увлекает рассказ о большой и печальной любви, который ведут клавиши, повинуясь легким пальцам.

Мария Александровна мягко заканчивает игру. Маняша берет руки матери и прижимает их к своему лицу.

— Хорошо с тобой очень, — шепчет она.

Мать молчит. Нет, нельзя давать волю ни горю, ни радости, ни любви, ни нежности: они отнимают силы у сердца, и можно расплакаться.

Уже лежа в постели, Мария Ильинична думает о том, что нервы у нее пошаливают, что нужно аккуратнее по утрам делать холодные обтирания и гимнастику по Мюллеру, пить железо с мышьяком, как рекомендует Митя.

Прозвенели последние трамваи, все реже цокают копыта по мостовой, барышня за перегородкой с грохотом повесила на стену гитару.

Уснули жильцы в меблированных комнатах дома Сувирова.

Уснула Москва...

Мать и дочь проснулись разом от резкого звонка в коридоре, ударившего по нервам в этот глубокий, ночной час.

Мария Александровна пошарила рукой спички на комоде, зажгла свечу и стала одеваться.

— Это не к нам, мамочка, — глухим голосом проговорила Мария Ильинична, а сама торопилась заколоть на затылке косу.

— Спокойно подумай, нет ли у тебя каких бумаг. Совершенно спокойно подумай.

— Есть, есть, письмо от Ефима Петровича,— шепчет Мария Ильинична и раскрывает ридикюль.

— Давай, я спрячу.

— Нет, я сама...

— Дай-ка сюда, — твердо говорит мать, берет письмо и прячет его за корсаж юбки.

А в дверь комнаты уже барабанят.

— Кто там? — помедлив, спокойным голосом спрашивает Мария Александровна.

— Дворник это, Алексей. Труба водопроводная подтекает. Уж вы простите, проверяем, — отвечает голос за дверью.

Ах, эти ночные аварии с водопроводом, горящая сажа в печных трубах, срочные телеграммы — как все это было хорошо знакомо и как много раз случалось в семье Ульяновых!

Мария Александровна откинула крючок. В коридоре стоял пристав, позади дворник, трое полицейских, женщина, обвязанная платком.

— Нам Марию Ильину Ульянову. — Пристав шаркнул ногами. — Дельце до них есть. — И сделал движение, чтобы пройти в комнату.

— Я ее мать, — ответила Мария Александровна. — Сейчас она оденется. — А сама подумала о том, что Мане надо дать время внутренне подготовиться ко всему этому.

— Потом оденется.— Пристав порывался войти в комнату.

Мать встала у дверей, маленькая, спокойная. Пристав пожал плечами. Полицейские топтались на месте. Дворник угодливо смотрел на пристава: может быть, дверь вышибить? Мы можем, говорил весь его вид.

— Обыск требуется у вас произвести, да-с,— сказал пристав.— Предписание московского обер-полицмейстера.

В коридоре послышались испуганные возгласы. Пристав повернулся на каблуках.

— А ну, чего глаза пялите! Марш по местам, не вашего ума дело! — прикрикнул он на жильцов квартиры, выглядывавших из дверей.

Пристав взял с пианино Сашину фотографию.

— Не смейте! — вырвалось у Марии Ильиничны.

— Маня, успокойся,— тихо сказала Мария Александровна.

Не первый раз забирают в охранку и Сашин портрет и портрет Ильи Николаевича. Вот пристав бросил на стол альбом с застежками в бархатном переплете. Там фотографии всех детей. Альбом тоже не раз побывал в охранке.

Женщина, сдвинув платок на затылок, сидела и разматывала клубки из мешочка Марии Александровны. Копна кудрявой разноцветной шерсти образовалась у ее ног, а она все разматывала и передавала приставу смятые комочки бумаги, на которые были намотаны клубки.

Марию Ильиничну перестало знобить, в глазах у нее заиграли озорные огоньки. Ей вспомнилось, как мать в детстве обучала ее вязанию. А вязать Маруся была не охотница. Однажды Мария Александровна сказала дочери, что, когда она вывяжет весь клубок, на кончике нитки увидит сюрприз. Маруся старалась, любопытство и желание получить сюрприз ее подгоняли. На конце нитки была привязана маленькая дощечка шоколада.

«Никаких сюрпризов не будет, сколько ни разматывай»,— думала Мария Ильинична, глядя на усталое и тупое лицо женщины.

Полицейские сидели на стульях и прощупывали швы на одежде, мяли толстыми, сильными пальцами подушки. Пристав брезгливо выбросил нарциссы и заглянул внутрь кувшина, поболтав в нем воду.

— Произвести личный досмотр,— приказал он женщине, когда та кончила разматывать нитки.— Отведите по одной в ванную комнату, разденьте и тщательно обыщите.

Мария Ильинична побледнела: ее мать будет подвергнута оскорбительному осмотру! О письме Ефима Петровича она в этот момент даже не подумала.

Мария Александровна, идя в ванную, была занята только одной мыслью: как сохранить от глаз полицейских это письмо.

— Ну, чего ж вы?.. Раздевайтесь,— сказала женщина.

Мария Александровна стояла, не двигаясь, придерживая концы шали...

— Вы что, не слыхали? — повторила грозно полицейская.

— Вам приказано раздеть меня.

Женщина сделала шаг к ней, встретилась со взглядом строгих, темных глаз, которых нельзя, невозможно было ослушаться, и у полицейской по-бабьи дрогнули губы, поняла она, что не может совершить надругательства над женщиной с белой головой, не под силу ей такое, и опустила руки.

— Ладно, пойдемте обратно, чего уж там,— сказала, вздохнув, полицейская и открыла дверь ванной.

— Ничего на ней нет,— буркнула она приставу.

Мария Александровна взглядом дала понять дочери, что беспокоиться не надо, письмо не обнаружено.

Полицейские отправились обыскивать коридор, переднюю.

— Ловко, барышня, работаете,— раздраженно сказал пристав, вернувшись в комнату.— Ничего не обнаружено. Ну, да есть другие неопровержимые доказательства вашей преступной деятельности, от которых вам не отвертеться, нет. На этот раз придется сесть надолго, если не навсегда.— Пристав принялся писать протокол.

— Вы лжете! — возмутилась Мария Ильинична.

— Одевайтесь, пойдете с нами.

Мария Александровна крепко поцеловала дочь. Глаза ее были сухи.

— Будь здорова, моя дорогая. За меня не волнуйся.

Мария Ильинична в сопровождении полицейских идет по коридору. Мать смотрит ей вслед. Каждый раз, когда полиция уводит кого-то из детей, перед глазами Марии Александровны встает образ Саши.

Захлопнулась входная дверь, и тут же распахнулись двери «меблирашек», загудел коридор. Мария Александровна вернулась к себе в комнату. На полу валяется Манина ночная рубашка; ни одной вещи на своем месте. Мать приводит в порядок разгромленную комнату, достает из-за корсажа письмо и сжигает его на свече, бережно собирает нарциссы и ставит их в воду.

Глава 2

ЗАСАДА

Увели Маню, унесли фотографии всех близких, и комната кажется тюремной камерой. Мария Александровна не сдерживает больше слез.

«Горько мне, Сашенька, плачу я. А плакать нельзя, дорогой мой друг. Нельзя. Надо чем-то заняться. Нельзя сидеть без дела. У Мани нет теплой кофты, а я не успела довязать...»

Мария Александровна вытирает глаза, прикрепляет к волосам наколку, принимается за вязание. Спицы дрожат, пальцы не слушаются. Три недели вяжет она эту кофту. Левый рукав заканчивала, когда пришло письмо от Анюты с сообщением, что у нее все в порядке. Воротник два раза распускала, сбившись со счета, размышляя о Володе. Стосковалась о нем. Думала: скоро увидятся, поедет к нему. А вот теперь что-то будет, что-то будет? А если пристав сказал правду и Маню посадят в тюрьму надолго?.. Или еще хуже... «Нельзя так!» — строго приказывает себе Мария Александровна. Почему, когда детям плохо, думаешь о самом страшном исходе?.. «Нельзя так!»— уже вслух говорит она. Надо думать о том, что сделать, чтобы им было хорошо.

Пальцы задвигались энергичнее, перестали дрожать. Тянется бесконечная тонкая нитка, петли нанизываются то на одну спицу, то на другую, петли превращаются в плотную ткань. А распусти эту кофту, прочитаешь по нитке, как по телеграфной ленте, мысли матери. Если бы горькие думы весили, пушистая кофта превратилась бы в тяжкую кольчугу. Но тяжесть горя остается в сердце матери, а ее любовь может превратить простую нитку в защиту от тюремной сырости, от тягостного одиночества.

Мелькают спицы, нанизываются одна на другую мысли. Лишь бы разрешили передачи! Кипяченое молоко и свежие яйца — лучшее лекарство от тюремного малокровия... В публичной библиотеке подберет для нее книги. Хорошая книга— это добрый друг в камере. Будет часто писать — ласковое письмо о домашних делах, загородной прогулке, новой музыкальной пьесе раздвигает стены камеры, прибавляет силы.

Ритмично сгибается указательный палец, постукивая о спицу, напряженно работает мысль, мать обдумывает предстоящую борьбу за здоровье, жизнь, бодрый дух младшей дочери.

Надо поесть, сберечь силы. И Мария Александровна принимается готовить на спиртовке чай. Не хочется выходить на кухню, чтобы не возбуждать любопытства жильцов.

Сегодня не принесли газет, нет писем. Все забирает охранка.

Написать разве Володе? Ане? Вызвать Митю?.. Нет, не надо торопиться. Завтра выясню, где Маня, тогда и напишу...

Пойти посоветоваться? Куда? К кому?.. Нет у Марии Александровны друзей ее возраста. Ее друзья — друзья ее детей. А пойдешь к ним — навлечешь на них беду. Надо терпеливо ждать и все обдумать. Завтра начнет она ходить по судебным инстанциям, писать прошения... Сколько она уже написала таких прошений, борясь за своих детей, пытаясь вызволить их из тюрьмы, из ссылки, добиваясь для них возможности учиться в университете, прося свиданий в тюрьме, разрешений на передачу книг и продуктов. Будет писать и теперь. Заставит себя ждать хорошего исхода!.. Выдержит ли сердце? Должно выдержать.

И снова замелькали спицы. Спешат, спешат. Скорее бы прошел этот день.

В четыре часа дня раздается до боли знакомый, легкий, торопливый звонок. Мария Александровна пытается подняться с кресла, ноги не слушаются. В дверях Маня. Влетела в комнату, прильнула к матери, целует мягкие теплые щеки, волосы с неповторимым родным запахом.

— Отпустили? — Гладит дочь Мария Александровна, и из сердца словно выдергивают колючки.

— Упросила отпустить, сказала, что ты больна.

— Есть и там гуманные люди?..

— Улик у них никаких, одни подозрения... Отпустили потому, что хотят устроить у нас засаду, выявить связи,— шепчет Маня на ухо матери.

Мария Александровна поднимает глаза: у дверей стоят те же полицейские, переодетые в штатское. Пристав размещает их: одного в столовой, второго в кухне у черного хода, третьего в передней у парадной двери.

— Выходить из квартиры никому нельзя, переписка запрещена, все жильцы, включая хозяйку и кухарку, объявляются под домашним арестом,— предупреждает пристав обитателей меблированных комнат квартиры номер семь.

Жильцы негодуют.

Хозяйка кипятится больше всех.

— А как же быть с собакой? Ей необходимо гулять, понимаете — гулять!

— У нас билеты в театр,— чуть не плачут две барышни.— Кавалеры нас будут ждать, господин пристав.

— Никаких театров, никаких кавалеров! — отрезает пристав и, откозыряв портретам царской четы, висящим в хозяйской столовой, уходит.

Мария Александровна спешит на кухню приготовить поесть. Жильцы во главе с хозяйкой следуют за ней.

— Вдова действительного статского советника... Генеральша,— шипит хозяйка.— Кто бы мог подумать — такая почтенная дама и вдруг... господи упаси! То-то я приметила, что ни одна из них к христовой заутрене не пошла, в великий пост молоко покупали...— осеняет себя хозяйка мелкими крестами.

— Из-за вас билеты на дивертисмент пропадают,— хнычет барышня с родинкой на щеке.

Старик жилец, придерживая у воротника домашнюю куртку, чтобы скрыть отсутствие манишки и галстука, ехидно выкрикивает:

— Сорбонна! Верди! Изящная словесность!.. Какой позор!.. Съезжаю с квартиры немедленно, тотчас, как снимут этот идиотский арест. Съезжаю!

— Дядя Алексей говорит, что они обе против царя,— шепчет кухарка хозяйке и расширенными от страха и любопытства глазами смотрит на маленькую фигурку Марии Александровны.

— Жалко мне их,— говорит Мария Александровна дочери, вернувшись с кухни.— Что за нелепость подвергать аресту людей, ни к чему не причастных? Барышням действительно хочется погулять.

— Что мы можем сделать? — с отчаянием спрашивает Мария Ильинична.— Как им помочь? Идти мне в охранку добровольно? Оставить тебя одну?

В коридоре разрастается гул гневных голосов.

— Что мы, каторжные? — кричит у самых дверей старик.— Я титулярный советник, верой и правдой служу царю...

— Христопродавцы... Пусть обеих в тюрьму забирают! Там им место, а не в порядочном доме!

Дверь содрогается от стука.

Мария Александровна решительно поднимается и выходит в коридор. Шум смолкает, угрожая разразиться с новой силой.

— Господа,— говорит Мария Александровна спокойно, почти ласково.— Нам очень жаль, что вы терпите из-за нас неудобства. Это в высшей степени несправедливо. Я понимаю и девушек, которым хочется пойти в театр, и всех вас, у которых есть дела в городе. Ваша свобода не должна быть стеснена... Вы нас не знаете и не можете за нас отвечать. Если желаете, мы с дочерью составим прошение от вашего имени. Все должно уладиться. Не беспокойтесь, господа...

Мария Александровна садится рядом с Марией Ильиничной и пишет текст прошения, пишет, как принято писать: «Милостивый государь, честь имеем покорнейше просить...» Они просят снять арест с жильцов квартиры номер семь в доме Сувирова по Воротниковскому переулку.

— Подпишите, пожалуйста,—обходит она жильцов.

Барышни подписывают первыми.

Старик ворчит:

— Заставляют нас жаловаться на действия властей! — но тоже ставит свою витиеватую, как на банковских билетах, подпись.

Шипя, как рассерженная кошка, последней подписывается хозяйка.

— Отнесите приставу,— просит Мария Александровна полицейского помоложе.

Тот помялся, повертел бумагу в руках.

— Очень просим, отнесите,— умоляют барышни.

Полицейский отправился и через час вернулся с предписанием пристава: домашний арест с жильцов квартиры номер семь, за исключением матери и дочери Ульяновых, снимается.

Барышни побежали на кухню с щипцами для завивки.

Хозяйка сняла с крюка ошейник.

— Это весьма благородно с вашей стороны,— расшаркался старик перед Марией Александровной.— Весьма благородно.

— Так вы раздумали съезжать с квартиры? — спросила хозяйка.

— Да, да, раздумал. Тем более, что у меня уплачено вперед.

За тяжелые сутки это были первые радостные минуты для Марии Александровны и Марии Ильиничны.

— Видишь, как хорошо все складывается,— сказала Мария Александровна.

— Да, но надо ко всему быть готовой, мамочка. Движение вновь оживает, и идут повальные обыски. В полиции говорят о лик-

видации московской организации РСДРП, очевидно, это дело рук провокатора. Хотя против меня у них ничего нет, но я могу сесть надолго. Надо предупредить Анюту, пусть приезжает сюда.

— Нет, Марусенька, не будем ее тревожить. Подождем. Давай соберем для тебя в тюрьму на всякий случай необходимые вещи. Теплую кофточку я закончила, прелесть какая получилась. Не забудь гимнастику Мюллера, возьми с собой английский учебник. Книги я тебе буду приносить. На свидания со мной одевайся потеплее, везде в этих приемных страшный сквозняк. Не забудь сообщить мне, сколько человек в коридоре.

Будешь для всех печь пирожки?

— Ну, а вдруг кому-нибудь не хватит? — отвечает Мария Александровна. — И дай мне слово, что о малейшем недомогании ты мне дашь знать...

— Но, мамочка, я думаю, что все обойдется.

— Я тоже так думаю, но все надо предусмотреть.

Мария Ильинична собирает со стола посуду и несет на кухню.

Барышня с родинкой приоткрывает дверь.

— Может быть, нужно что отправить на волю? Дайте мне, — шепчет она Марии Ильиничне. Та еле заметно кивает головой и, идя второй раз на кухню, сует девушке в руки записку.

— Очень прошу, отправьте сестре, но не говорите моей маме.

Это телеграмма Анюте, чтобы выезжала немедленно.

Ночью, погасив свет, мать и дочь шепотом обсуждают, как предупредить людей, которые могут прийти к ним и попадут в полицейскую засаду. Решили, что Мария Ильинична целый день будет следить из окна за всеми входящими в дом, а Мария Александровна дежурить у дверей комнаты, чтобы предупредить дочь в случае, если полицейские вздумают заглянуть к ним в комнату.

День тянулся мучительно долго. Барышня с родинкой сунула под дверь газету. Бегло просмотрели ее: Марии Ильиничне нельзя отрывать глаз от окна, Марии Александровне нельзя упускать из поля зрения полицейских. А тем надоело сидеть по углам, и они стали бродить по квартире, все чаще заглядывая к поднадзорным.

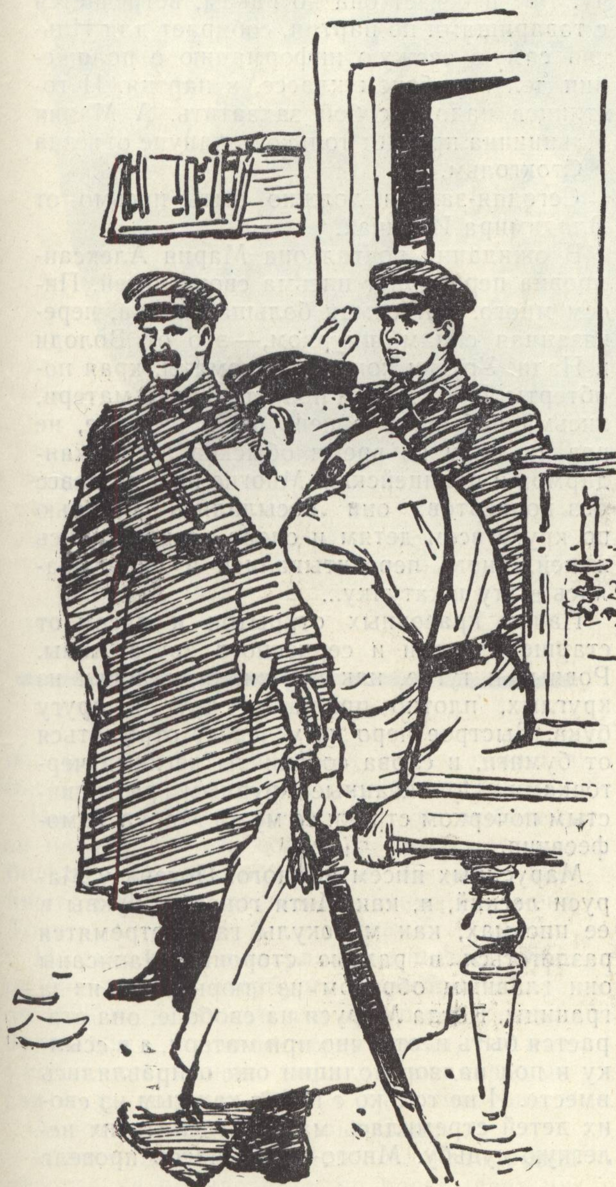
— Скучно вам? — спросила их участливо Мария Александровна и предложила карты и шашки.

Полицейские уселись в столовой, принялись за игру.

На второй день Мария Ильинична заняла свой пост у окна, как только рассвело. Чтобы скоротать время, она считает, сколько человек сидит на скамейке, сколько — за час входит и выходит из дома.

Уже начинало смеркаться, когда Мария Ильинична заметила во дворе знакомую чуть сутулую фигуру Ефима Петровича. Значит, приехал, был на явке, никого не застал и решил прийти к ней домой. Сейчас он попадет в засаду... Лишь бы глянул в окно... Нет, идет решительным шагом. По привычке опытного конспиратора не оглядывается, обстановку вокруг дома изучил, входя во двор. Мария Ильинична готова просверлить его взглядом, чтобы он поднял глаза. Еще десяток шагов, и он войдет в подъезд. Она поднимает руку, чтобы стукнуть в стекло. Ефим Петрович наконец поднял глаза... Увидел... Мария Ильинична приложила палец к губам, покачала головой. Нельзя, мол, к нам. Понял... Заговорил с вышедшей из подъезда женщиной. Что-то спрашивает у нее. Та показывает рукой на противоположную сторону улицы. Ефим Петрович кланяется и уходит.

Уф-ф-ф, беда миновала!

Проходит третий день.

Ночью в комнату стучится кухарка. Повестка от пристава — Марии Ильиничне утром явиться в полицию.

— Я скоро вернусь, не беспокойся, у них ничего нет против меня,— уверяет она на прощание мать.

И снова полицейские уводят ее.

И снова мучительное ожидание.

Проводив дочь, Мария Александровна садится за письмо. Не писала Анюте пять дней, можно себе представить, как она волнуется. Пять дней слишком большой срок: мать пишет детям часто, очень часто. Прежде всего надо успокоить, что здорова, не писала вовсе не потому, что была больна. Причина другая:

«...в ночь с четверга на пятницу пришли к нам «гости», перерыли все и, конечно, ничего не нашли, но все же увели Маню. Понятно, что эти «гости» меня страшно встревожили...»

Описывает, как Маня уговорила отпустить ее домой. Пробыла дома три дня, и вот снова ее увели.

«...сейчас два часа дня, а Мани все нет. Знаешь, если она вернется и ей разрешат ехать в Финляндию, буду телеграфировать тебе тотчас же: «Маня едет»,— если же нет, телеграфирую: «Мама одна»,— и ты сама решай, как тебе удобно поступить».

«Опущу письмо, прогуляюсь,— решает Мария Александровна, подталкиваемая нетерпением пойти навстречу Мане, сократить хоть на несколько минут ожидание.— А если не отпустят? Но она же сказала, что улик у них никаких и засада ничего нового не дала».

Мария Александровна прохаживается по Воротниковскому переулку, боясь хоть на минуту оставить вне поля зрения калитку. Взад-вперед, взад-вперед... В больших зеркальных окнах одноэтажного особняка трепещут солнечные блики. В этом доме неза-

долго до гибели жил Пушкин у своего друга Нащокина. В 1836 году это было, в такие же солнечные весенние дни. Мария Александровна тогда только появилась на свет, и все же она современница Пушкина. Здесь, в этом доме, читал он друзьям своим «Памятник», здесь делал первые записи задуманной им большой работы о Петре. Почти семьдесят пять лет прошло с тех пор, а на Руси по-прежнему душится, гасится все чистое, светлое. Но что-то уже изменилось. Это видит и Мария Александровна. Новые большие силы народились, в них верит Володя, в них верит Маня, верят их друзья. Новые силы, кажется, понимают, как проложить путь к «заре пленительного счастья». И вот когда свяжешь свое маленькое, личное с этим общим, великим, с гордостью думаешь о своих детях, думаешь их думами, живешь их жизнью...

Мария Александровна ходит взад-вперед по Воротниковскому переулку. Вот уже закончились присутственные часы в губернской земской управе. Здесь совсем недавно работала Маня. Толпой выходят служащие. Снова затих переулок. А Мария Александровна ходит и ждет, не может она вернуться в пустую комнату.

— Мамочка!

Мать оглядывается. Маруся почти бежит по переулку.

— Ура! Свобода, свобода! Теперь немедленно ехать в Финляндию, выждать там, потом к Володе... Он скажет, что и как нужно делать.

— Вот и хорошо, просто прекрасно все складывается! — ликует Мария Александровна.— Я поеду к Мите и там отведу душу в полях и лесах... Надо распихать куда-то нашу «движимость», предупредить хозяйку.

Хозяйка сама открыла дверь и округлившимися от удивления глазами смотрит на Марию Ильиничну.

— Вас отпустили?

— Да,— отвечает за дочь Мария Александровна.— Произошло недоразумение, и мы, к сожалению, вынуждены отказаться от комнаты.

— Но, мадам, мадам... — заволновалась хозяйка.— Неужели вы обиделись? Мы все так нервничали; никому не доставляет удовольствия иметь дело с этими фараонами. Мне очень жаль — вы такие милые, тихие... Может быть, дорого? Могу сбавить.

— Мы уезжаем к родственникам, иначе, конечно, остались бы у вас,— ответила Мария Александровна.

Глава 3

ПИСЬМА

Третий день, как Мария Александровна приехала в Финляндию, в деревню Леппенено, чтобы отсюда отправиться в Стокгольм на свидание с Владимиром Ильичем. Вместе с ней приехала и Анна Ильинична. Миновали Питер, где холера продолжала косить людей. Поэтому и сняли на несколько дней комнату у Катри Лясонен в деревушке недалеко от станции Териоки.

Анна Ильинична с утра уехала в Питер, явится поздно. Хлопот у нее много. Не с пустыми же руками ехать к Владимиру Ильичу! Вот и бегает она по явкам, встречается с товарищами по партии, собирает для Ильича самую свежую информацию о положении дел в рабочем классе, в партии. И гостинцев надо с собой захватить. А Мария Ильинична приедет только накануне отъезда в Стокгольм.

Сегодня-завтра должно быть письмо от Владимира Ильича...

В ожидании почтальона Мария Александровна перебирает письма своих детей. Писем много. Вот самая большая пачка, перевязанная синим шнурком,— это от Володи и Нади. Уголки конвертов помяты, края пообтерты. Прежде чем попасть в руки матери, письма побывали в цензуре, в охранке, не раз их мяли во время обысков лапы жандармов и полицейских. Многие письма вовсе без конвертов: они посылались матерью по кругу всем детям и снова возвращались к ней, вновь перечитывались и укладывались в эту шкатулку...

Пачка красочных открыток и писем от старшей дочери и сердечного друга Анны. Ровные и тугие, как пружинки, строчки из круглых, плотно прижатых друг к другу букв. Быстрое перо не успевает отрываться от бумаги, и слова соединены легкими черточками. Приписанные крупным, размашистым почерком строки ее мужа Марка Тимофеевича.

Марусиных писем немного. Почерк у Маруси легкий, и, как Митя говорит, буквы в ее письмах, как молекулы газа, стремятся разлететься в разные стороны. Написаны они главным образом из тюрьмы и из-за границы. Когда Маруся на свободе, она старается быть неотлучно при матери, а в ссылку и под надзор полиции они отправлялись вместе. И не только с ней, с каждым из своих детей стремилась мать разделить их нелегкую судьбу. Много-много часов провела

На этом снимке вся семья Ульяновых. Сидят: Мария Александровна с Маней на руках, Митя, Илья Николаевич, Володя; стоят: Оля, Саша и Аня. Год 1879.

она в холодных приемных тюрем, ожидая свидания и простаивая в очереди с передачей.

Писем от Мити еще меньше: не любитель он писать, но уж если засядет, напишет большое письмо, подробное. За него чаще пишет ровные и ласковые письма его жена Тоня.

На самом дне шкатулки два письма. Одно от Оленьки из Петербурга. Помечено 8 апреля 1899 года. Пишет, что ровно через месяц будет дома, а ровно через месяц, 8 мая, умерла от брюшного тифа. «Ровно через месяц буду дома»,— шепчут губы матери...

А вот последнее письмо Саши...

К этим письмам Мария Александровна никогда не прикасается, не раскрывает их.

Мария Александровна Ульянова. Год 1913.

Она их знает наизусть и мысленно читает по ночам, когда все в доме спят...

Как хорошо было бы перечитать все эти письма вслух вместе с Ильей Николаевичем!.. Его портрет стоит рядом на столе, как и портрет Саши. Оба портрета возвращены из охранки.

Мария Александровна чужда суеверий и всяких галлюцинаций. Но, когда глядит на портрет мужа, ей кажется: то складка между бровями залегла глубже и стали строже глаза, то, придя со свидания в тюрьме, когда удалось передать не только чистое белье, но и важные партийные новости, она читает в глазах мужа одобрение...

Двадцать три года нет рядом с ней Ильи Николаевича, и каждый день она ощущает это. Особенно сильно тоскует в праздники.

А до этого было двадцать три года супружеского счастья, большой и удивительной любви, которая с годами не гасла, а, казалось, шла по восходящей линии. Каждый день они с радостью открывали друг в друге новые прекрасные стороны души, и это трепетное ощущение счастья, взаимного доверия и уважения освещало всю семью, передавалось детям. Илья Николаевич был в семье примером справедливости, мудрости, душевной бодрости, физического и нравственного здоровья. «Так сказал папа!», «Папа так не поступил бы!», «Папа будет этим недоволен!», «Это не под силу даже папе!» — часто слышалось в семье Ульяновых. Илья Николаевич постоянно тревожился за здоровье своей хрупкой жены и всячески оберегал ее, помогал во всех делах.

Рядом с мужем она чувствовала себя легко и спокойно.

А в тот январский день ее охватила безотчетная тоска, от которой она не могла отделаться. Илья Николаевич захворал. Доктор не нашел ничего страшного, а Мария Александровна провела всю ночь, не сомкнув глаз, с тревожно бьющимся сердцем. Утром Илья Николаевич почувствовал себя лучше, и доктор заверял, что нет оснований для беспокойства. Мария Александровна вышла в сад и долго шагала по расчищенным дорожкам, подставив лицо под холодные снежинки, старалась справиться с тоской в сердце. Вернулась домой. Илья Николаевич сидел в кабинете со своим помощником и вносил дополнения в законченный годовой отчет. За обедом шутил над непривычно растерянным видом своей Машеньки, затем предложил Володе сыграть партию в шахматы, которые сам выточил на токарном станке из пальмового дерева, но раздумал, прилег на диван... И вскоре его не стало.

Мария Александровна не могла поверить, что это конец. «У Ильи Николаевича глубокий обморок»,— уверяла она врача. «Он не умер, нет»,— уговаривала она свое сердце, а разумом уже понимала, что не этот момент смерти — самое страшное в ее жизни, а будущее без него, верного друга; разумом понимала, что будущее ее детей зависит от ее мужества, от ее душевной стойкости.

С кладбища пришла с сухими, запавшими глазами. Собрались многочисленные родственники, знакомые.

Мария Александровна сердечно благодарила за внимание, за сочувствие. «Нет, помощи никакой не нужно. Если не будет пенсии, она может работать, у нее диплом учительницы начальных училищ. Старшей, Анне, уже двадцать два года. Окончит Бестужевские курсы, тоже будет учительницей. Саше двадцать лет, он на верном пути ученого. Володя и Оля в следующем году окончат гимназию. Дети учатся хорошо. Аня и Саша окончили гимназию с медалями. Володя с Олей от них не отстанут. Нет, нет, помощи не нужно, справимся сами».

Через год арестовали Сашу... затем Анну... Никто из знакомых не предложил помощи матери, дети которой покушались на жизнь царя. Многие родственники постарались забыть свои родственные отношения с семьей Ульяновых, и, когда Мария Александровна шла по улице, бывшие друзья не узнавали ее или поспешно переходили на другую сторону.

«Удивительная судьба у наших детей,— думает Мария Александровна, глядя на портрет мужа.—...Бывало, ты строго разбирал первые стихи Ани, а вечером, когда дети отправлялись наверх спать и мы оставались вдвоем, ты со счастливым видом шептал мне, что стихи вовсе не плохие, конечно, они могли быть и лучше по форме, но в них много верных мыслей... «Не будем ее хвалить, пусть старается писать лучше»,— предупреждал ты меня.

...В тебе, Волга, сила родного народа,
Стремленье к свободе всей русской земли,
И именем павших за правду, за братство
Недаром зовутся утесы твои...

— вспоминала Мария Александровна строки из Аниного стихотворения.

...Валы набегут и завоют, застонут,
Разверзнутся бездны одна за другой...

И силы, что были так долго в застое,
Со всеми преградами ринутся в бой...

«Ты перечитывал ее стихи и басни и уверял меня, что Аня будет поэтом и писателем...

Будущее Саши — ученого-зоолога — было для тебя несомненно, и ты очень гордился сыном — будущим профессором. Часто мы думали с тобой, кем будет Оля: музыкантом или филологом? Как легко ей давались языки: в девятнадцать лет она великолепно владела четырьмя языками, радовала поразительными успехами в музыке... А после ее смерти, разбирая учебники на Олиной полке, я нашла «Капитал» Карла Маркса и по ее пометкам в книге увидела, к чему она стремилась.

Митю ты хотел видеть врачом или адвокатом, Маню — учительницей.

Нас тревожило будущее Володи. «Уж очень легко все ему дается, — сетовал ты.— Не помешает ли ему в жизни удивительная способность схватывать все на лету, шутя готовиться к самым трудным экзаменам?..»

После казни Саши Володя сдавал экзамены за гимназию, и здесь впервые мать увидела у него сильную волю, устремленность к цели, способность сосредоточенно работать даже в те дни, когда он тяжко переживал гибель брата и друга. И еще больше укрепилась вера и уважение матери к сыну, когда он, изгнанный из университета, «бунтарь», самостоятельно подготовился в течение года за пятилетний университетский курс и блистательно сдал экзамены экстерном. Володя стал помощником присяжного поверенного. Пятнадцать раз выступил он в Самарском суде, защищая интересы крестьян-бедняков. Все сулили ему блестящую карьеру адвоката.

Но мать знает, что ее сын никогда не мечтал об адвокатской карьере, им владело страстное желание выиграть не тяжбы отдельных лиц, а дело всего народа.

«Володя — мечтатель, — думает Мария Александровна, — поэт и художник, хотя стихов никогда не писал, даже в ранней юности; никогда не рисовал, даже мальчишкой». Как-то в дни революции 1905 года он рассказал матери, что после выступления на большом рабочем митинге ночевал у одного искусствоведа, увидел у него альбом с репродукциями картин и просидел всю ночь, перебирая листы меловой бумаги... С восхищением думал он о том, как много талантливых людей на земле, способных не только увидеть, но и раскрыть жизнь и показать ее другим. Когда малокровное питерское солнце заглянуло в комнату, он с неохотой закрыл недосмотренный альбом, пожалел о том, что нет времени заниматься живописью, и помчался на совещание. В этот день он с особым жаром и страстью громил меньшевиков, которые изо всех сил старались доказать, что хорошей жизнью должны распоряжаться господа, что из их рук рабочий и крестьянин должны получать ими отобранные, ими оцененные, ими разрешенные радости жизни...

...Аня и Саша, Оля и Володя, Митя и Маня... Каждому из них была уготована дорога, сулящая успех, обеспеченную жизнь. А все они выбрали себе пути самые тяжелые, никем не проторенные, жизнь, полную лишений, скитаний. «Что заставило наших детей отказаться от благополучной жизни? — спрашивает себя Мария Александровна, перебирая письма. И, помедлив, твердо отвечает: — Честность».

«Счастье их трудное, но это подлинное счастье. И я знаю, что ты, Илюша, одобрил бы избранный ими путь. Да ты и сам, того не подозревая, готовил их к этому с детства...»

После смерти Ильи Николаевича не было года, чтобы кто-нибудь из детей не сидел в тюрьме, не находился в ссылке, под полицейским надзором, не вынужден был жить в эмиграции, как сейчас Владимир Ильич. И, пожалуй, из всех лет этот год — 1910-й — наиболее благополучный. Мария Александровна весь этот год с детьми,— если не с одним, так с другим,— вот она скоро встретится с сыном.

Мария Александровна вынимает из конверта его письмо.

«...Насчет нашего свиданья в августе было бы это архичудесно, если бы не утомила тебя дорога. От Москвы до Питера необходимо взять спальный, от Питера до Або тоже. От Або до Стокгольма пароход «Буре» обставлен отлично, открытым морем идет 2—3 часа, в хорошую погоду езда, как по реке. Есть обратные билеты из Питера. Если бы только не утомительность железной дороги, то в Стокгольме чудесно можно бы провести недельку!»

Все предусмотрел. Обо всем подумал.

Нет, хороший год тысяча девятьсот десятый!..

Мария Александровна перевязывает пачки писем, укладывает их в шкатулку, глядит на часы.

Скоро одиннадцать. Почтальона осталось ждать недолго.

Мария Александровна выходит на крыльцо. Хозяйка сидит на скамеечке перед домом, чистит рыбу.

— Хювя пяйвя [1],— вежливо здоровается Катри.— Рова [2] Ульянофф собралась на прогулку?

— Нет, жду почтальона.

Катри взглядывает на солнце.

— Скоро будет. Может быть, рова желает кофе?

— Нет, киитос [3],— отвечает Мария Александровна.

«Хювя пяйвя», «киитос», «хювясти» [4] — этих слов может хватить для общения с хозяйкой. Катри молчалива и недоверчива к русским. Русские власти запретили рукодельные кружки для финских домашних хозяек; ввели закон, чтобы финны служили в русской армии, защищали чужую для них страну; убирают финских чиновников и ставят на их место своих, а те не знают финского языка, не интересуются нуждами финнов; русский царь уничтожил финляндскую конституцию.

Но не знает Катри, что сын этой маленькой женщины — самый большой и бескорыстный защитник прав финляндского народа, самый страстный обличитель произвола русского самодержавия. Не читала Катри его последней статьи в «Социал-Демократе» — «Поход на Финляндию». А если бы прочитала, то увидела, с каким гневом обрушился он на новый столыпинский закон против Финляндии. «Придет время — за свободу Финляндии, за демократическую республику в России поднимется российский пролетариат»,— заканчивал он вещими словами эту статью... Ничего этого не знает Катри, простая финская крестьянка. А придет время, и финский народ из рук сына этой женщины получит право на независимое и свободное существование. Не знает Катри, какой друг стоит рядом с ней...

В лесу зазвонил звоночек велосипеда. Почтальон! Вот он затормозил, соскочил с седла, перекинул сумку на грудь, направляется к дому Катри Лясонен.

— Для госпожи Ульяновой,— произнес он важно, протягивая узкий конверт с яркими марками и множеством почтовых штемпелей.

— От Володи! — радостно восклицает Мария Александровна.— От сына,— поясняет она хозяйке,— из Копенгагена.

Мария Александровна вынимает из вязаной сумочки очки, вскрывает конверт.

— «Дорогая мамочка! — читает она.— Посылаю тебе и Анюте горячий привет из Копенгагена. Конгресс закончился вчера. С Маняшей списался вполне: 4 сентября по стар. стилю, т. е. 17/IX по новому, жду вас в Стокгольме на пристани...»

— Жду вас в Стокгольме на пристани,— повторила Мария Александровна и продолжала читать:

— «Две комнаты на неделю 17—24/IX мне наймет в Стокгольме товарищ. Мой здешний адрес есть у Маняши. В Стокгольм писать мне Hr Ulianof Posterestante [5]. Крепко обнимаю.

До скорого свиданья

Твой В. У.

Здесь пробуду до 15.IX.10.».

---

[1] Здравствуйте! (фин.)
[2] Госпожа.
[3] Спасибо.
[4] До свидания.

[5] Г-ну Ульянову до востребования.

— Хорошие вести? — интересуется Катри.

— Добрые вести,— отвечает Мария Александровна.— Сын приглашает к себе в гости, через два дня поеду к нему.

— А почему же он сам не может сюда приехать? В вашем возрасте трудно совершать такое путешествие.

— Не может он сюда. Здесь его посадят в тюрьму.

— Он русский?

— Русский.

Катри сбрасывает мусор с передника в ведро, задумчиво смотрит на старую женщину и, покачав головой, уносит кастрюлю с рыбой в кухню.

Мария Александровна накидывает тальму[1] — решает идти на станцию, чтобы по дороге с вокзала в деревню успеть обсудить с Аней хотя бы часть вопросов, связанных с поездкой.

Анну Ильиничну встретила на опушке леса. Возбужденная, с множеством пакетов и кульков, спешит Аня к матери.

— Нагружена, как пчела богатым взятком. Страсть какая интересная информация для Володи! Очень многое придется Мане запомнить.

— Письмо есть. Ждет нас Володюшка четвертого сентября на пристани в Стокгольме.

— Давай передохнем, я хочу прочитать письмо.— Анна Ильинична складывает пакеты на траву, берет у матери письмо, пробегает его глазами.— Узнаю милого братика. Все так обстоятельно, точно: и по российскому стилю и по европейскому, и заранее приедет... Прелесть. Прямо до слез хочется с вами, но надо проталкивать Володины работы, никак нельзя мне.

— А как с паспортами? — поинтересовалась Мария Александровна.

— Паспорта у меня в сумке. Обошлись недорого: оказывается, на заграничные паспорта сейчас существует определенная такса: рубль дворнику, пять рублей околоточному и двадцать пять рублей приставу. Итого тридцать один рубль, ну и разные гербовые сборы. Теперь дело за билетами. Завтра же поеду за Маняшей. Ух, какие вы счастливые!

— Да, Анечка, я так счастлива! Все так хорошо складывается, ну просто отлично, я никогда еще не чувствовала себя так радостно и спокойно...

Анна Ильинична стала собирать пакеты с деревянными палочками, прикрепленными к шпагату, передала матери большую шляпную картонку.

— Это что?

— Купила Марусе новую шляпку в дорогу и тебе теплышек, на палубе может просквозить. Ой, даже не верится, что вы едете и через несколько дней увидите Володю. Дай я тебя, милая, поцелую. Как я рада за вас!

После обеда Анна Ильинична вынула записную книжку.

— Я передам всю информацию Маняше, но мы с ней будем видеться всего несколько часов, а записывать ничего нельзя. Я расскажу тебе, а затем ей, так будет вернее. Итак,— Анна Ильинична достала блокнот,— я здесь такое нашифровала, что и сама завтра не сумею разобраться. Так... так... Прежде всего передай Володе, что его «Заметки публициста» зачитываются до дыр. Рабочие очень хорошо теперь понимают, кто друг и кто враг. Передовые отходят от меньшевиков. На заводе Михельсона в Москве...

— Подожди, подожди,— говорит Мария Александровна и вынимает из сумочки начатый ею шарф для Владимира Ильича.—

[1] Тальма — род женской накидки.

Мне легче запомнить, когда я ввязываю свои мысли. Ну, продолжай.

Анна Ильинична рассказывает о московских забастовках, о новых руководителях, выдвинувшихся из среды рабочих, о провалах, арестах.

— Володя сам сделает выводы из всего этого, ему нужно точно передать факты, только факты.

Вечером, когда Мария Александровна и Анна Ильинична принялись за укладку саквояжей, послышался стук в окно.

Анна Ильинична опасливо открыла дверь.

— А, Роман Игнатьевич!.. Заходите!

В комнату вошел молодой человек, в руках он мял картуз, на худощавом лице пробивалась пушистая бородка, глаза щурились не то от света, не то от смущения.

— Знакомьтесь, Роман Игнатьевич: моя мама... Садитесь и рассказывайте, как у вас дела. Мама едет в Стокгольм на свидание с Владимиром Ильичем.

— В Стокгольм? — почему-то переспросил юноша.

Уселись за стол. Роман Игнатьевич подробно обрисовал положение на заводе. Мария Александровна угощает чаем, присматривается к молодому человеку. Собранный, серьезный, убежденный, но иногда вдруг улыбка сполохом освещает его лицо, и оно становится совсем юным.

— В прошлом году,—рассказывал Роман Игнатьевич, — меньшевикам удалось захватить на заводе руководство партийной организацией. Выдавали они себя за большевиков, но дела их были меньшевистские: старались втолковать рабочим, что все должно быть «по закону». С конспирацией не считались, почти открыто посещали подпольную типографию — и провалили ее. Стали устраивать крикливые заседания, и осенью почти половина организации была выловлена охранкой. После провала руководство возложили на меня... Больше некому было,— как бы оправдываясь, сказал он.

«Вот один из тех, кто прокладывает дорогу к «заре пленительного счастья»,— подумала Мария Александровна. В суждениях юноши она угадывает ту же ясность цели, ту же решимость и веру, что и в книгах своего сына...

Было уже совсем поздно, когда Роман Игнатьевич взялся за картуз.

— Пора идти.

Он встал и на минуту застыл, сосредоточенно рассматривая козырек своего картуза, потом взглянул в глаза Марии Александровне и с трудом выдавил из себя:

— Если случится вам встретить в Стокгольме Настю... Анастасию Васильевну, я не знаю, под какой фамилией она там живет... Работница питерская, большевичка... Передайте ей привет от Романа... Можете?

— С удовольствием передам, Роман Игнатьевич, с большим удовольствием,— сказала Мария Александровна и с нежностью посмотрела на юношу, словно читая его мысли.

(Окончание в следующем номере)

ДЕРЕВЯННАЯ РУЧКА

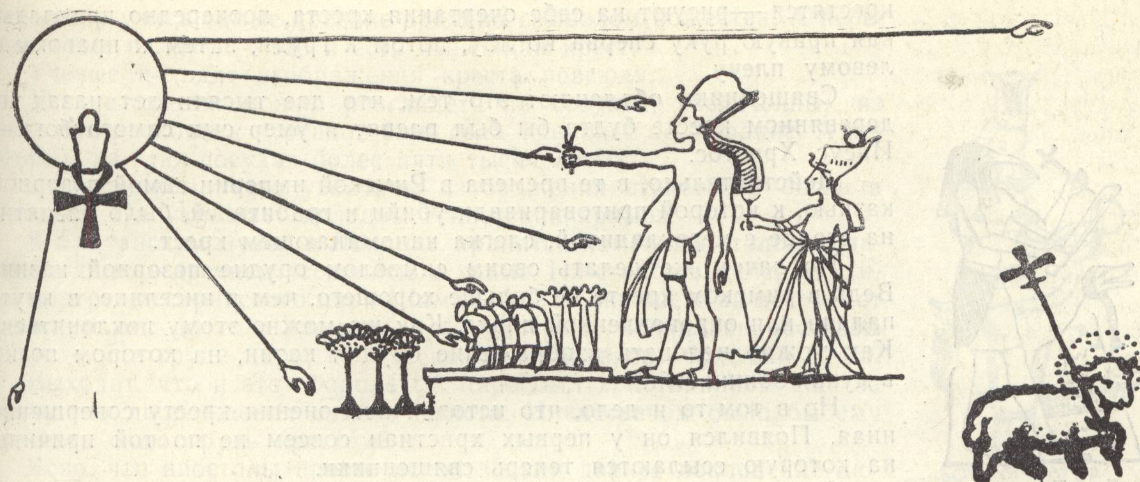
Данил МОГУДАНСКИЙ

Перевел с якутского Николай Глазков.

Желтую простую
Деревянную ручку
Имеют все грамотеи.

Желтую простую
Деревянную ручку
Я увидел в музее.

Ильич подписал
Свой декрет о мире
Ею!

Об оловянном крестике и проросшем зерне

А. ДОРОХОВ.

Рисунки П. Кирпичева.

Писатель А. А. Дорохов закончил новую книгу, названия которой он еще не придумал. Из этой книжки можно узнать, как и когда появилась у людей вера в различных богов и почему сейчас эта вера постепенно исчезает. Писатель рассказывает, почему в нашей стране всерьез верят в бога лишь древние старушки и совсем темные люди и почему коммунисты, комсомольцы и пионеры не только сами не верят ни в каких богов, но и стараются открыть глаза тем, кто еще находится под влиянием попов. Рассказ «Об оловянном крестике и проросшем зерне»—одна из глав этой книги.

Я сидел с удочкой на берегу речушки. Невдалеке, за излучиной, с криками и смехом купались деревенские ребятишки. Там было весело, высоко взлетали брызги, слышались звонкие шлепки рук и ног по воде.

Ко мне подошла маленькая худенькая девочка и тихо опустилась на траву. Она сидела молча и смотрела на воду грустными глазами.

— А что же ты не купаешься? — спросил я.

Девочка вздохнула, но ничего не ответила. Я повторил свой вопрос.

— Мне не хочется,— сказала она.

— Почему? День такой жаркий, а вода теплая. Вон ребята как веселятся!

— Да, им-то весело, а меня, как разденусь, дразнить начнут. Ну их!

— Но почему же обязательно дразнить?

— Потому что вот!

Девочка расстегнула ворот платья, и я увидел маленький оловянный крестик на шнурочке, висевший на ее шее.

— Бабушка велит мне носить крестик. Пусть бог знает, что я его раба. А ребята смеются. Говорят, меня скоро заберут в монашки.

Я постарался объяснить девочке, почему советские ребята не верят в бога и не носят никаких крестиков. А потом подумал, что, может быть, не все знают, отчего именно изображение креста стало главным символом христианской религии.

Почему, например, на куполах церквей обязательно красуется крест? Почему изображение креста можно увидеть на одеждах священников и на обложках религиозных книг? Даже на шее верующие носят на цепочках маленькие металлические крестики, а, молясь богу,

крестятся — рисуют на себе очертания креста, поочередно прикладывая правую руку сперва ко лбу, потом к груди, затем к правому и левому плечу.

Священники объясняют это тем, что две тысячи лет назад на деревянном кресте будто бы был распят и умер сын самого бога — Иисус Христос.

Бог Тор

Действительно, в те времена в Римской империи самой позорной казнью, к которой приговаривали убийц и грабителей, было распятие на столбе с перекладиной, слегка напоминающем крест.

Но зачем же делать своим символом орудие позорной казни? Ведь в римском кресте не больше хорошего, чем в виселице, в кнуте палача или окровавленной плахе. Как же можно этому поклоняться? Как можно целовать изображение орудия казни, на котором погиб в муках божий сын?

Но в том-то и дело, что история поклонения кресту совершенно иная. Появился он у первых христиан совсем не по той причине, на которую ссылаются теперь священники.

Основатели христианской религии — апостолы хотели как можно быстрее привлечь побольше сторонников. Они без стеснения приспосабливали к своему учению все, к чему давно уже привыкли люди того времени.

Обрывки древних суеверий, перелицованные предания и легенды, давние обычаи — все им годилось. Их не смущало, что многие верования и обряды они заимствовали у тех, кого презрительно называли «язычниками». Раз простые люди привыкли этому верить,— пусть это послужит и христианской церкви!

Так произошло и с изображением креста. Апостолы воспользовались здесь одним из самых древних суеверий.

Вера в таинственную силу изображения креста возникла на самой заре человечества и глубоко укоренилась в сознании людей. И вот почему.

Для первобытного человека самым важным в его жизни и в борьбе за существование было обладание огнем. Пламя костра спасало людей от холода, давало им возможность делать из сырой глины посуду, а из металла оружие. Огонь позволял варить пищу, защищал от нападения диких зверей. Научившись пользоваться чудесной силой огня, люди сразу поднялись над животными.

Первоначально люди умели сохранять лишь тот огонь, который дарила им сама природа. Ударит молния и зажжет дерево. Люди подберут тлеющие щепки и угли, раздуют их и разложат костер.

Теперь только бы не дать ему погаснуть! Горе тому, кто не сумеет уберечь огонь, драгоценный дар богов! Виновного в этом преступлении убивали. Ведь из-за него все племя оказывалось обреченным на холод и голод.

Богиня Диана

В одной из пещер, служившей пристанищем людям каменного века, ученые нашли под остатками костра слой пепла толщиной в семь метров! Это значило, что огонь костра поддерживали в течение нескольких столетий. Одно поколение сменялось другим, а костер в пещере горел неугасимо.

Постепенно люди научились добывать огонь и сами. Они брали две сухие палки, складывали их накрест и быстро терли одну о другую, пока они не загорались.

Но появление огня по-прежнему оставалось для людей чудом. Огонь они считали проявлением божественной силы, удивительной силы, которая может и помочь человеку в беде и уничтожить все вокруг.

Вот почему изображение перекрещенных палочек для добывания

огня стало уже в самые древние времена символом божества. А перекрещенные палочки — это и есть нынешний крест.

Ученые находят изображения креста повсюду.

Четкие кресты можно разглядеть на сосудах, извлеченных из земли при раскопках курганов близ села Триполье на Украине. А некоторым из этих сосудов более пяти тысяч лет!

Этим знаком часто увенчаны изображения египетских богов и фараонов. Он украшает колонны египетских храмов.

В Британском музее, в Лондоне, хранится каменный столб, стоявший когда-то в древнем ассирийском храме. На столбе высечен огромный портрет ассирийского царя Шамши-Адада, жившего за восемьсот с лишним лет до того времени, когда впервые появились рассказы о Христе. На груди царя, на массивной цепи, висит большой крест.

Богиня Гатор с Озирисом

Выходит, что и этот бородатый царь был христианином еще за тысячу лет до рождения самого Христа. Иначе зачем было бы ему украшать свою грудь крестом?

Ясно, что апостолы просто использовали давнее поклонение людей кресту как символу божественной силы.

Так ученые разоблачили один из поповских обманов.

Раскрыли ученые и подлинное происхождение другой легенды, которую апостолы внесли в биографию Христа.

В главной религиозной книге христиан, Евангелии, рассказывается, что через три дня после того, как Христос умер на кресте, его гробница оказалась пустой.

Апостолы утверждали, что он чудесно воскрес из мертвых и без свидетелей улетел на небо.

Поэтому главным христианским праздником стал день воскресения Христа, который обычно называется «пасхой».

Впрочем, нет, пожалуй, религии, в которой не рассказывалось бы об умирающих и воскресающих богах. Эта вера также возникла в незапамятные времена, и объясняется она очень просто.

Самым большим несчастьем люди всегда считали смерть. Умер человек и ушел из мира живых навсегда. Ничто не может уже вернуть его обратно на землю, к родным и близким.

То же ждет и животных. Вчера еще лошадь помогала пахать землю, корова давала молоко. А сегодня они пали. Вместо помощницы и кормилицы — недвижные туши. Возврата к прежнему нет, мертвое не оживишь.

Но смерть властна только над людьми и животными. В остальной природе каждую весну происходит радостное чудо воскрешения.

Осенью на земле владычествует смерть. Умирает трава. Она желтеет, высыхает и сгнивает. Умирают и деревья. Их почерневшие стволы и ветви раскачиваются под порывами ветра, как безжизненные скелеты. Умирает река.

Царь Шамши-Адад

Но проходит несколько зимних месяцев, и жизнь возвращается в природу снова.

Таким же удивительным чудом казалось первым земледельцам и воскрешение упавшего в землю семени.

Всю зиму лежали в глиняном чане сухие, мертвые зерна. Весной сеятель разбросал их по полю, заботливо укрыл слоем земли.

И там, во тьме, произошло чудо. Согретые живительными лучами солнца, напоенные теплой влагой дождя, семена ожили. Прошло несколько дней, и из глубины земли начали пробиваться зеленые ростки. И вот уже подымаются к небу гибкие стебли и наливаются зерна в колосьях.

Разве не подлинное чудо творит каждую весну добрый бог? Конечно, чудо!

Вот почему первым великим богом почти у всех народов-земледельцев стало воскресающее весной солнце. Всемогущее солнце, несущее посевам тепло и свет, возвращающее земле жизнь.

А вслед за солнцем таким же добрым божеством люди стали считать и саму оживающую природу.

У древних вавилонян таким воскресающим весной богом был Мардук. У древних финикийцев умирающего и оживающего бога называли Адонисом, в Малой Азии — Аттисом, в Греции — Дионисом.

святой
христофор

Одним из самых главных богов древних египтян был бог влаги и растительности Озирис. Жрецы рассказывали, что когда-то злой брат Озириса, Сет, предательски убил молодого бога, разрубил на множество кусков и разбросал по всей стране. Но жена Озириса, богиня Изида, разыскала все куски его тела, сложила их вместе и оросила своими слезами. И тогда Озирис воскрес и стал владыкой подземного мира. Поэтому каждую весну египтяне сперва оплакивали смерть Озириса, а затем праздновали его воскресение.

Создавая из обрывков различных преданий других народов христианскую религию, апостолы особенно не задумывались, откуда что брать.

Поэтому к рассказам об умирающем и воскресающем боге они добавили еврейское предание о всенародной искупительной жертве.

У древних евреев каждую весну торжественно праздновался «день искупления». В этот день жрецы от имени всего народа приносили своему богу Иегове жертву — барана или теленка. Делалось это для того, чтобы богу понравилась покорность людей и чтобы он не особенно мстил им за грехи, которые они натворили в течение года. Этот праздник по-еврейски назывался «пасха».

Апостолы внушали верующим, что Христос тоже умер на кресте не зря. Он принес в жертву самого себя, чтобы своей смертью заплатить за грехи всех живших когда-либо на земле людей.

Говорить так апостолы были вынуждены. Иначе в их учении не сходились концы с концами.

Ведь если признать, что Христос был действительно сыном всемогущего бога, то почему же отец за него не заступился? Что стоило богу мгновенно уничтожить схватившую Христа стражу и освободить его? Зачем он позволил подвергнуть собственного сына мучительной и позорной казни на кресте?

Чтобы избавиться от таких неудобных вопросов, апостолам пришлось придумать сложное объяснение.

По их словам, выходило, будто бы так хотел сам Христос. Он имел, конечно, полную возможность избавиться от казни. Но он решил претерпеть страдания и этим принести своему сердитому отцу, богу Саваофу, искупительную жертву за грехи людей. Без этого «милосердному» богу было почему-то трудно их простить.

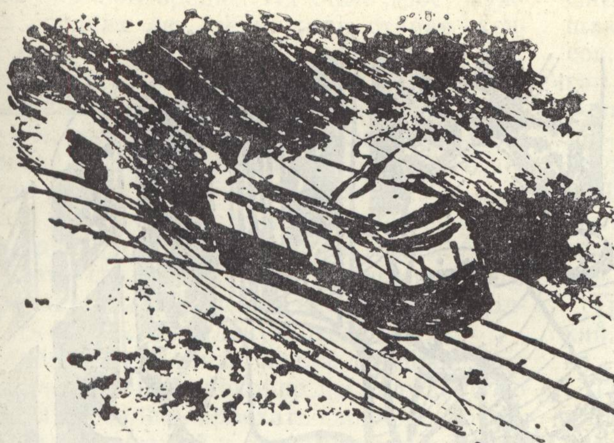

Вознесение
Магомета

Так, недолго думая, апостолы перемешали еврейский обычай с египетскими и вавилонскими преданиями и соединили все это в один праздник — праздник воскресения Христа. А поскольку Христос принес себя в жертву, то день его воскресения стали называть так же, как евреи называли свой день искупления, еврейским словом «пасха».

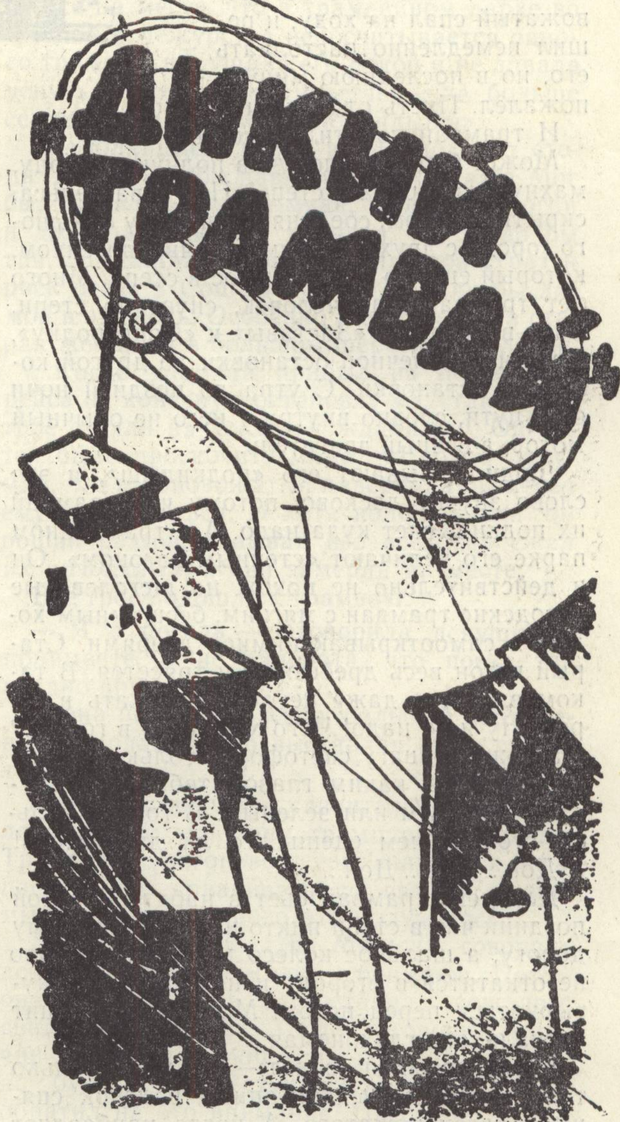
Ученые уже давно разобрались во многих выдумках попов. Попам все труднее обманывать людей, которые изучали историю, знакомы с прошлым человечества и знают, как и почему появилась у первобытных людей вера в богов. Эту наивную веру неграмотных и темных людей использовали богачи, чтобы укреплять свою власть. А жрецы и попы им в этом всячески помогали.

Вот почему пионеры не верят ни в каких богов, не носят крестиков и не празднуют пасху.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки Е. Медведева.

Куда пропал этот старый трамвай? Все его товарищи давно вернулись в трамвайный парк и преспокойно спят. Они зажмурили фонари. Включили тормоза. Не ворочаются. Не звенят во сне. А этот...

Где он сейчас? Для него не существует порядка, и расписание его тоже не касается. Какой-то дикий трамвай! Очень похож на своего вагоновожатого. Оба старика сто́ят друг друга.

Третьего дня ночью в степи поднялся буран. Он засыпал рельсы, и старому трамваю так и не удалось пробиться в город. Ночевал в степи. Его всего завалило снегом. Утром с трудом откопали. Вагоновожатый чуть не замерз. А сегодня их снова нет.

Два часа ночи, а их нет. Пропали без вести. Позавчерашний буран ничему их не научил...

Так рассуждал диспетчер трамвайного парка, поглядывая на часы и прислушиваясь, не возвращается ли на ночлег самый беспокойный житель трамвайного парка.

А трамвай тревожно бьет в свой маленький медный набат. Гудит ветер. Огромным чертовым колесом, не разбирая дороги, катится метель.

Трамвай идет по степи. Кажется, он обиделся на город, взбунтовался и пошел куда глаза глядят. Вокруг ни домов, ни перекрестков, ни улиц, ни площадей. Только сугробы. Рельсов не видно. Их закидало снегом. Провода растаяли во тьме. Так и получается: пошел без рельсов и без проводов.

Действительно дикий трамвай. С головы до ног завален снегом. Крыша, подножки, окна — все в белых клочьях. При свете редких фонарей он похож на старуху с седыми взлохмаченными космами. А в голове торчит большая шпилька.

Хлопья снега совсем закрыли переднее стекло. Оно стало молочным. И сквозь него видны только силуэты покачивающихся на ветру фонарей. Но вагоновожатый не замечает ни молочного стекла, ни фонарей. И хотя он прямо сидит на своей круглой вращающейся табуретке и держит левую руку на рукоятке контроллера, глаза его закрыты.

Сперва вожатому казалось, что снежинки залепляют не стекло, а его глаза. И он дол-

го тер глаза квадратной рукавицей и моргал, чтобы задержать снежинки и чтобы глаза были открытыми. Но они, помимо его воли, становились все у́же и у́же и, наконец, превратились в две щелочки. Старый вагоновожатый уронил голову на плечо и уснул.

Трамвай почувствовал, что никто его не поторапливает на подъеме и никто не придерживает его бег на поворотах. Он насторожился.

Трамвай никогда в жизни не видел, чтобы его вагоновожатый спал на ходу, и решил немедленно растолкать его, но в последнюю минуту пожалел. Пусть отдохнет немного.

И трамвай покатил самостоятельно.

Может быть, он, получив полную свободу, махнул из города в степь? Нет. Два рельса, скрытые снегом, соединяют окраину большого города с двухэтажным рабочим поселком, который еще до войны вырос в степи. Много лет трамвай, как человек, снует по степи. Взад-вперед. От «Заставы» к «Соцгородку». От одной конечной остановки до другой конечной остановки. С утра до поздней ночи он в пути, словно внутри у него не обычный мотор, а вечный двигатель.

Люди называют его «подкидыш», и это слово звучит ласково, потому что трамвай их подкидывает куда надо. А в трамвайном парке его величают «степным вагоном». Он и действительно не похож на щеголеватые городские трамваи с мягким, бесшумным ходом и самооткрывающимися дверями. Старый вагон весь дребезжит и трясется. В таком виде его даже неудобно пускать в город. Ну и не надо! Чего хорошего в городе? На каждом шагу светофоры: только и успевай следить, каким глазом тебе подмигнули — красным или зеленым. В городе больше стоишь, чем едешь. То ли дело степь!

Дон... Дон... Дон...

Для чего трамвай бьет в набат? В такой поздний час в степи никто не перебежит ему дорогу, а шальное колесо метели все равно не откатится в сторону и не перестанет кувыркаться перед носом. Метель не слышит сигнала, она глухонемая.

Когда трамвай звонит,— педаль легонько толкает большой стоптанный валенок спящего вагоновожатого. А когда прибавляет ходу, ручка контроллера бережно передвигает руку в квадратной рукавице. И кажется, трамвай управляет своим вагоновожатым.

Трамвай идет не спеша. Он развез всех пассажиров и теперь возвращается домой.

Трамвай железный, но за многие годы службы и дружбы вагоновожатый поделился с ним своей любовью к людям и своим пониманием жизни. И трамвайное железо потеплело.

Сейчас в трамвае нет пассажиров. Минут десять назад они сошли на конечной оста-

новке — в Соцгородке. Их было трое: мужчина средних лет, девушка и старая женщина.

Всю дорогу мужчина проспал. Трамвай покачивал спящего вожатого, а заодно убаюкал и пассажира. Внушительный пассажирский нос, торчащий из-за поднятого воротника, стал медленно опускаться. Он опускался до тех пор, пока подбородок не уперся в грудь. Мужчина ехал из гостей. Чтоб убаюкать его, трамваю не пришлось долго раскачиваться, а колесам не пришлось долго петь свою колыбельную песню.

Напротив мужчины сидела девушка. Она бодрствовала и беспокойно поглядывала по сторонам: боялась проехать свою остановку. Она была приезжей и поэтому не знала, что на ее остановке кончались рельсы. Рядом с девушкой стоял большой коричневый чемодан. Он стоял послушно, как пес у ноги хозяина. Но девушка почему-то придерживала его рукой, словно боялась, что чемодан убежит. В другой руке она держала розовый билетик. Она держала его так бережно, как будто это был не трамвайный, а лотерейный билет, на который пал выигрыш.

Около двери сидела старая женщина в большом темном платке. Она не замечала ни пассажира, ехавшего из гостей, ни приезжей девушки с розовым билетиком в руке. Она была занята своими трудными, тревожными мыслями. Рот ее крепко сжат, а у переносицы запали две глубокие складки. Белая прядь волос выбилась из-под платка и казалась клочком снега, который не таял потому, что в вагоне было холодно.

Когда трамвай с трудом докатил до Соцгородка, пассажиры встали с мест. Первой вышла старая женщина. Она глазами поблагодарила трамвай и ушла. Она очень спешила.

Потом с подножки соскочила девушка с чемоданом.

— Спасибо! — крикнула она вагоновожатому и, не дождавшись ответа, пожала плечами.

Последним из вагона выбрался засидевшийся гость. Видимо, засиживаться было в его характере, потому что трамвай он тоже покинул как будто нехотя. Пробуждение он воспринял, как новый сон, и теперь шел, покачиваясь, с закрытыми глазами, как лунатик.

Трамвай знал, что ему делать. Он легонько ударил в медный звонок, который был спрятан где-то под полом, и, сделав круг, покатил обратно.

И вот теперь трамвай ползет по степи. Снег залепляет его фонари. И они превращаются в щелочки. Трамвай не видит рельсов. Зато колеса на ощупь находят под снегом свои стальные тропинки. Двоим спать нельзя. Кто-то из них должен бодрствовать, кто-то должен нести трудную трамвайную службу.

Позвонить на всякий случай? А может быть, сигнал разбудит вагоновожатого? Нет, трамвайные звуки не нарушат его сна. Так под грохот пушек спят артиллеристы.

Трамвай дикий, и вагоновожатый тоже дикий. Когда вы — два беспокойных старика — наконец уйдете на пенсию?..

Так думал диспетчер, уронив голову на стол, уставленный телефонами. Он мог бы преспокойно уснуть, но мысль о том, что не все на месте, что в трамвайном парке во время его дежурства недосчитывается одного трамвая, нарушала его покой и не давала уснуть. И от этого диспетчер еще больше сердился на дерзкого «подкидыша».

А «подкидыш» в это время полз по степи. Да, он мог бы давно уже быть дома. Мог бы, как и прочие трамваи, зажмурить огни и до утра включить тормоза. Но тогда бы три пассажира, которых он на свой страх и риск отвез в Соцгородок, не попали бы домой в эту ночь. Особенно его тревожила старая женщина в большом шерстяном платке.

...Когда трамвай прибыл из последнего рейса на конечную остановку «Застава», все трое стояли на кольце и ждали его. Он хотел было проскочить мимо, но потом подумал, что вагоновожатый наверняка бы велел ему остановиться. И хотя колеса взяли хороший разгон, трамвай изо всех сил сжал их колодками, и они замерли на месте.

Все трое подошли к трамваю.

— Я с поезда,— заговорила девушка,— понимаете, я не виновата, что поезд так поздно приходит.

И она подняла с земли большой коричневый чемодан, будто выставляя его в свидетели.

Приезжая девушка удивительно напомнила трамваю мойщицу трампарка Маришу. Трамвай у вагоновожатого научился всех пассажиров сравнивать со своими знакомыми. У того здорово это получалось.

Девушка, похожая на Маришу, говорила долго. А трамвай молча слушал ее. Потом она выговорилась и поставила кожаного свидетеля на снег. Тогда заговорил мужчина с поднятым воротником. Он был похож на бухгалтера Латунного. Трамвай сразу обратил на это внимание. Пассажир, когда говорил, так же размахивал руками.

— И что тебе стоит подвезти нас?.. Раз, два — и в дамках!

Трамвай рассудил так: загулявший «Латунный» мог заночевать в гостях, а «Мариша», прибывшая в город с ночным поездом, вполне могла провести ночь на вокзале. Она молодая. Ради этих двух не стоило ему выбиваться из сил.

Трамвай ждал, что скажет старая женщина. А она ни о чем не просила. Стояла молча, чуть отступив назад.

Трамваю очень захотелось, чтобы она заговорила. Старая женщина напомнила ему одну из многих матерей, которых они с вагоновожатым возили на своем веку и к которым относились особенно сердечно. В строгом лице, в грустных глубоких глазах было что-то материнское, жертвенное. Этой женщине наверняка больше, чем всем остальным, нужен был сейчас старенький трамвай по имени «подкидыш». И только скромная гордость не позволяла ей обратиться с просьбой к усталому трамваю. Она чувствовала, что трамваю за день здорово досталось, и ей было неловко за тех, кто так настойчиво просил его об этом одолжении.

И трамвай понял это. Если женщина скажет хоть одно слово, надо будет ехать. Ехать в любой конец света, куда только доходят два стальных рельса.

А старая женщина молчала.

И вдруг она повернулась и пошла. Она пошла в сторону Соцгородка по тропинке, идущей рядом с трамвайными путями. Она удалялась в степь, где ревел ветер и сплошная тьма окутывала мир.

Трамвай ударил в колокол. Он звал уходящую женщину. Но она то ли не услышала его голоса, то ли не пожелала оглянуться.

Фигурка ее быстро удалялась. Вот ее уже не стало видно, словно метель умчала ее на своем бесшабашном чертовом колесе.

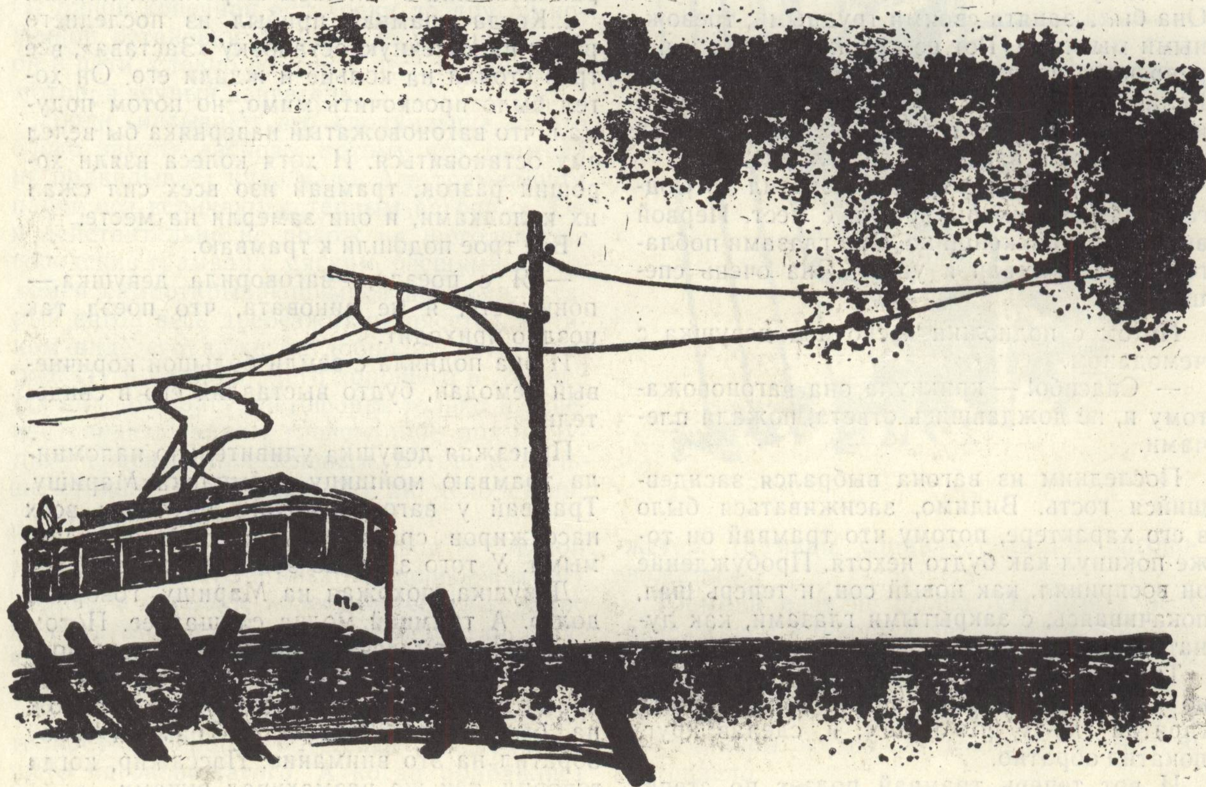
«Что делать? Разбудить вагоновожатого!» — подумал трамвай.

Но, взглянув на своего усталого, спящего друга, не стал этого делать. Он решил поступить так, как наверняка поступил бы вагоновожатый.

Он сошел с рельсов. Но не с тех рельсов, которые звали его в теплый трамвайный парк, в то время как старая женщина удалялась в степь.

Старый трамвай рванулся, высек сиреневую искру и, повернувшись спиной к городу, побежал в степь.

— Что вы надумали?! Или за день не на-

бегались! Или вы думаете, что диспетчер вас по головке погладит за новый самовольный рейс? Разве расписание вас не касается?.. Вот уйду от вас, будете знать! Вас двое, а пассажиров много. Пассажиры найдутся даже глухой ночью. Всех не перевезешь. Поворачивайте обратно!..

Так говорила кондукторша Варвара, недовольно выпятив нижнюю губу. Но вожатый не слышал ее слов, потому что он спал. А трамвай пропустил их мимо ушей.

Напрасно кондукторша Варвара просила трамвай не ехать в степь, требовала, даже кричала. Трамвай не изменил своего решения. А старый вагоновожатый спал.

Тогда Варвара подошла к ночным пассажирам, которые уже сидели на лавках, и ледяным голосом сказала:

— Получайте билеты!

Она оторвала от билетной катушки один розовый билетик, который торчал, как язык. Но на его месте тотчас же вырос новый розовый язык. Варвара безжалостно оторвала и его. Билетная катушка, не унывая, в третий раз показала ей язык. Варвара не обратила на него внимания. Пухлой рукой она защелкнула свою кондукторскую сумку и вышла на заднюю площадку.

— Можешь ехать на все четыре стороны,— сказала она трамваю,— а я остаюсь. Прощай, дикий трамвай. Завтра же попрошусь на другой. На приличный, который ездит только по городу.

И Варвара, сердито сверкнув глазами, на ходу соскочила с подножки.

А «подкидыш» ускорял шаг. Он и так потерял много времени.

Старую женщину трамвай нагнал в степи. Он так спешил, что чуть не проскочил мимо: когда фонари забиты снегом, то плохо видно. Заметив фигуру женщины в платке, побелевшем от снега, он нажал на тормоза. Подножка площадки гостеприимно замерла рядом с ночной путницей.

Старая женщина тоже остановилась и спокойными глазами посмотрела на «подкидыша». Она не удивилась и не обрадовалась, будто ей было безразлично, шагать семь километров по темной, завьюженной степи или ехать в вагоне.

Подножка была высокая, и старая женщина с трудом поднялась на площадку. Она перевела дух, провела ладонью по усталому лицу и сказала: «Спасибо!»

Это было ее первое слово. Трамвай услышал ее голос и обрадовался, как будто ему сейчас недоставало именно этого слова, чтобы пробиться сквозь снег и тьму. И еще он почувствовал, что ему не стыдно будет перед своим другом.

А вагоновожатый спал.

Вагон едет обратно. Один — без пассажиров, без кондукторши Варвары. Иногда он бьет в колокол, и тогда педаль тихонько толкает большой стоптанный валенок спящего вагоновожатого. Иногда он поет. Вы слыхали, как поют трамваи? На поворотах у них песня одна, на прямой дороге — другая. Это поют колеса, а подпевают им рельсы, длинные, как струны.

Вот уже проехали второй пост. Хорошо, когда все вокруг колышется, движется, бушует, а под колесами прочные рельсы.

«Крепись, старина,— сам себе поет трамвай,— сегодня ты самостоятельный: вагоновожатый спит, а Варвара ушла. Ну и что из этого? Обойдусь без Варвары. Стану трамваем без кондуктора. Теперь все передовые трамваи работают без кондуктора. Правда, трамваев без вагоновожатого пока нет».

Трамвай пел. Он был очень доволен, что выручил своего друга.

Они всегда приходят на помощь друг другу, и, если одному из них трудно, другой говорит:

— Давай подсоблю.

И, может быть, трамвай бежит потому, что бьется сердце вагоновожатого, а вагоновожатый ходит по земле, потому что вертятся колеса трамвая. А что будет, если разлучить их?

Трамвай замедлил ход, и его слабые огни стали внимательно всматриваться в степь, раздвигая белые кружевные занавесы метели. Где это было? Здесь или немного подальше? Зашипели тормоза: кажется, здесь...

Да, да, много лет тому назад фашистский самолет нагнал его в степи именно здесь. А трамвай был переполнен пассажирами. Он вез людей в город: кого на работу, кого на войну... Вообще-то ни в каких правилах не сказано, что мирный трамвай должен принимать бой. У него нет ни пушки, ни пулемета. Скорее всего трамвай должен остановиться и высадить пассажиров... А может быть, сойти с рельсов и бежать без оглядки прочь.

Трамвай растерялся.

И тут он почувствал твердую руку вагоновожатого.

«Бежать? Этого еще недоставало!»

«Но что мы можем еще сделать?»

«Будем воевать! Только слушайся меня! Не хнычь и четко выполняй все приказы!»

Вагоновожатый ударил по педали — и трамвайный звонок зазвучал, как сигнал боевой тревоги.

Вагоновожатый пришпорил трамвай — повернул рычаг контроллера. И маленький «подкидыш» — он был тогда молодым — прибавил ходу. Он мчался так, как будто у него за спиной выросли крылья. Неужели трамвай уйдет от самолета?

Фашистский самолет опускался все ниже, чтобы было удобнее целиться и стрелять. Его тень уже скользнула по рельсам. Что ты делаешь, трамвай? Сейчас от тебя ничего не останется!

Но теперь трамвай знал, что ему делать. Рука вожатого резко нажала на тормоз. Пассажиры попадали друг на друга, а трамвай неожиданно помчался... назад.

Фашистский самолет проскочил мимо. Он не смог так резко затормозить. Его пули беспорядочно затанцевали по шпалам, далеко впереди трамвая.

Но поединок не кончился. Неудача только подогрела фашиста. И он, сделав круг, пошел на второй заход. Для верности он опустился еще ниже. Теперь пассажиры видели кресты на его крыльях и дуло пулемета, которое торчало впереди, как железный клюв. Самолет мчался в атаку, а трамвай стоял на месте как вкопанный.

Нужно признаться, что трамвай весь трясся от страха.

«Что же мы не едем? Сейчас фашист...»

«Стой и не шевелись! Ясно?»

Трамвай не понимал замысла вагоновожатого. Но он доверился ему. А пассажиры доверились трамваю.

Нужно обладать большим хладнокровием, чтобы устоять на месте, когда на тебя надвигается смерть. Трамвай до боли сжал тормоза. А пассажиры затаили дыхание. Фашистский самолет с ревом пронесся мимо. Он снова не рассчитал.

Когда фашистский самолет снова лег на боевой курс, трамвай спросил у вожатого:

«Убегаем?»

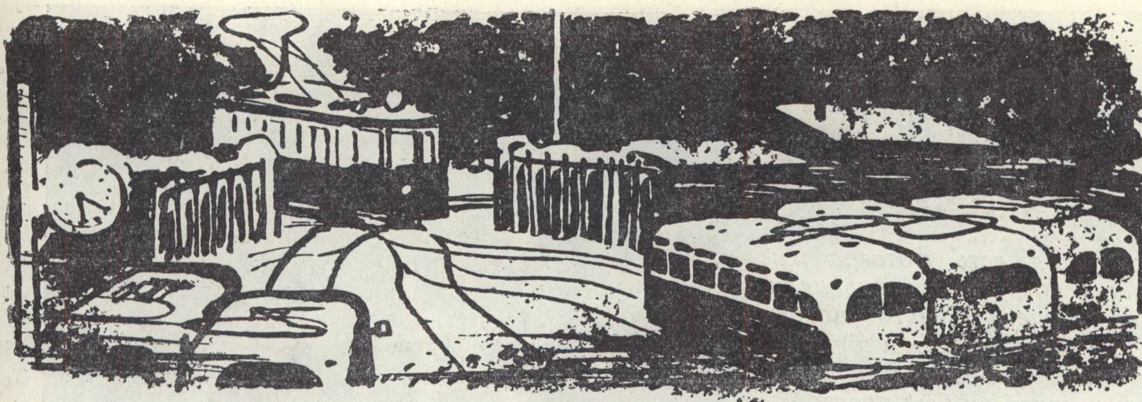
«Бежим навстречу, и как можно быстрей!»

И трамвай на полной скорости кинулся навстречу атакующему фашистскому самолету. Этого фашист уж никак не ожидал. Он совсем прижался к земле, словно хотел раздавить дерзкий трамвай своим желтым брюхом. Ударил пулемет. Огоньки трассирующих пуль, обгоняя друг друга, устремились к трамваю. Три пули попали в заднюю площадку. Кто-то из пассажиров упал.

И вдруг позади «подкидыша» раздался оглушительный взрыв. Это фашистский самолет не рассчитал высоты, задел крылом за трамвайный провод и врезался в землю.

Вагоновожатый вытер пот со лба. Трамвай прибавил ходу. И они заторопились в город, чтобы скорей доставить раненого пассажира в госпиталь.

Осенью в пробоины тек дождь. И пассажиры уходили с задней площадки, словно боялись, что здесь снова могут просвистеть пули. Потом вагоновожатый залатал крышу своего вагона. Но люди еще долго пом-

нили о поединке «подкидыша» с фашистским штурмовиком. И вагоновожатый гордился своим трамваем, который в трудную минуту не сошел со своих главных рельсов.

...Нет, дикий трамвай пропал без вести! Через несколько часов в трамвайном парке будет побудка, и веселые трамвайные гонги затрезвонят, как звонки будильников. А «подкидыша» все нет. Он еще не ложился.

Диспетчеру не спалось. Он отругал Варвару, которая бросила своих товарищей ночью в степи, и теперь все еще не мог прийти в себя. Он ходил по комнате и все прислушивался, прислушивался...

А трамвай идет по степи. Снегу нанесло столько, что особенно не разбежишься.

Около «Заставы» вагон как следует тряхнул своего друга, и тот проснулся. Город не степь, здесь вожатый должен быть на посту.

Вагоновожатый открывает глаза, встряхивает головой. Ему кажется, что он только на минутку смежил веки. Большой квадратной рукавицей он трет глаза. Вожатый невысокого роста, в черной шинели с длинными рукавами. Лицо у него круглое, и поэтому тесемочки ушанки еле сходятся под подбородком. Ушанка надвинута на глаза, и не видно, есть под ней брови или нет. И неизвестно, что скрыто под шапкой: редкие седые волосы или щетинистый бобрик? Видны только чуть приплюснутый нос, потрескавшиеся губы и широко раскрытые воспаленные глаза.

Вожатый ударяет по педали — раздается звон. Передвигает рукоятку контроллера — вагон ускоряет шаг. Трамвай чувствует сильную теплую руку, и ему становится легче.

Трамвайный парк спал, и «подкидыш» въехал в ворота тихо, как на цыпочках, чтобы не потревожить спящих товарищей.

Навстречу полуночнику вышел диспетчер.

— Опять вез? — спросил он вагоновожатого, и в голосе его звучал мягкий упрек.

— Никого не вез! — уверенно отозвался старик.

— Но, но, но! — сказал диспетчер с лукавой ноткой в голосе.— Мне Варвара все рассказала. Из-за трех пассажиров трамвай гонял.

И тут вагоновожатый что-то понял. Он улыбнулся. Диспетчер не разглядел улыбки на его старом, усталом лице. Зато трамвай сразу заметил ее.

Трамвай облегченно вздохнул, зажмурил все свои огни, включил тормоза и спокойно уснул.

А что сделаешь ты?

Н. ПОЛЯКОВА

Пока ты рос, и ел, и спал,
Пока был ростом очень мал,
Наверно, тысячи людей
О жизни думали твоей:

Чтобы рос хорошо,
Чтобы ел хорошо,
Чтобы спал хорошо
И играл хорошо.

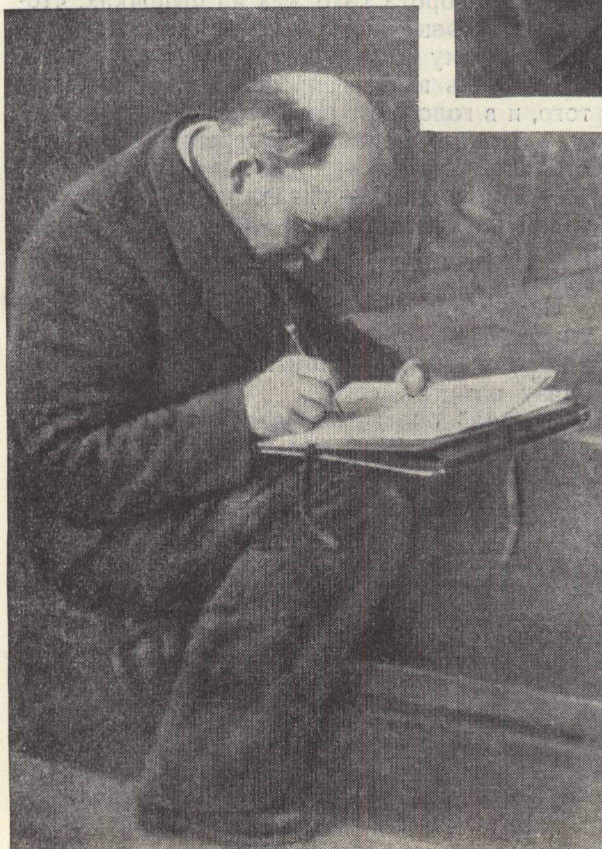
Ты станешь старше и сильней,
Умелым будешь, смелым.
Чем ты порадуешь людей?
Каким хорошим делом?

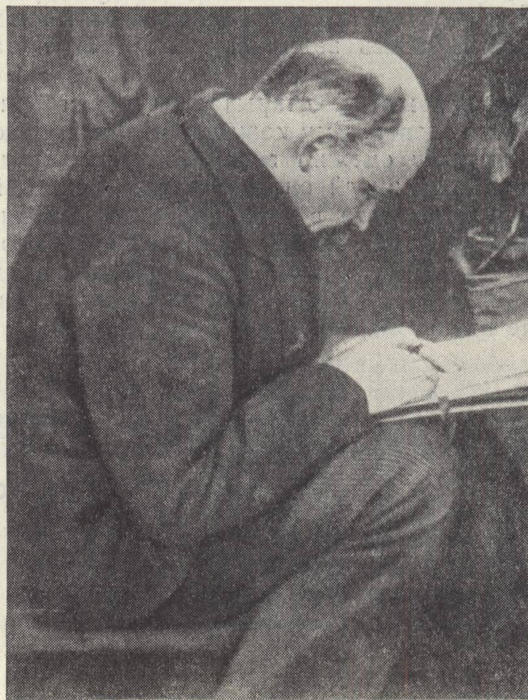
ЛЮБИМАЯ ФОТОГРАФИЯ

«У меня есть фотография: Ленин сидит на ступеньках и что-то пишет. Я часто смотрю на эту фотографию и думаю, как много работал Владимир Ильич, какой он был простой... Очень прошу вас: напечатайте эту фотографию в журнале, пускай все ребята на нее посмотрят».

Такое письмо прислала нам Надя Никифорова из Алма-Аты. С большой радостью выполняем мы просьбу Нади. Фотография, о которой она пишет, была сделана летом 1921 года в Ан-

древском зале Большого Кремлевского дворца. В зале тогда проходил III Конгресс Коммунистического Интернационала. Делегаты Конгресса, съехавшиеся в Москву из разных стран, выступали по очереди на трибуне. А Ленин, скромно пристроившись на ступеньках трибуны, внимательно слушал их, записывал свои мысли, замечания. Он так углубился в работу, что даже не заметил фотографа с аппаратом (а аппараты в то время были большие, громоздкие, на треножных подставках).

Несколько снимков успел сделать фотограф. И мы решили напечатать для вас не один из них, а сразу четыре. На четвертой фотографии вы видите, как художник И. Бродский рисует Владимира Ильича. Ленину некогда было позировать, и художник ловил минуты, чтобы запечатлеть его образ на бумаге.

Стихи шведских поэтов

Здесь вы прочитаете стихи известных шведских поэтов, В. Рюдберга и Э. Тегнера.

Виктор Рюдберг (1828—1895) был не только поэтом, писателем, но и историком. Всю жизнь изучал он народные сказания и легенды, и в его стихах чувствуется влияние шведской народной поэзии.

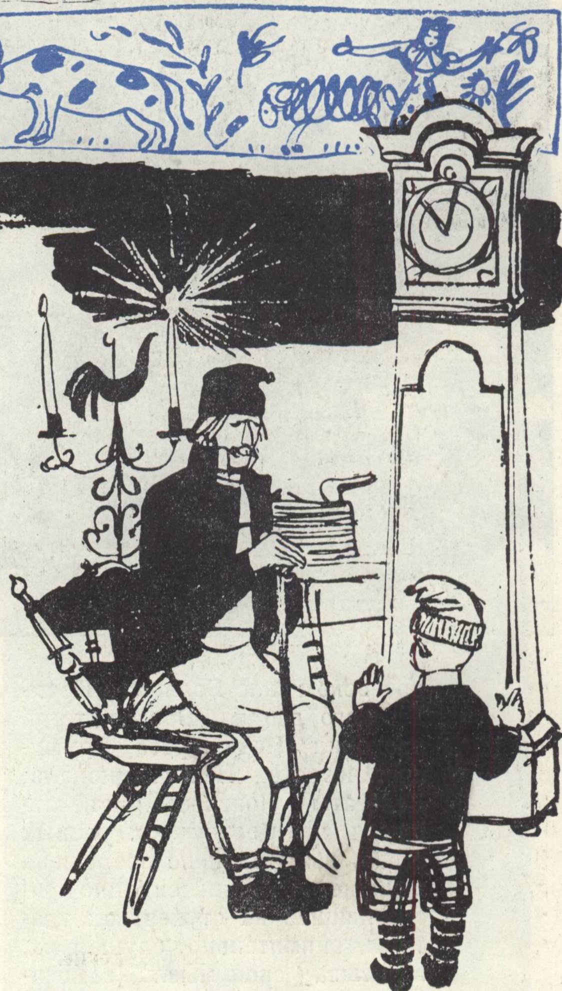
Эсайас Тегнер (1782—1846) — знаменитый шведский поэт. Он создал много прекрасных, патриотических стихотворений и поэм. Самое знаменитое его произведение, «Сага о Фритьофе», написано на основе народных сказаний.

Виктор РЮДБЕРГ

Рисунки Ф. Лемкуля.

Переводы Ю. Вронского.

Нисcе*

Ночь морозная. Звездный узор
В небе бездонном стынет.
Спит одинокий крестьянский двор
В снежной глухой пустыне.
Месяц проходит свой древний круг,
Дремлют белые поле и луг,
Дрема всю землю объемлет.
Ниссе один не дремлет.

Серый, почти неприметный на взгляд,
Ниссе стоит у сарая,
Так же, как многие зимы назад,
Тот же простор озирая.
Смотрит на черный, безмолвный бор,
Двор окруживший, словно забор,
И на луну над поляной,
И о загадке странной
Он размышляет опять и опять
В призрачном лунном свете.
«Нет, этой тайны не разгадать
Мне ни за что на свете».
И, как обычно, мысли о ней
Ниссе отбрасывает скорей.

Ночь на земле настала —
Ждет его дел немало.
Он проверяет при свете луны
Двери, замки, засовы.
В стойлах прекрасные летние сны
Смотрят сейчас коровы.

* Сказочное существо из скандинавского фольклора, маленький добрый домовой.

Спит и Буланка в конюшне своей.
Сено в кормушке. Забыты над ней,
Полной благоуханья,
Все дневные страданья.

Ниссе заходит проведать ягнят —
Спят ли, все ли на месте.
Смотрит в курятник, где куры сидят
В ряд на уютном насесте.
К Шарику в гости заходит потом.
Пес, просыпаясь, виляет хвостом,
Носом в карманах шарит —
Сахару ищет Шарик.

После к хозяевам милым своим
Ниссе идет, безмятежный,
Муж и жена не скрывают, что им
Дорог их Ниссе прилежный.
Ну, а сейчас ребятишек черед.
Ниссе на цыпочках к детям идет.
Нет для него на свете
Зрелища лучше, чем дети!

Видит он: сын сменяет отца —
Снова знакомое чудо!
Век за веком — и так без конца.
Вся эта жизнь — откуда!
Род возникал, исчезал без следа,
Цвел, увядал, уходил. Но куда!

Снова загадка эта
Тщетно ждала ответа.

Вот и опять он в сарае сенном
Рядом со старой ивой.
Здесь он живет, под самым гнездом
Ласточки хлопотливой.
Пусто в гнезде, но наступит весна,
Все расцветет, и вернется она
С мужем щеголеватым
Снова к родным пенатам.
Будет о многом она щебетать,
Но не поведает птица
Ниссе о тайне, что он разгадать
Столько веков стремится.

Месяц сквозь щелку в стене сенника
Светит на бороду старика.
В призрачном этом свеченье
Он погружен в размышленья.
Мир застыл, молчалив и угрюм,
Лес, как глухая ограда.
Лишь издалёка слышится шум,
Слышится шум водопада.
Кажется Ниссе, будто ему
Слышно, как время струится сквозь тьму.

Где же начало потока!
Кто побывал у истока!

Ночь морозная, звездный узор
В небе бездонном стынет.
Будет спать до рассвета двор
В снежной глухой пустыне.
Месяц проходит свой древний круг,
Дремлют белые поле и луг,
Дрема всю землю объемлет.
Ниссе один не дремлет.

Эсайас ТЕГНЕР

Все пальмы у Нила лишились теней,
И солнце палит все сильней и
сильней...
И тут мы тоскуем по отчему краю...
На Север!
На Север!
Слетаемся в стаю...
И где-то под нами, на солнце горя,
Земля зеленеет, синеют моря.
Там штормы бушуют, там буйствуют
бури,
А мы, словно тучки, скользим по лазури.

Высоко в горах расстилается луг.
Спускается стая. Пустынно вокруг.
Там яйца кладем мы под ласкозым
взглядом
Полночного солнышка, с полюсом рядом.

Ни разу охотник тех мест не сыскал.
Лишь гномы там золото ищут средь скал,
Крылатые эльфы играют там в салки
И бродят в зеленых нарядах русалки.

Но вот возвращается Стужа опять
И снежным крылом начинает махать.
И зайцы белы, и рябины багряны,
И мы собираемся в теплые страны.

К лугам зеленеющим, к теплым волнам
И к пальмам пора уже трогаться нам.
И там, отдохнув от похода большого,
Начнем тосковать мы о Севере снова.

НА ЦЕЛИНЕ — А. Черкасский

ВСХОДЫ — Е. Гудин

НЕТ! НЕТ! НЕТ! Б. Пророков

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ Б. Пророков

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА! Б. Пророков

МАТЬ Б. Пророков

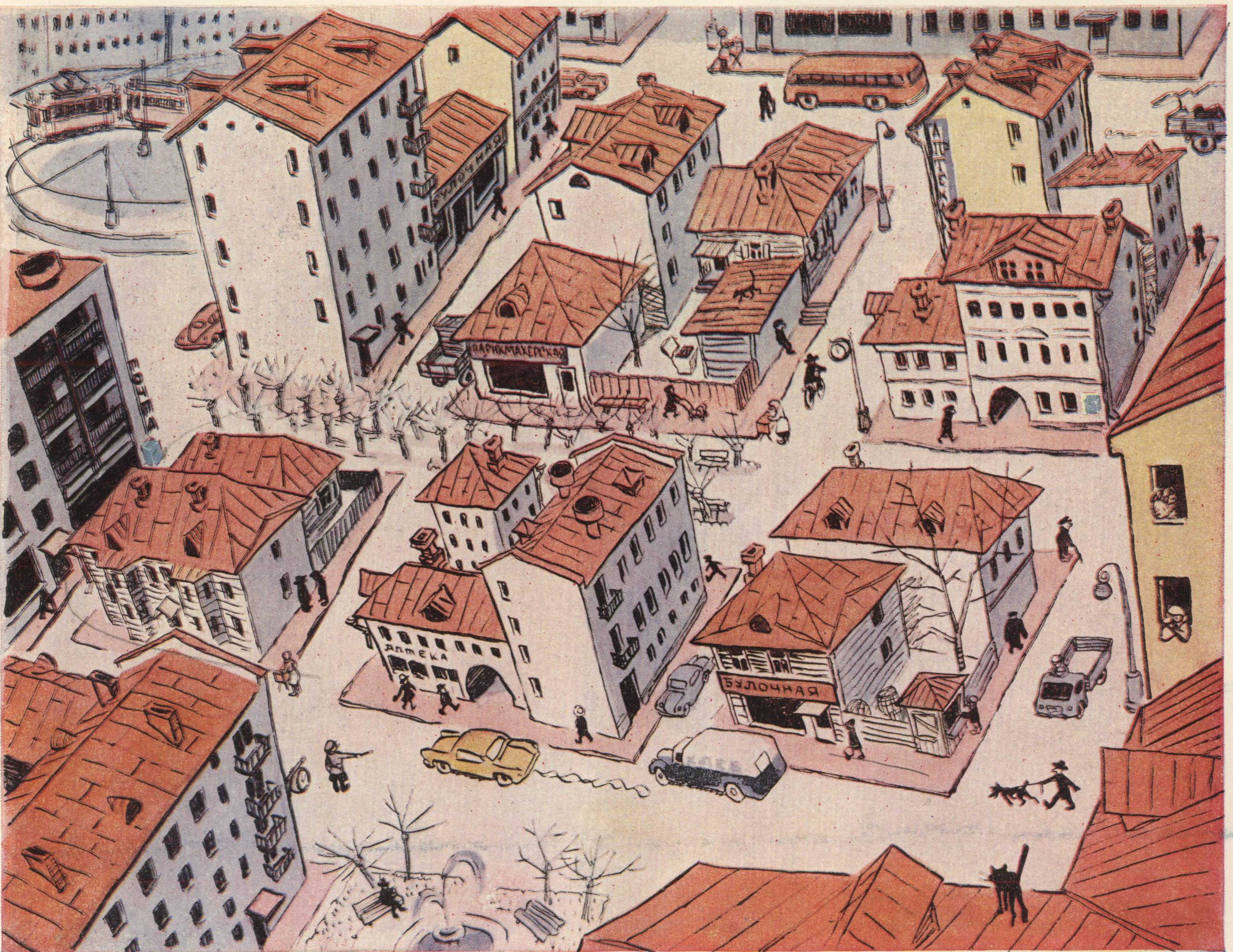

Рисунок Е. Ведерникова.

В. МАТВЕЕВ

Рисунки Е. Ведерникова.

Двумя секретами меньше

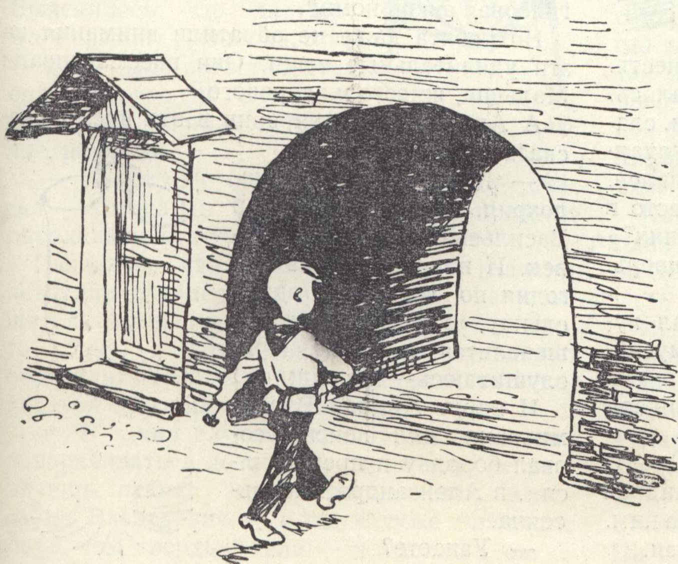
МАЛЫШ ДЕЙСТВУЕТ

Малыш долго обдумывал план действий. Он разыскал во дворе Девчонку и объявил:

— Сегодня в 6.00 я приступаю к выполнению операции М-1. Надо проверить одну мысль... До шести никому ни слова, ясно?

— Ясно, — сказала Девчонка. — Можно, я с тобой?

— Нет, — сурово сказал Малыш и посмотрел вдаль. — Это опасно. Мало ли что! В случае чего ждите звонка по телефону. Если скажу: «На бульваре продают подснежники», — значит, мне нужна помощь. Бегите скорее к цветочному киоску.

Малыш сдержанно сказал: «Пока» — и твердым шагом направился к воротам.

Узнав о случившемся, Толстяк и Большой пошли к Девчонке и стали ждать, когда позвонит Малыш.

Наконец, телефон зазвонил.

— Разыщите в кустах за киоском письмо, — услышали они голос Малыша.

Он волновался. Говорил задыхаясь, словно кто-то долго гнался за ним. Он даже не повесил трубку на рычаг. Спешил или... не успел?

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

У цветочного киоска Малыша не оказалось. В кустах за киоском Толстяк нашел записку:

«...Я долго не мог понять, куда меня ведут. Потом стал запоминать все, что мог. Запахло свежими булками. «Тут булочная, — подумал я, — может, мы на Широкой?»

Потом мы свернули...

— Сливочное, пломбир, эскимо! — услышал я впереди хриплый голос мороженщицы.

Кто-то спросил:

— Как пройти к аптеке?

— Первый поворот направо.

— Я забыл опустить письмо, — сказал один из моих спутников.

— А вот почтовый ящик, — ответил ему другой.

Миновав почтовый ящик, мы свернули налево. На углу опять свернули налево и прошли еще два квартала. Перешли улицу, и я услышал, как мороженщица расхваливала свой товар: «Покупайте сливочное, пломбир, эскимо!»

Поравнявшись с ней, мы свернули налево, дошли до угла и еще раз свернули налево; я почувствовал запах одеколона и распускающихся тополей.

Уличный шум вдруг смолк, послышался звук, будто хлопало на веревке мокрое белье, но скоро мы снова оказались на улице. Значит, мы прошли проходным двором. В нос ударил отвратительный запах рыбьего жира, карболки и еще чего-то лекарственного.

Тут опять послышался простуженный голос мороженщицы; дойдя до нее, мы пошли еще дальше прямо, перешли через улицу и оказались перед дверью дома. Поднялись на второй этаж. Я насчитал двадцать шесть ступенек...»

— Я знаю! Его похитили! — закричал Большой.

— Ему завязали глаза! — ахнула Девчонка.

— Мы должны найти его, — сказал Толстяк и первым ринулся на крик: «Пломбир, эскимо, сливочное!»

ПОПАЛСЯ, ГОЛУБЧИК!

— Вот этот дом! — воскликнул Толстяк.

— Знакомый домик! — заметил Большой.

Ребята стояли перед домом в Грифельном переулке, в котором жил Андрей Владимирович.

Пересчитали ступеньки, ведущие на

второй этаж. Их оказалось двадцать шесть. Остановились перед дверью, прислушались. Тихо... Потом послышались легкие шаги, слабый звон стекла, плеск воды... Вдруг раздался резкий, рассерженный голос: «Попался, голубчик! Теперь не улизнешь. Твое место в темном чулане. Будешь там сидеть, понял?»

Ответа не было. Громко хлопнула дверь, щелкнула задвижка.

Ребята переглянулись. Большой сжал кулаки. Толстяк согнул руку и пощупал мускулы. Девчонка решительно позвонила.

Когда дверь отворилась, ребята увидели на пороге... улыбающегося Малыша!

— Нашли все-таки, я же говорил! — И Малыш торжествующе посмотрел на Андрея Владимировича, который вышел вслед за ним.

Андрей Владимирович тоже улыбнулся.

— Входите, входите, — сказал он.

Только теперь ребята разглядели в глубине коридора коротенького полного человека; он стоял у дверей и взволнованно говорил:

— Какой наглец! Опять выловил из аквариума золотую рыбку и сожрал ее без остатка! Ну, что вы на это скажете?

Из чулана доносилось жалобное мяуканье...

— Это кот Голубчик сидит арестованный, — объяснил Малыш.

ДВУМЯ СЕКРЕТАМИ МЕНЬШЕ

В квартире Андрея Владимировича две комнаты. В той, куда вошли ребята, стояли стол, стулья, тахта, а на стенах в разных местах висели неожиданные вещи: на одном гвозде — военная каска и планшет с картой, на другом — большой, похожий на настенные часы амперметр, а рядом — смеющаяся гипсовая физиономия.

Но ребята даже не обратили внимания на эти удивительные вещи. Они рассматривали Малыша, живого и здорового.

А Андрей Владимирович в это время рассказывал:

— Малыш давно заподозрил, что я и Александр Васильевич — один человек. И вот спускаюсь сегодня по лестнице, вдруг слышу, в темноте кто-то шевелится и сопит. Прислушиваюсь — Малыш.

И вдруг Андрей Владимирович снял пенсне, сорвал бородку и превратился... в Александра Васильевича.

— Узнаете?

Все, кроме Малыша, были ошеломлены.

— Понятно, — проговорил наконец Толстяк, — человек обращает прежде всего внимание на различия...

— И, как видите, не сразу замечает сходство, — развел руками Александр Васильевич. — Но это для нас повторение пройденного, к которому мы, однако, еще вернемся. Сегодня мы займемся другой темой. Вот почему я попросил Малыша помочь мне в его собственном похищении.

ВИДЕТЬ С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

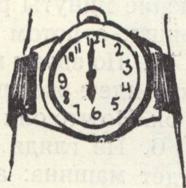
— Вы все знаете, как нужны человеку глаза, — начал Александр Васильевич, — и как трудно обходиться без них. Но слух, осязание, обоняние, если ими умело пользоваться, могут в какой-то мере заменить зрение.

Видеть человек может сразу много вещей вокруг, а то, что слушаешь, должно быть как бы растянуто в одну линию, в которой звуки следуют один за другим. Попробуйте-ка понять что-нибудь, когда три человека сразу читают вслух три разные книги. В умении слушать и слышать следует упражняться.

— Мне, Александр Васильевич, можно не упражняться. У меня абсолютный слух, — заметил Толстяк. — Я прекрасно слышу подсказку с самой задней парты.

— Это мы сейчас проверим, — улыбнулся Александр Васильевич.

Он вышел и попросил у своего соседа карманные часы. К каждому из ребят он подносил часы, а потом медленно удалялся с часами в руках до тех пор, пока тиканья не было слышно. Выяснилось, что дальше всех слышит Девчонка, хотя всем было известно, что она никогда не слушала подсказок и никакой тренировки у нее, значит, не было.

— А вот еще один опыт с часами, — сказал Александр Васильевич. — Попробуем определить, откуда слышен звук.

Оказалось, что даже с закрытыми глазами нетрудно определить, с какой стороны слышится тиканье, если часы расположены где-то сбоку, и почти невозможно правильно определить направление звука, если часы находятся сзади или спереди.

— В таких случаях приходится медленно поворачиваться до тех пор, пока ясно не различишь, откуда звук, — рассказывал Александр Васильевич. — Воздух хуже проводит звук, чем твердые тела, — продолжал он, — вот почему разведчики, приложив ухо к земле, слышат далекий топот коня или скрежет танков.

Сосед Александра Васильевича молча слушал, а потом сказал, ни к кому не обращаясь:

— Кошки прекрасно видят в темноте, и глаза у них светятся. Красиво. — Он почему-то вздохнул. — Пойду выпущу Голубчика.

Вскоре сосед вернулся, держа в руках старую, пожелтевшую фотографию.

— Хочу рассказать вам про своего фронтового друга. Вот он тут в серединке стоит. Среди шоферов, которых я на своем веку немало перевидал, нет и не было Алексею равных.

Как-то застряла автоколонна с боеприпасами на мосту. Поломалась одна машина, мост обстреливают, и людям приходит конец из-за этой машины. Человек пять шоферов хлопочут вокруг мотора, ищут неисправность. Подошел Алексей, стоит, покуривает.

«Помоги, чего стоишь!» — кричат ему. А он голову наклонил, будто прислушивается. «А ну-ка свечу проверьте», — говорит. Посмотрели — так оно и есть. Вот как человек слышал! Не знаю уж, к месту ли моя история, — закончил Антон Петрович смущенно.

— Очень даже к месту, — сказал Александр Васильевич. — Мастер своего дела всегда слышит больше, чем остальные. Я встречал взрывников, которые по звуку взрыва могли точно сказать, что и где взрывали, какой был заряд и даже удачный ли был взрыв. Хороший слух — верный помощник мастерам самых разных специальностей.

Перед уходом домой ребята получили еще один кусок секретной записки (посмотрите ее на 36-й странице).

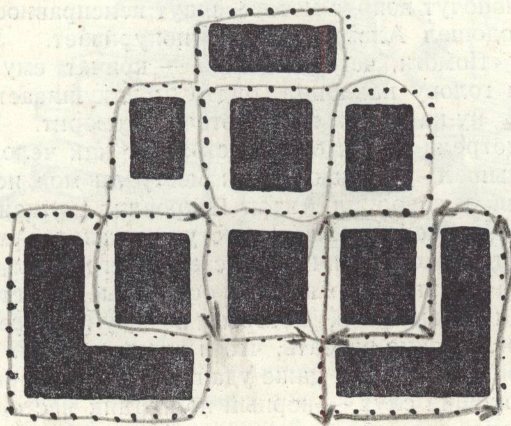
— Ну, теперь я ее как дважды два прочитаю, — сказал Большой.

Потом Александр Васильевич дал ребятам задание расклеить на ближайших улицах афиши, извещающие о том, что в воскресенье в Народном театре состоится премьера спектакля «Пять вечеров».

— Только с условием, — сказал Александр Васильевич, улыбаясь, — работать с умом. Ни по одной улице не проходить дважды.

принимают в шко-
ание ШУН, кого эта шко-
т?
ние, память, находчивость,
вту, летчику, хирур-
овит разведчиков,
фессий, - наблюда-
всем нужны.
ный" незнакомец
тает он диспетче-
ся театром,

И Александр Васильевич вручил ребятам вот такой план района:

* * *

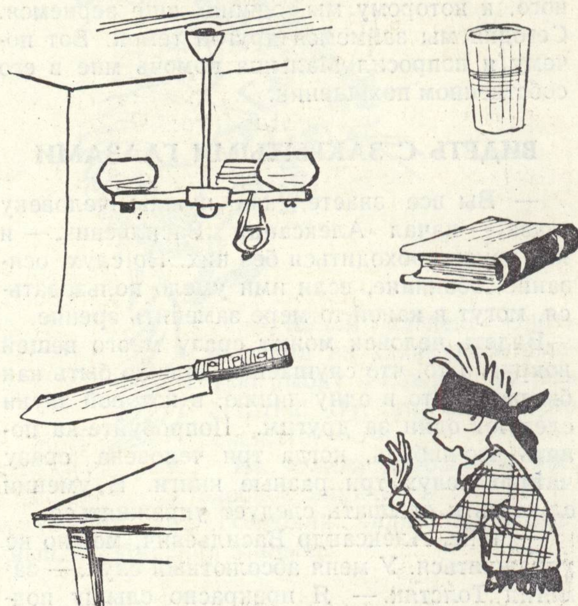
Попробуйте и вы, ребята, проложить на этом плане маршрут так, чтобы он прошел по всем улицам, мимо всех домов. Только помните об одном условии: маршрут не прерывать, по каждой улице проходить только один раз. Разрешается только пересекать свой путь.

Попытайтесь определить, каким был путь Малыша «с завязанными глазами».

Устройте занятие ШУН. Выполните следующие упражнения:

1. Отыщите по звуку спрятанные в комнате часы.

2. Громко повторяйте то, что произносит кто-нибудь из ребят шепотом на расстоянии 10 — 12 метров.

3. Идя с завязанными глазами, определите, в каком направлении вас ведут. Через 5 — 6 минут остановитесь, не снимая повязки, определите, где вы находитесь.

4. Попробуйте слушать одновременно в течение минуты радио и читающего вслух товарища, а потом расскажите об услышанном.

5. По звуку шагов на лестнице определите, кто идет: женщина, или мужчина, или ребенок. Во что они обуты.

6. Не глядя на дорогу, определите, какая идет машина: автобус, легковая или грузовик. В какую сторону едет машина.

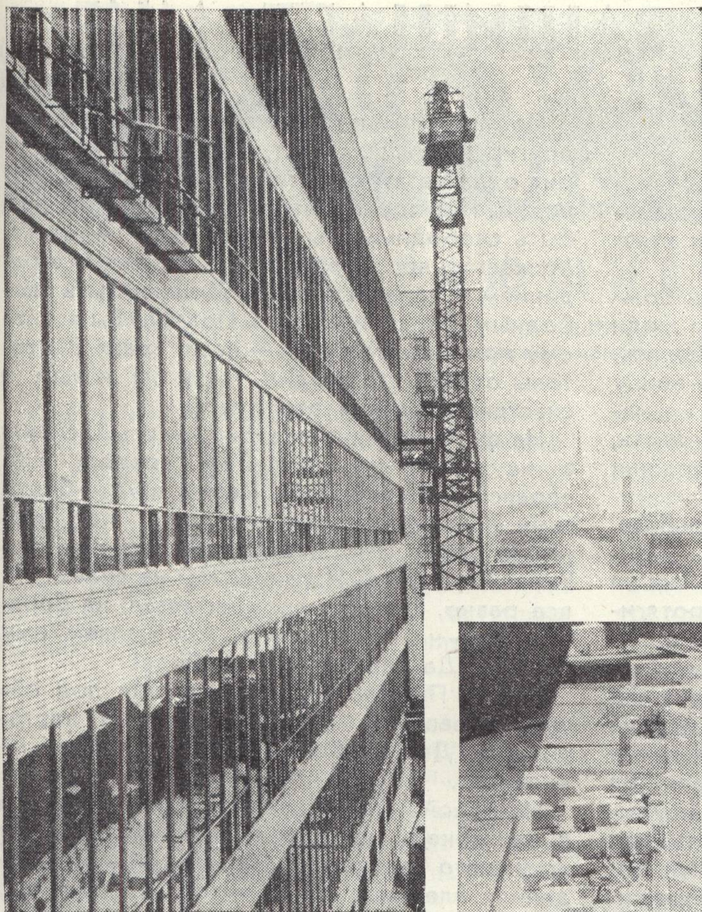
7. Проведите такое соревнование. Один из ребят стоит с завязанными глазами, а остальные стараются подойти к нему как можно ближе. Задача человека с завязанными глазами — определить, кто и с какой стороны к нему приближается.

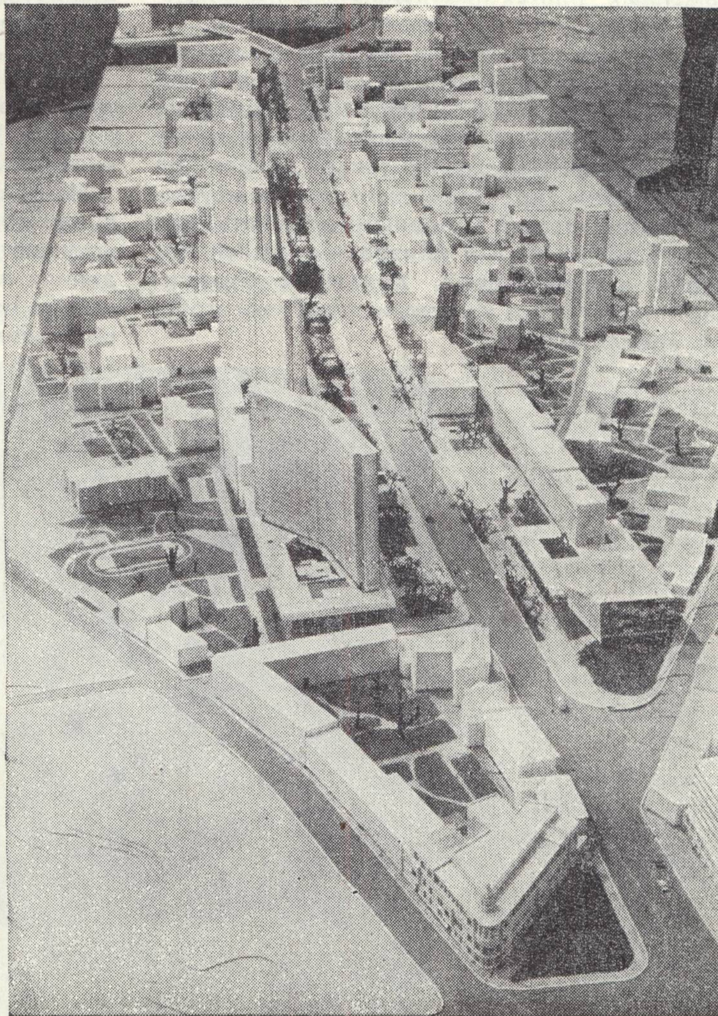
8. Определите на слух, по какому предмету постучали карандашом: по стакану, по книге, по столу, по ножу, по любому предмету из самых различных материалов — стекла, дерева, металла, пластмассы.

9. Посоревнуйтесь, кто из вас благополучно минует с завязанными глазами 5 — 6 препятствий на пути длиной в 10 — 12 метров.

этажных корпуса. Это жилые дома. Их построят по последнему слову современной техники, из бетона, стекла, алюминия, пластмасс. Реконструкция Арбата закончится к 50-й годовщине Великого Октября.

И вот еще интересная фотография. Это новый Московский почтамт. Его строят на Комсомольской площади, около вокзалов. По специальному тоннелю к самому почтамту будут подходить почтовые вагоны. На плоской крыше оборудуется площадка для вертолетов, доставляющих почту из аэропортов. За сутки новый почтамт с помощью конвейеров и лифтов будет принимать и отправлять более миллиона писем, сто тысяч бандеролей и сто пятьдесят тысяч посылок.

НОВАЯ МОСКВА

Фото А. Стужина

Всякий, кто хоть раз побывал в столице, скажет, что Арбат — старая Москва. И правда, нигде в городе не найдешь столько узких переулков, потемневших от времени домов, как на Арбате. Но скоро все здесь изменится. Взгляните на фотографию справа. На ней изображен макет широкой магистрали — Новый Арбат. Она прорежет сеть глухих кривых переулков. Исчезнут ветхие дома. Вдоль нового проспекта встанут в ряд четыре белых двадцатидвух-

ХУДОЖНИК ЗАЩИЩАЕТ МИР

Человек ненавидит фашизм.

Человек ненавидит войну.

Человек ненавидит расистов. Тех, кто линчует негров. Тех, кто считает, что белые лучше черных, что одни народы ниже и хуже других.

Он защищает мир. Он хочет, чтобы бомбы и голод не убивали детей, и чтобы люди были свободны, и чтобы матери улыбались, а не плакали. Ради этого он объявил войну всему темному, жестокому и злому на нашей большой планете. Его оружие — кисть, краска, бумага. Этот человек — художник Борис Пророков.

Мы хотим, чтобы вы его знали, ребята. Знали и любили.

Вот перед вами негритянский мальчик на каменных плитах набережной. Он протягивает ладошку за милостыней. Горячее солнце бросило свои лучи в эту ладошку. Оно щедро освещает мальчишку. Оно греет его так же ласково, как и всех мальчишек на свете — белых, желтых и черных. Солнце справедливо. Почему же такая печаль на этом тонком, красивом лице, в этих неулыбающихся глазах? Холодным, злым ответом застыл вдали серый призрак—военный корабль колонизаторов. Художник спрашивает: ты за кого? Художник требует, чтобы ты сделал выбор.

Посмотрите на цветных вклейках его другие картины. «Нет, нет, нет!» — говорит одна из этих картин. Нет рабству. Нет цепям. Нет поработителям. Человек должен быть свободным. Вы видите лицо человека. Мужественное и гордое, оно искажено страданием и ненавистью. Он должен быть свободным! Вы хотите этого. Правда? Вы хотите ему помочь. Его враги — ваши враги. Вы готовы отдать что угодно, лишь бы ясным и счастливым стало это лицо...

На фоне багряного зарева — алый силуэт в неудержимом движении вперед. «Да здравствует свобода!». Перед вами—будто сама революция, стремительная, как ураган, и, как он, сметающая все преграды. Это Куба? Венесуэла? Испания? Мы не знаем. Но все равно, где бы народ ни встал на борьбу, мы — на его стороне, мы желаем ему победы. Да здравствует свобода!

Есть у Пророкова серия картин под общим названием «Это не должно повториться». Две из этих картин вы видите на вклейках.

На одной — женщина со строгим лицом и с винтовкой на плече бережно держит уснувшего младенца. На другой — изможденная пленница за колючей проволокой, собрав последние силы, взметнула для удара тяжелую кирку. Картины напоминают нам о недавнем прошлом, о войне. Сейчас фашисты снова поднимают голову на Западе. Снова точат топоры, снова готовят петли и виселицы. Но нет, это не должно повториться! Гнев, ненависть, боль встают и в вашем сердце.

Так художник помогает вам на всю жизнь полюбить все, что любит сам: все, что светло, справедливо и прекрасно; помогает на всю жизнь возненавидеть все, что сам ненавидит, что черной тенью омрачает нашу планету.

Нищета. *Б. Пророков.*

Тайны раскрытые и нераскрытые

РАЗБЕГАЮЩИЕСЯ МИРЫ

Ю. КАЛИНИН,
кандидат физико-математических наук

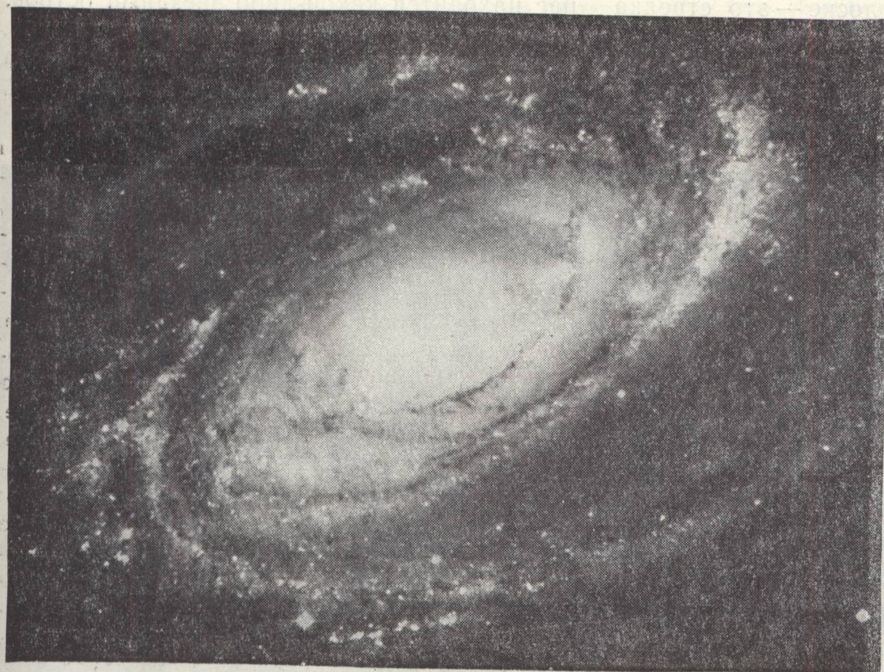
Еще в начале нашего века не знали, что Вселенная состоит из неисчислимого множества звездных миров. Не знали, что наша галактика — мерцающие на ночном небе звезды и призрачная полоса Млечного Пути — лишь небольшая часть Вселенной, лишь остров в необозримом пространстве космоса. Сейчас таких звездных островов-галактик открыто больше ста миллионов.

На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил...

Волнующе прекрасны певучие лермонтовские строки. Но... современная астрономия начисто опровергает созданный ими поэтический образ.

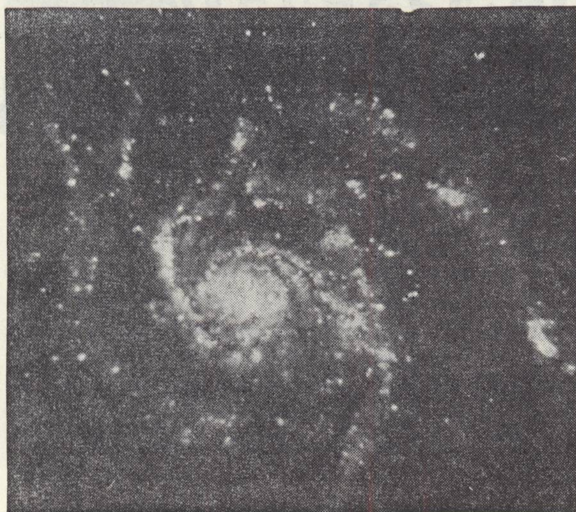
«Тихо плавают»... Вряд ли эти два слова уместны в отношении предметов, мчащихся с бешеной скоростью сотен и тысяч километров в секунду. У пули, снаряда и даже у космической ракеты — скорость черепахи против скорости любого из звездных островов. Но как узнали астрономы, что у галактик такие скорости? Как вообще обнаружили это движение? Ведь даже звезды, принадлежащие к нашей галактике и, следовательно, несравнимо более близкие к нам, кажутся глазу неподвижными!

Для автомобиля, для поезда, для самолета инженеры придумали прибор, измеряющий скорость: спидометр. Какой же спидометр измеряет скорость далеких миров? Этот спидометр — свет. Свет, идущий от одной звезды, и общий, суммарный свет миллиардов звезд, составляющих какую-либо из далеких галактик.

Физики давно уже узнали, что чем длиннее световая волна, тем краснее свет. Например, желтый свет краснее, чем зеленый, а оранжевый — краснее, чем желтый. Потом открыли, что если светящееся тело приближается к нам, его световые волны как бы укорачиваются и от этого кажутся бо-

Это большой «звездный остров», спиральная туманность М 81. Ее можно видеть (разумеется, с помощью телескопа) на том участке неба, где расположено созвездие Большой Медведицы. М 81 отделена от нас расстоянием, которое даже свет с его невообразимой скоростью успевает пройти лишь за два миллиона шестьсот тысяч лет...

А вот другая звездная спираль — М 101. Она видна на том же маленьком участке неба, что и первая, но обе относятся к двум различным скоплениям галактик, столь же далеким друг от друга, как и от нас. Спираль М 101 мы видим словно бы с птичьего полета, тогда как М 81 повернута к нам чуть боком и поэтому выглядит не круглой, а продолговатой.

лее синими. И наоборот, если тело удаляется, его свет кажется наблюдателям более красным, чем он есть на самом деле, потому что световые волны удлиняются. При этом на радужной полоске, которую можно получить от любого космического тела, излучающего свет, будут смещены и линии. Нормальное расположение этих линий астрономы знают с точностью до тысячных долей миллиметра и по смещению судят о скорости небесного тела. Можно сказать, что линии на радужной полоске — это стрелка на шкале небесного спидометра.

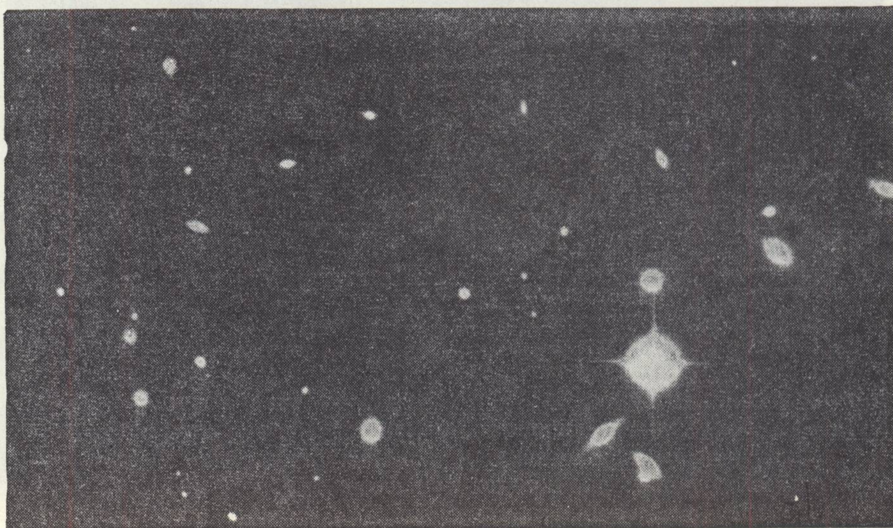
Солнце, как и Земля, вращается вокруг своей оси. При этом один край солнечного диска движется от нас, а противоположный (по экватору) движется в нашу сторону. И вот стоило навести на края солнечного диска специальный прибор, спектрограф, как оказалось, что на «заходящей» стороне свет краснее, а на «восходящей» синее, чем свет, идущий от остального солнечного диска.

Этим способом астрономы уточняют и скорость вращения планет. Этим же способом они установили, что у Юпитера в суточном вращении полярные зоны отстают от экватора на шесть минут. Так же измеряют скорость искусственных спутников Земли.

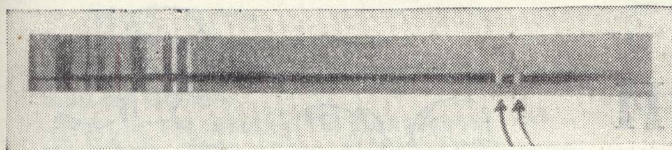
А теперь вернемся к далеким звездным островам, галактикам. Естественно, что каждый раз, когда новые, более «дальнозоркие» телескопы открывали все новые и все более отдаленные галактики и даже целые «облака галактик», ученые наводили на них «небесный спидометр» — спектрограф. И он сообщал удивительные вещи.

Оказалось, что у всех далеких галактик красное смещение света. А ведь это означает, что все они удаляются от нас, удаляются в разные стороны.

Мало того, оказалось, что чем дальше от нас находится какой-либо звездный остров, тем сильнее у него покраснение света. Так, галактики в созвездии Девы, удаленные на шесть с половиной миллионов световых лет, имеют скорость 1 200 километров в секун-

На этой фотографии — скопление галактик в созвездии Северной Короны. Каждое туманное пятнышко — огромный звездный мир. Но миры эти так далеки, что даже самые мощные телескопы не могут сфотографировать их крупнее, чем здесь. До этих галактик — 130 миллионов световых лет. Красное смещение в спектрах показало, что они «убегают» со скоростью 22 тысячи километров в секунду.

Так выглядит на негативе спектр одной из далеких галактик. Он выделяется в виде темной продольной полоски на более широкой полоске спектра рассеянных солнечных лучей.
Слева, в фиолетовой части солнечного спектра, отчетливо видны две светлые линии. В спектре галактики эти две линии тоже есть (их отметили стрелками). Видите, какое смещение? Из фиолетовой части в зеленую. Смещение показывает, что до этой галактики два миллиарда световых лет и что у нее скорость удаления — 60 тысяч километров в секунду.

ду, а галактики в созвездии Волопаса, от которых свет идет двести двадцать восемь миллионов лет, имеют скорость 39 500 километров в секунду. Выходит, что Вселенная расширяется? В чем же дело? Почему мчатся во все стороны эти гигантские звездные миры? Почему у них такие сумасшедшие скорости и почему эти скорости возрастают с расстоянием? Советский физик Фридман чисто математическим путем доказал, что так оно и должно быть, что Вселенная расширяется, потому, что это — одно из ее свойств и оно находится в полном согласии с теорией великого физика Альберта Эйнштейна.

Для того, чтобы сделать такие выводы, понадобились годы напряженного труда, размышлений, расчетов. И все же модель Вселенной, мысленно построенная учеными, оказывается куда менее сложной, чем реальная окружающая нас необозримая Вселенная.

Итак, она расширяется?

На это отвечают так: часть Вселенной, которую мы видим и в которую проникли наши земные телескопы, по-видимому, действительно расширяется. Возможно, в какой-либо другой, недоступной для нашего наблюдения части безграничного пространства происходит обратное, и там спектрограф показал бы астроному не красное, а фиолетовое смещение световых волн.

Но почему так происходит? Этого пока никто точно не знает. Быть может, разгадав тайну красного смещения у галактик, люди поймут, как рождаются гигантские звездные миры, наполняющие космос.

ЧЕЛОВЕК ОКАЗАЛСЯ СТАРШЕ

Как произошел человек? Каковы звенья в длинной цепи, ведущей от обезьян к высокоразвитым разумным существам? Находки древних костей помогают ученым все дальше проникать в глубь тысячелетий. Самые ранние следы нашего ближайшего предка — кроманьонского человека — имеют возраст 35 тысяч лет. Неандертальский человек, стоявший на более низкой ступени развития, жил 150 тысяч лет назад. Свыше трехсот пятидесяти тысяч лет назад жил питекантроп, «обезьяночеловек», кусок челюсти которого был обнаружен на острове Ява.

Ну, а что было до него? Где та грань, за которой уже можно сказать: «Вот оно, начало, до этого была обезьяна»?

Около сорока лет назад в Южной Африке была найдена лицевая часть черепа австралопитека, или «обезьяны из Таунгса», с зубами, очень напоминающими зубы человека. А еще через десять лет нашли многие кости от трех скелетов, похожих на «обезьяну из Таунгса». Эти существа, жившие более шестисот тысяч лет назад, держались вертикально; ходили, как человек, на двух ногах.

Ходили, как человек... но были ли они уже людьми? Людей ведь отличает от животных прежде всего способность к труду, умение изготовлять орудие.

Тут надо рассказать о других загадочных находках, сделанных учеными за последние десятилетия, — о каменных голышах, обитых с одной, а иногда с двух сторон. Вид этих камней, всегда одинаковым способом обработанных, заставлял думать о намеренных, продуманных действиях. Но чьих? Это не могли быть питекантропы, потому что возраст гальки на 200 тысяч лет больше, чем возраст костей питекантропа. Тогда, может, австралопитек? Но в соседстве с костями австралопитеков не нашли никаких орудий, даже этих примитивно обитых галек.

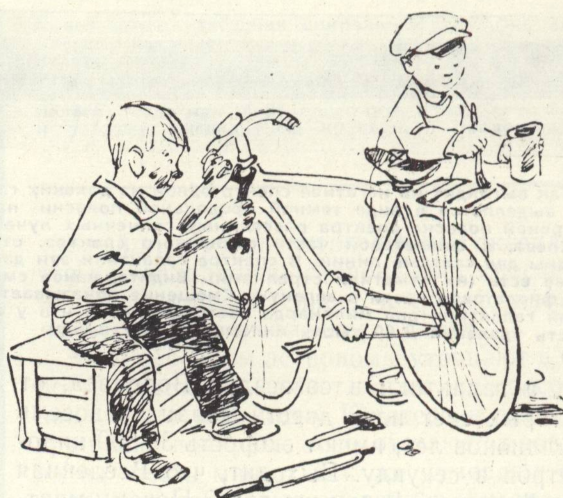
Двое антропологов, Мери и Льюис Лики, задались целью узнать: стоят ли австралопитеки в ряду наших разумных предков? Из года в год 25 лет подряд они вели раскопки на горном плато в Танганьике. И вот наконец в одном из ущелий они нашли то, что искали так долго и упорно. В глубоко лежащих вулканических слоях они обнаружили череп существа, похожего на австралопитека (его назвали зинджантропом), разломанные кости мелких животных, по-видимому, служивших ему пищей, и, главное, орудия: расколотые голыши с грубо обитыми краями.

Итак, существа, еще более древние, чем питекантроп, уже имели орудия. Но когда они жили?

Двое английских физиков взялись установить это с помощью радиоактивных атомов. «Атомные часы» дали такой ошеломляющий ответ, что физики не поверили своим глазам. Снова и снова они повторяли анализ, пользуясь различными образцами породы, взятой в соседстве с костями. И каждый раз получали тот же результат: один миллион семьсот пятьдесят тысяч лет! Около двух миллионов лет назад жил на свете зинджантроп, и он был уже не обезьяна, потому что употреблял орудия, знал труд.

Возраст человечества, оказывается, старше, чем думали раньше.

НА САДОВОЙ БОЛЬШОЕ ДВИЖЕНИЕ

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунки Ю. Узбякова.

У Ваньки Дыхова был велосипед. Довольно старый, но все-таки ничего. Раньше это был велосипед Ванькиного папы, но когда велосипед сломался, Ванькин папа сказал:

— Вот, Ванька, чем целый день гонкѝ гонять, нá тебе эту машину, отремóнтируй ее, и будет у тебя свой велосипед. Он, в общем, еще хоть куда. Я его в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году купил на барахолке, он тогда почти новый был.

И Ванька так обрадовался этому велосипеду, что просто трудно передать. Он его утащил в самый конец двора и совсем перестал гонка гонять, наоборот, он целый день возился со своим велосипедом: стучал, колотил, отвинчивал и привинчивал. Он весь чумазый стал, наш Ванька, от машинного масла, и пальцы у него были все в ссадинах, потому что он, когда работал, часто промахивался и попадал себе молотком по пальцам. Но все-таки дело у него ладилось, потому что у них в пятом классе проходят слесарное дело, а Ванька всегда был отличником по труду. И я Ваньке тоже помогал чинить машину, и он каждый день говорил мне:

— Вот погоди, Дениска, когда мы ее починим, я тебя на ней катать буду. Ты сзади, на багажнике, будешь сидеть, и мы с тобой всю Москву изъездим!

И за то, что он со мной так дружит, хотя я всего только во втором, я еще больше ему помогал и, главное, старался, чтобы багажник получился красивый. Я его четыре раза черным лаком покрасил, потому что он был все равно что мой собственный. И он у меня так сверкал, этот багажник, как новенькая машина «Волга», и я все радовался, как я буду сидеть на нем, и держаться за Ванькин ремень, и мы будем носиться по всему миру.

И вот однажды Ванька поднял свой велосипед с земли, подкачал шины, протер его весь тряпочкой, и сам умылся из банки, и защемил брюки внизу бельевыми зажимами. И я понял, что приближается наш с ним праздник. Ванька сел на машину и поехал. Он сначала объехал не торопясь вокруг двора, и машина шла под ним мягко-мягко, и было слышно, как приятно трутся о землю шины. Потом Ванька прибавил скорости — и спицы засверкали, и Ванька пошел выковыривать номера, и стал петлять и крутить восьмерки, и разгонялся изо всех сил, и сразу резко тормозил, и машина останавливалась под ним как вкопанная. И он по-всякому ее испытывал, как летчик-испытатель, а я стоял и смотрел, как механик, который стоит внизу и смотрит на штуки своего пилота. И мне было приятно, что Ванька так здорово ездит, хотя я могу, пожалуй, еще лучше, во всяком случае, не хуже. Но велосипед был не мой, велосипед был Ванькин, и нечего тут долго разговаривать, пускай он делает на нем все что угодно. Приятно было видеть, что машина вся блестит от краски, и невозможно было догадаться, что она старая. Она была лучше любой новой. Особенно багажник. Любо-дорого было смотреть на него, прямо сердце радовалось.

И Ванька скакал так на этой машине, наверное, с полчаса, и я уже стал побаиваться, что он совсем забыл про меня, но нет, на-

прасно я так подумал про Ваньку. Он подъехал ко мне, ногой уткнулся в забор и говорит:

— Давай влазь.

Я, пока карабкался, спросил:

— А куда поедем?

Ванька сказал:

— А не все равно? По белу свету!

И у меня сразу появилось такое настроение, как будто на нашем белом свете живут одни только веселые люди, и все они только и делают, что ждут, когда же мы с Ванькой к ним приедем в гости. И когда мы к ним приедем — Ванька за рулем, а я на багажнике,— сразу начнется большущий праздник, и флаги будут развеваться, и шарики летать, и песни, и духовые оркестры будут греметь, и клоуны ходить на голове.

Такое вот у меня было удивительное настроение, и я примостился на свой багажник и схватился за Ванькин ремень. Ванька крутнул педали—и прощай, папа, прощай, мама! Прощай, весь наш старый двор, и вы, голуби, тоже до свидания! Мы уезжаем кататься по белу свету! Ванька вырулил со двора, потом за угол, и мы поехали разными переулками, где я раньше ходил только пешком. И все теперь было совершенно по-другому, незнакомое какое-то, и Ванька все время позванивал в звонок, чтобы не задавить кого-нибудь:

— Ззь! Ззь! Ззь!

И пешеходы выпрыгивали из-под нашей машины, как куры, и мы мчались с неслыханной быстротой, и мне было очень весело, и на душе было свободно, и очень хотелось горланить что-нибудь отчаянное. И я горланил букву «а». Вот так: «Аааааа!..» И очень смешно получилось, когда Ванька въехал в один старенький переулок, в котором дорога была вся в булыжниках, как при царе Горохе. Машину стало трясти, и моя оралка на букву «а» стала прерываться, как будто стоило ей вылететь изо рта, как кто-то сразу обрезал ее острыми ножницами и кидал на ветер. Получалось: «А! а! а! а!». Но потом опять мы покатили по асфальту, и все снова пошло как по маслу: «Аааааа-аааааа!»

И мы еще долго ездили по переулкам и наконец очень устали. Ванька остановился, и я спрыгнул с багажника. Ванька сказал:

— Ну, как?

— Блеск,—сказал я

— Тебе удобно было?

— Как на диване,— сказал я,— еще удобней. Что за машина! Прямо экстра-класс!

Он засмеялся и пригладил свои растрепанные волосы. Лицо у него было пыльное, грязное, и только глаза синели. И зубы блестели вовсю.

И вот тут-то к нам с Ванькой и подошел этот парень. Он был высокий, и у него был золотой зуб. На нем была рубашка с короткими рукавами, и на руках у него были разные рисунки, портреты и пейзажи. И за ним плелась такая лохматенькая собачушка,

сделанная из разных шерстей. Были кусочки шерсти черненькие, были беленькие, попадались рыженькие, и был один зеленый... Хвост у нее завивался кренделком, одна нога поджата... Этот парень сказал:

— Вы откуда, ребята?

Мы ответили:

— С Трехпрудного.

Он сказал:

— Вона! Молодцы! Откуда доехали! Это твоя машина?

Ванька сказал:

— Моя. Была отцовская, теперь моя. Я ее

сам отремонтировал. А вот он,— Ванька показал на меня,— он мне помогал.

Этот парень сказал:

— Да. Смотри ты!.. Какие неказистые ребята, а прямо химики-механики.

Я сказал:

— А это ваша собака?

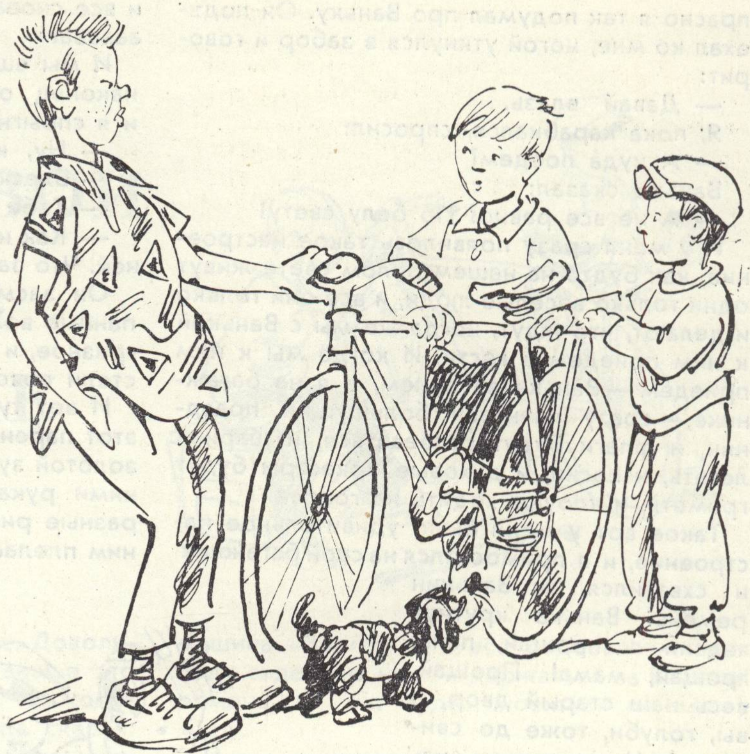
Этот парень кивнул:

— Ага. Моя. Это очень ценная собака. Породистая. Испанский такс.

Ванька сказал:

— Ну что вы! Какая же это такса? Таксы узкие и длинные.

— Не знаешь, так молчи,— сказал этот парень.— Московский там или рязанский такс длинный, потому что он все время под шкафом сидит и растет в длину, а это собака другая, ценная. Она верный друг. Кличка — Жулик.

Он помолчал. Потом вздохнул три раза и сказал:

— Да что толку! Хоть и верный пес, а все-таки собака. Не может мне помочь в моей беде...

И у него на глазах появились слезы! У меня прямо сердце упало: что с ним?

— А какая у вас беда?

Этот парень сразу покачнулся и прислонился к стене.

— Бабушка помирает,— сказал он и стал часто-часто хватать воздух губами и всхлипывать.— Помирает бабуся! У ней двойной аппендицит...

Он посмотрел на нас искоса и добавил:

— Двойной аппендицит и корь тоже на левой ноге...

Тут он заревел и стал вытирать слезы рукавом. У меня заколотилось сердце. А парень прислонился к стене поудобнее и стал выть довольно громко. А его собака, глядя на него, тоже завыла. И они оба так стояли и выли — жутко было слышать. От этого воя Ванька даже побледнел под своею пылью. Он положил свою руку на плечо этому парню и сказал дрожащим голосом:

— Не войте, пожалуйста! Зачем вы так воете?

— Да как же мне не выть,— сказал этот парень и замотал головой,— как же мне не выть, когда у меня нет сил дойти до аптеки? Три дня не ел! Ай-уй-уй-юй!

И он еще хуже завыл. И ценная собака такс — тоже. И никого вокруг не было. И я прямо не знал, что делать.

Но Ванька не растерялся нисколько.

— А рецепт у вас есть? — закричал он.— Если есть, давайте его поскорее сюда, я сейчас же слетаю на машине в аптеку и привезу лекарство. Я быстро слетаю!

Я чуть не подскочил от радости. Вот так Ванька, молодец! С таким человеком не пропадешь, он всегда знает, что надо делать. Сейчас мы с ним привезем этому парню лекарство и спасем его бабушку от смерти.

Я крикнул:

— Давайте же рецепт! Нельзя терять ни минуты!

Но этот парень задергался еще хуже и замахал на нас руками, перестал выть и заорал:

— Нельзя! Куда там! Вы что? В уме? Да как же это я пущу двух таких пацанят на Садовую? А? Да еще на велосипеде? Вы что? Да вы знаете, какое там движение? А? Вас там через полсекунды в клочки разорвет... Куда руки, куда ноги, головы отдельно. Ведь грузовики-пятитонки! Краны подъемные мчатся! Вам хорошо, вас задавит, а мне за вас отвечать придется! Не пущу я вас, хоть убейте! Пусть лучше бабушка умрет, бедная моя Февронья Поликарповна!

И он снова завыл своим толстым басом. Ценная собака такс вообще выла без остановки. Я не мог вынести, что этот парень такой благородный и что он согласен рисковать бабушкиной жизнью, только бы с нами ничего не случилось. У меня от всего этого губы стали кривиться в разные стороны. Да и у Ваньки тоже глаза стали какие-то подмоченные, и он шмыгнул носом.

— Что же нам делать?

— А очень просто,— сказал этот парень деловитым голосом.— Давайте ваш велосипед, я на нем съезжу. И сейчас вернусь... Век свободы не видать!

И он провел ладонью поперек горла. Это, наверно, была его страшная клятва. Он протянул руку к машине. Но Ванька держал ее довольно крепко. Этот парень подергал ее, потом бросил и снова зарыдал:

— Ой-ой-ой! Погибает моя бабушка, погибает ни за понюх табаку, погибает ни за рубь за двадцать, ой-уюю!..—И он стал рвать со своей головы волосы. Прямо вцепился и рвет двумя руками.

Я уже не смог выдержать такого ужаса. Я заплакал и сказал:

— Дай ему велосипед, ведь умрет бабушка. Если бы у тебя так?

А Ванька держится за велосипед и рыдает:

— Лучше уж я сам съезжу...

Тут этот парень посмотрел на Ваньку безумными глазами и захрипел, как сумасшедший:

— Не веришь, да? Не веришь? Жалко на минутку дать свой драндулет? А старушка пусть помирает? Да? Бедная старушка в беленьком платочке пусть помирает от кори? Пускай, да? А пионер с красным галстуком жалеет драндулет! Эх вы, душегубы! Собственники!

Он оторвал от рубашки пуговку и стал топтать ее ногами. А мы не шевелились. Мы совершенно изревелись с Ванькой. Тогда этот парень вдруг ни с того ни с сего подхватил с земли свою ценную собаку таксу и стал совать ее то мне, то Ваньке в руки:

— Нате! Друга вам отдаю в залог! Верного друга отдаю! Теперь веришь? Веришь или нет?! Ценная собака идет в залог, ценная собака такса!

И он все-таки всунул эту собачонку Ваньке в руки. И тут меня осенило. Я сказал:

— Ванька, он же собаку оставляет нам как заложника. Ему теперь никуда не деться, она же его друг, и к тому же ценная. Дай машину, не бойся.

И тут Ванька дал парню руль и сказал:

— Вам на пятнадцать минут хватит?

— Много! — сказал парень.— Куда там! Пять минут на все про все. Ждите меня тут. Не сходите с места!

И он, верно, ловко вскочил на машину, и с места ходко взял, и прямо свернул на Садовую. И когда сворачивал за угол, ценная собака такс вдруг спрыгнула с Ванькиных рук и, как молния, помчалась за парнем. Ванька крикнул мне:

— Держи!

Но я сказал:

— Куда там, нипочем не догнать! Она за хозяином побежала, ей без него скучно! Вот что значит верный друг. Мне бы такую...

А Ванька сказал так робко и с вопросом:

— Но ведь она же заложница?

— Ничего,— сказал я,— они скоро оба вернутся.

И мы подождали пять минут.

Что-то его нет,— сказал Ванька.

— Очередь, наверно,—сказал я.

Потом прошло еще часа два. Этого парня не было. И ценной собаки тоже. Когда стало темнеть, Ванька взял меня за руку.

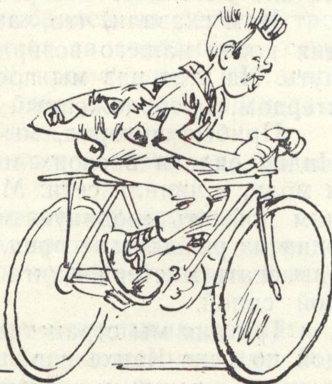
— Все ясно,— сказал он,— пошли домой...

— Что ясно... Ванька? — сказал я.

— Дурак я, дурак,— сказал Ванька.— Не вернется он никогда, этот тип, и велосипед не вернется. И ценная собака такс тоже.

И больше Ванька не сказал ни слова. Он, наверно, не хотел, чтобы я думал про страшное. Но я все равно про это думал.

Ведь на Садовой такое движение...

На реке Канхе

Д. АТТЕНБОРО

Рисунки В. Цельмера.

СИРЕНЫ

Во время путешествия по Гвиане мы собрали богатую коллекцию животных. Только двух очень интересных обитателей джунглей нам не удалось поймать.

Первый из них — гоацин, единственная птица, у которой на крыльях есть когти. У взрослых птиц когти зарастают перьями и совершенно бесполезны, но неоперенным птенцам крылья с когтями служат дополнительными ногами. Гоацины водятся только на этом побережье Южной Америки.

Вторым животным, которого нам очень хотелось поймать, был ламантин — большое, тюленеподобное млекопитающее, которое водится в заливах, питаясь водной растительностью. Ламантин кормит детенышей молоком, держа своего единственного отпрыска ластами у груди и выскакивая из воды. Говорят, что моряки, впервые плававшие вдоль берегов Южной Америки, своими рассказами о ламантинах положили начало легендам о сиренах.

Нам сказали, что ламантины водятся в реке Канхе, и через два дня после нашего возвращения с Баримы мы снова отправились в путь. На этот раз мы поехали поездом в небольшой городок Нью-Амстердам, расположенный в устье Канхе.

Прибыв в город, мы пошли в гавань. Африканцы и выходцы из Индии сидели в своих маленьких деревянных лодочках, причаленных к молу, и чинили сети. Мы спросили, не сможет ли кто-нибудь помочь нам поймать «водяную маму», как здесь называют ламантина. Ни один из рыбаков не предложил нам свою помощь. Все советовали нам разыскать мистера Кинга — рыбака, обладавшего, по слухам, невероятной силой.

Три дня мы странствовали вместе с мистером Кингом и его командой по реке Канхе в поисках ламантина. Мы закидывали сети ночью и днем, в дождь и в ясную погоду, во время прилива и отлива, но так

ни разу и не видели ламантина. В конце концов нам пришлось вернуться в Нью-Амстердам ни с чем.

Мрачные шли мы по молу, когда нас догнал какой-то человек.

— Это вы хотите поймать «водяную маму»? — спросил он.— Я поймал ее три дня назад.

— Что вы с ней сделали? — взволнованно спросили мы.

— Она в озере за городом.

— Прекрасно,— сказал Джек.— Пойдемте сейчас же туда.

Человек — его звали Нарианом — побежал обратно по молу, погрузил свою сеть в ручную тележку, захватил в помощь себе трех товарищей, и мы направились к озеру.

В то время как наша маленькая процессия двигалась по людным улицам, слова «водяная мама» переходили от человека к человеку, и когда мы достигли окраины города и подошли к озерку, за нами следовала большая шумная толпа.

Озеро было широкое и илистое, но, к счастью, неглубокое. Все уселись на корточках и молча глядели в воду, пытаясь рассмотреть в ней ламантина. Вдруг кто-то указал на лист лотоса, который съежился и исчез под водой. Через несколько секунд над поверхностью показалась коричневая морда, исторгла струю воздуха из больших круглых ноздрей и исчезла.

— Вот «мама»! Вот она! — закричали все.

Нариан и его помощники прыгнули в воду и натянули вокруг места, где был замечен ламантин, длинную сеть. Медленно, по грудь в воде рыбаки брели к берегу. Ламантин выдал свое присутствие еще раз, вынырнув на поверхность, чтобы набрать в легкие воздух. Нариан крикнул людям, державшим концы сети, чтобы они шли быстрее к берегу. Встревоженный ламантин всплыл на поверхность и перевернулся, показав нам свой серовато-коричневый бок.

Ропот удивления и восторга прокатился по толпе.

— Ну и большая же штука! Чудовище!

Волнение охватило и стоявших уже на берегу помощников Нариана, и они стали торопливо вытягивать сеть. Зрители помогали им. Нариан, все еще топтавшийся в озере, свирепо закричал, заглушая шум толпы:

— Не торопитесь! Сеть лопнет!

Никто не обращал на него ни малейшего внимания.

— Сеть стоит сто долларов! — продолжал вопить Нариан.

Но толпу, увидевшую ламантина, обуревало желание вытащить его как можно скорее, и сеть продолжали тащить до тех пор, пока ламантин не очутился около самого берега, весь обмотанный ею. Это был, по-видимому, очень крупный ламантин, но разглядеть его нам не удалось, так как он вдруг выгнул туловище и, взмахнув огромным хвостом, окатил всех мутной водой. Сеть порвалась, и ламантин исчез.

Ярость Нариана была неописуема. Он выбрался на берег и требовал от всех окружающих возмещения убытков за порванную сеть. Разгорелся спор, и все забыли про сирену. Все, кроме одного из членов нашей экспедиции — Джека, который брел по берегу, чтобы проследить по водоворотам на поверхности озера, куда ушел ламантин.

Наконец шум утих. Джек подозвал Нариана и показал, где, по его предположениям, должен быть ламантин.

Нариан подошел, громко ворча, с длинной веревкой в руке.

— Эти сумасшедшие люди,— сказал он презрительно,— порвали сеть, которая стоит сто долларов. Но я поймаю «маму» без сети, я привяжу веревку к ее хвосту...

Нариан бросился в воду и побрел по дну, нащупывая ламантина ногами. И вскоре он наткнулся на ламантина, лежавшего на дне. Рыбак нагнулся— подбородок его касался поверхности воды — и оставал-

ся в таком положении несколько минут, что-то делая под водой. Наконец он выпрямился. Но тут веревка в его руках натянулась, и он растянулся плашмя. С трудом поднявшись на ноги, отплевываясь, Нариан помахал концом веревки.

— Я поймал ее! — крикнул он.

Ламантин, позволивший обвязать свой хвост веревкой, видимо, почувствовал опасность, подался назад, поднял фонтан брызг, попытался удрать. Но на этот раз Нариан был предусмотрительнее: он стал направлять ламантина к берегу. Наученные горьким опытом помощники его снова опутали ламантина сетью. Нариан, не выпуская из рук веревки, выбрался на берег. Его помощники, не торопясь, вытащили на берег сирену хвостом вперед.

Это было не очень привлекательное зрелище. Голова ламантина была похожа на колоду, украшенную длинными, но редкими усами на огромной, выпяченной верхней губе. Огромное тело ламантина расползлось, как будто оно было совсем без костей. Крошечные глазки глубоко сидели в мясистых щеках и были почти незаметны. Кроме выпяченных ноздрей, никаких выдающихся черт на его морде не было. Длина тела ламантина от носа до большого лопатообразного хвоста составляла немногим больше семи футов. У ламантина были два веслообразных передних ласта, а задних конечностей совсем не было видно.

Ламантин без малейшего сопротивления дал перевернуть себя на спину и лежал неподвижно, раскинув по земле ласты. Я встревожился: не поранили ли его, когда вытаскивали, но Нариан в ответ на мой вопрос только рассмеялся.

— «Мама» не может умереть, — заявил он и брызнул на ламантина водой. Сирена шлепнула по земле хвостом и снова вернулась к полной неподвижности.

Для доставки ламантина городской совет Нью-Амстердама предоставил нам грузовик-аквариум. Мы обвязали вокруг хвоста и ластов сирены веревку.

Нариан и его помощники подняли животное с земли, потащили через лужайку и взгромоздили громадину на грузовик.

ЛЕНИВЦЫ

ы шли по лесу, с трудом продираясь сквозь заросли цепких ползучих растений. Подошли к подножию такого огромного дерева, какого мне еще не доводилось когда-либо видеть. С его веток, причудливо изгибаясь, свисали толстые лианы.

— Кажется мне или там в самом деле что-то висит? — тихо спросил Джек.

Я долго ничего не мог разглядеть. Но в конце концов увидел что-то серое и круглое, свисавшее с лианы вниз головой. Это был ленивец.

Ленивцы медлительны, поэтому нечего было опасаться, что он бросится наутек и через несколько секунд исчезнет. Мы решили, что я взберусь на дерево и спущу вниз ленивца, а Чарльз сфотографирует процесс ловли.

Подъем оказался нетрудным благодаря свисающим с дерева лианам, за которые можно было держаться. Ленивец, заметив мое приближение, обезумел от страха, но тем не менее чрезвычайно медленно

стал подниматься вверх по лиане, переставляя одну «руку» за другой. Он двигался так медленно, что мне легко удалось догнать его. На высоте сорока футов от земли я поравнялся с ним.

Ленивец, величиной примерно с большую овчарку, висел вниз головой и смотрел на меня с выражением несказанной грусти на своем мохнатом лице. Он медленно открыл рот, показав черные, лишенные эмали зубы, и сделал все от него зависящее, чтобы испугать меня: издал чуть слышный бронхиальный хрип — самый громкий звук, на который он способен. Я протянул руку, и в ответ это таинственное существо сделало медлительный, тяжеловесный выпад в мою сторону передней лапой. Я откинулся назад, и оно кротко мигнуло, удивившись, что ему не удалось зацепить меня.

Ленивец с детенышем.

Поскольку обе попытки защититься оказались неудачными, ленивец изо всех сил вцепился в лиану. Ослабить его хватку было нелегко, тем более что сам я не очень-то устойчиво держался на дереве. Вцепившись одной рукой в висевшую около меня лиану, я протянул другую и попытался оторвать ленивца. Только я успел разжать кривые, острые когти на одной его ноге и взялся отрывать другую, как ленивец спокойно, с доводящей до бешенства осторожностью снова обхватил лиану свободной ногой. И так до бесконечности.

Наконец мне пришла в голову счастливая мысль. Рядом со мной висела тонкая, изогнутая лиана, которую индейцы называют «бабушкиным хребтом». Я крикнул Джеку, чтобы он отрезал ее внизу. Затем я подтянул к себе отрезанный конец и покачал его над ленивцем в то время, как отделял одну из его лап. Ленивец с такой решимостью хватал все, до чего он мог дотянуться, что постепенно, лапа за лапой, мне удалось перевести его на лиану. Покончив с этим, я стал осторожно опускать лиану. Вскоре висящий на ней ленивец попал прямо в объятия Джека, вслед за ним спустился и я.

— Славный, не правда ли? — сказал я.— И к тому же другой вид, не тот, что я видел в зоологическом саду.

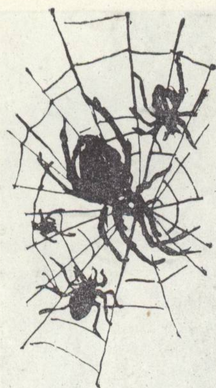
— Ты прав,— мрачно сказал Джек.— В Лондоне живет двухпалый ленивец. Он там уже несколько лет с аппетитом уплетает яблоки, латук и морковь. Этот же ленивец трехпалый. Ты никогда не видел его в Лондоне по той простой причине, что он питается только цекропией; в здешних лесах сколько угодно цекропии, а в Лондоне ее ни за какие деньги не достанешь.

Мы поняли, что нам придется отпустить ленивца, но прежде чем сделать это, мы решили подержать его несколько дней, понаблюдать за нашим гостем и заснять его. Мы положили ленивца у корней одиноко стоявшего мангового дерева, неподалеку от нашего жилища. С большим трудом протащился он несколько ярдов, отделявших его от ствола мангового дерева. Но как только очутился на стволе, грациозно взобрался по дереву и подвесился к одной из веток.

Все тело ленивца приспособилось к своеобразному образу жизни. Его серая, лохматая шерсть разделена на брюхе и ниспадает к хребту, а не от хребта к брюху, как у всех животных. Лапы его настолько приспособлены к тому, чтобы служить крюками, что потеряли малейшие признаки ладони. Крюкообразные когти торчат прямо из покрытых шерстью культей. Для животного, висящего где-то на вершине дерева, необходимо широкое поле зрения, и у ленивца очень длинная шея, благодаря чему он может поворачивать голову почти на 360 градусов. В то

Перевела с английского Е. Штих.

время, как у всех млекопитающих, от мыши до жирафы, семь шейных позвонков, у трехпалого ленивца их девять.

На третий день мы заметили, что наш ленивец как-то странно изгибается и пытается полизать свое бедро. Заинтересованные, мы подошли ближе и, к нашему удивлению, увидели, что он ласкал крошечного детеныша, еще мокрого, который, по-видимому, родился всего несколько минут назад.

Шерсть ленивца покрыта порослью микроскопического растения, которая придает ей зеленовато-коричневый оттенок и тем самым помогает животному маскироваться. Рождение детеныша, казалось бы, должно нарушить маскировку, так как малыш еще не успел развести «огород» на своей шерстке. Но малыш был совершенно такого же цвета, как и его мамаша. Когда он обсох, нам было трудно различить его, ползущего вдоль огромного туловища матери, чтобы покормиться из сосков, находящихся у нее под мышками.

Мы наблюдали за парочкой два дня. Мама нежно облизывала свое дитя, иногда отрывая одну лапу от верхней ветки, чтобы придержать крошечного отпрыска. Рождение детеныша, видимо, лишило ее аппетита, и она больше не откусывала от пучка цекропии, привязанного нами к дереву, на котором она висела. Мы не стали ждать, когда она проголодается, и отнесли ее обратно в лес. Там мы подвесили ее к лиане, и мать стала медленно подниматься вверх, а детеныш глазел на нас через ее плечо.

Вернувшись сюда через час, чтобы убедиться, что все в порядке, мы не нашли ни матери, ни дитяти.

* * *

Только несколько недель спустя после возвращения в Лондон смог я пойти в зоологический сад, чтобы взглянуть на животных, привезенных нами. Ламантин лениво плавал в специально сооруженном для него бассейне с кристально чистой водой. Он был настолько ручной, что, когда я погрузил в воду капустный лист, он подплыл и взял лист из моих рук. Маленький попугайчик, которого нам подарили на Кукуи, теперь полностью оперился и был почти неузнаваем. Но я убедился, что он помнит меня: когда я заговорил, его головка стала вздергиваться так же, как она вздергивалась, когда я несколько месяцев назад кормил его изо рта разжеванным маниоковым хлебом. Колибри чувствовал себя прекрасно, порхая среди тропических растений. Дикобраз Перси лежал, свернувшись клубочком, на ветке дерева с неизменным кислым выражением на морде. Чикиту я не смог отличить от других обезьян-капуцинов, с которыми она раскачивалась на качелях и веревках.

Этот трогательный птенец попугая стал жителем Лондонского зоопарка.

Капибару я застал перед отправкой на загородную территорию зоологического сада. Они свистели, фыркали и сосали мои пальцы с не меньшим удовольствием, чем на Бариме. Муравьеды чувствовали себя великолепно на диете из сырого рубленого мяса и молока, а в отделе насекомых я узнал, что у паучихи, которую мы поймали в Аракака, через несколько дней после прибытия родилось несколько сот малышей, которые теперь быстро растут.

НЕ РАСКРЫВАЯ ВОЕННОЙ ТАЙНЫ...

Фото М. Литвякова.

Охрана границы — дело серьезное. Хочешь стать настоящим пограничником—изучай оружие. На снимке: первая встреча с автоматом.

— Слово предоставляется начальнику Политического управления пограничных войск генералу Заболотному...

Это было на Всесоюзной конференции по проблемам пионерского движения. Но какое отношение имеет один из главных советских пограничников к пионерам? Оказывается, самое непосредственное: Г. И. Заболотный — член Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации, а на конференции он рассказывал о ЮДП — отрядах юных друзей пограничников, о том, как маленькие пограничники-пионеры помогли задержать шпионов, нарушителей границы. Вы, конечно, понимаете, что дела эти суровые, секретные и в журнале о них писать не всегда можно. Мы не будем раскрывать военных тайн. Мы просто расскажем о жизни одного из отрядов ЮДП.

Охрана границ без радиосвязи невозможна. Полевую переносную радиостанцию, или рацию, как говорят радисты, надо уметь настроить, надо знать правила выхода в эфир (как начать передачу), уметь вести разговор грамотно: ни одного лишнего слова не произносить и помнить — «Враг подслушивает тебя!» Недаром эти слова написаны на каждом передатчике.

Всему этому обучаются в отряде ЮДП. Занятия проводит ефрейтор Юрий Трубицын — внештатный вожатый, отличник службы, боевой и политической подготовки.

Ребята вышли на учебную контрольную полосу. Каждый, кто пересечет такую полосу, оставит след. Но следы ведь надо еще уметь прочитать!

Враг может пройти, приладив к обуви копыта. Как будто просто корова прошла... Не ошибись!

Враг ловок и хитер. Вот следы человека, но если измерить глубину следа, окажется, что «нарушитель» нес что-то тяжелое. Может быть, прошел один, а второго перенес на плечах?

Следы ведут от нас, за границу... Но значит ли это, что «противник» ушел? Рассмотри-ка внимательно след. Видишь, пятка вдавлена глубже, чем обычно. Это значит, нарушитель шел, повернувшись задом наперед, или надел обувь носками назад.

Важно определить и размер обуви — большой ли прошел человек?.. Нарушитель может пройти с помощью ходуль, может прыгнуть с шестом — все такие следы называются ухищренными.

Итак, какой перед тобой след? Расскажи: сколько людей прошло? Как они шли, уверенно или осторожно? Опытный ли это был враг или новичок? Многое могут рассказать следы наблюдательному человеку.

Врага обнаружишь не каждый день. Но каждый день надо быть наготове. Вместе с пограничниками тренируются и собаки: пробег по бревну, прыжки через высокий барьер, плавание — все, как у хорошего спортсмена.

Пионеры помогают пограничникам в дрессировке служебных собак. На нижнем снимке вы видите, как внимательно наблюдают ребята за работой инструктора. Сержант Юрий Складнов тренирует Верного. Молодец Верный! Барьер взят!

С виду обычный пень. А на самом деле это пункт связи. Доставай из кармана телефонную трубку, подключайся и сообщи на заставу что нужно.

Конечно, составить донесение не так просто: надо уметь наблюдать за местностью, а обнаружив врага, назвать координаты его движения точно.

Ребята учатся ходить в наряд. Кроме обычного снаряжения, нередко приходится надевать накомарник. «Нет страшнее зверя, чем комар»,— шутят пограничники.

На дорогах вдоль границы несут службу наблюдатели на велосипедах.

Они всегда готовы прийти на помощь пограничникам.

Зеленый шум

Алексей МУСАТОВ

ПОВЕСТЬ

(Окончание)

Рисунки Н. Борисовой.

ПРИБАВКА В ВЕСЕ

Когда впервые в лагерь привезли большие весы и Александра решила взвесить поросят, Гошка даже удивился:

— Это всех будем взвешивать!.. Все стадо!

— Да нет, куда там,— сказала мать.— На всех времени не хватит.

И она распорядилась отобрать для контрольного взвешивания всего лишь десять поросят. Причем отобрать только средних — не очень худых, но и не очень рослых. А чтобы поросят легко было отыскать в огромном стаде, Александра велела ребятам нарисовать им на спинах лиловыми чернилами огромные цифры-номера.

С того дня ребята каждое утро вылавливали контрольных, меченых поросят и взвешивали их.

Вот и сегодня утро началось с охоты на меченых. Лучше всего это делала Елька. Она смело входила в стадо, отыскивала поросенка с лиловой цифрой на спине, давала ему пожевать розовую морковку и почесывала за ушами. Поросенок становился ручным, и девочка ловко засовывала его в мешок.

У весов стояла Гошкина мать и держала в руках тетрадочку, в которую записывала вес каждого поросенка.

— Ну как, мама! — нетерпеливо шепнул Гошка.— Растут! Прибавляют!

— Потом скажу, потом,— отмахнулась мать.—Давайте остальных на весы...

Но цифры сегодня явно радовали Александру. Один из контрольных поросят дал привес в четыреста граммов, другой — четыреста сорок, третий — четыреста семьдесят, а поросенок, меченный цифрой «шесть»,— даже свыше пятисот.

Александра подозвала Гошку с Елькой и протянула им тетрадку.

— Уж не ошиблась ли я! Посчитайте-ка вы.

Ребята проверили записи и подсчеты — и невольно переглянулись. Все было правильно. Такого привеса у поросят в лагере еще не бывало.

— Тетя Шура, рекорд! — вскрикнула Елька.— Надо бы об этом по радио сообщить.

— Уж сразу и по радио!— рассердилась Александра.— Нет, нет! Вы не шумите пока... Посмотрим, что дальше будет.

Подошли Стеша и дед Афанасий.

Александра на их глазах взвесила седьмого поросенка, восьмого, девятого... Привесы также оказались высокими.

Осталось взвесить последнего контрольного поросенка.

Но тут произошла заминка. Подбежала Елька и сказала, что десятого нигде нет.

Все отправились на поиски. Обошли стадо вдоль и поперек, поросенка с лиловой десяткой на спине нигде не было.

— А может, ее смыло, десятку-то! — высказала предположение Стеша.— Росой или дождем!

— А почему у других не смыло!— возразила Александра.— Нет, тут что-то не то...

Она покосилась на сторожа.

— Ты, Афанасий, ночью ненароком не заснул! Может, кто и поживился нашим добром-то!

— Разве я не сознаю, на какой пост поставлен!— обиделся сторож.— Вахту несу, как положено. И вдоль изгороди хожу, и голос подаю, и колотушкой стучу, аж руку отмотал.

— Стучишь исправно, из деревни слышно,— вздохнув, согласилась Александра.— А вот «десятка» как сквозь землю провалилась. Придется, видно, пересчитать стадо-то...

Стадо пересчитали, и оказалось, что не хватает не одного, а двух поросят. Сообщили об этом Николаю Ивановичу. Он пришел в лагерь, долго беседовал со сторожем и Гошкиной матерью, вместе с ними проверил прочность изгороди, но никаких подозрительных следов не обнаружил.

— Да, скверное дело,— озабоченно сказал он.— Поросят много, проезжая дорога от лагеря близко— вот охотники до чужого добра и соблазняются.

— Что ж делать-то, Николай Иваныч! — спросила Александра.

— Придется, видно, охрану усилить. Пока с поличным какого-нибудь хапугу не схватим да не ославим его на весь район, трудно нам будет.

* * *

В тот же день после работы дядя Вася решил сходить с Никиткой и Гошкой на рыбалку.

— На озеро махнем, за карасями. Они на закате здорово клюют. Вы и Ельку позовите, подружку свою...— посоветовал дядя Вася.— Судя по фамилии, она тоже завзятая рыбачка.

Гошка побежал за девочкой. Вдвоем они приготовили удочки, накопали червяков и отправились к Краюхиным.

Вошли в сени и остановились. Со двора доносились возбужденные голоса. Около хлевушка стояли Никитка, дядя Вася и заплаканная тетка Ульяна.

— Никуда не пойду... Ни в чем я не виновата,— всхлипывая, говорила мать Никитки.

— Совесть надо иметь,— настаивал дядя Вася.—

И так через тебя нам с Никиткой проходу не стало.

Никитка умоляюще тянул мать за рукав.

— Ну, сходи же, мамка, сходи...

— Да что вы мной понукаете!— рассердилась Ульяна.— Хозяйка я в доме или пустое место! Как вот порешу, так и будет!

— А я говорю — пойдешь! — покраснев, крикнул дядя Вася. Потом, заметив Гошку с Елькой, нахмурился и сказал, что на рыбалку он сегодня не пойдет.

— А Никитка! — Гошка вопросительно посмотрел на приятеля. Тот отвел глаза в сторону.

— Шагайте-ка вы вдвоем,— махнул рукой дядя Вася.— Нам тут не до карасей.

Гошка с Елькой минут десять постояли около двора Краюхиных, надеясь, что Никитка вот-вот выбежит на улицу и расскажет, что у них произошло. Но он так и не показался.

Гошка с Елькой отправились рыбачить вдвоем. Сели на плот, выплыли на середину озера и закинули удочки.

Но караси на этот раз клевали плохо.

«Какой-то нынче день невезучий,— с досадой подумал Гошка.— И поросенок пропал, и компания не собралась, и рыба не ловится». А он-то хвалился

Митяй осторожно поднял одного из поросят...

Ельке, что озеро у них кишмя-кишит карасями и что они шутя наловят по полной кошелке рыбы.

Гошка начал злиться. И когда наконец поплавок дернуло, он с такой силой подсек клюнувшего карася, что тот сорвался с крючка и шлепнулся обратно в воду. Следующий карась уже не сорвался, но он был таким маленьким и неприглядным, что Гошка сам бросил его в озеро.

— Ладно, Гоша, поехали к дому,— примирительно предложила Елька.— В другой раз порыбачим.

— Ты думаешь, в озере карасей мало! — захорохорился Гошка.— Да мы с Никиткой, бывало... Только успевай таскать!

— Да нет, озеро что надо! Только сегодня ветер мешает.

— Ага, ветер,— охотно подтвердил Гошка.— И наживку мы не ту взяли...

Они вернулись к берегу, сошли с плота и перелеском, вдоль изгороди направились к деревне.

ОВСЯНАЯ КАША

Огромное оранжевое солнце снижалось к горизонту. В воздухе посвежело. Из лагеря доносилось ленивое похрюкивание поросят.

Гошка с Елькой заговорили о пропаже.

— Вот если бы дедушке Афанасию ружье!—сказал Гошка.— Как бы бабахнул, никто бы к поросятам не подступился!

Неожиданно Елька схватила Гошку за руку.

— Слышишь!

Они затаили дыхание. Откуда-то справа доносился негромкий, но отчетливый звук. Звук был странный, не похожий ни на скрип дерева, ни на крик птицы, ни на стук колеса. Казалось, кто-то, приглашая к обеду, стучал ложкой об алюминиевую миску. Звук то замирал, то возникал вновь.

— А знаешь, где стучат! — шепнула Елька.— Около изгороди.

— Подержи рыбу, а я поближе подползу,— сказал Гошка.

— Нет, давай вместе.

И Гошка с Елькой, волоча за собой кошелки с карасями, осторожно поползли по росистой траве. Они то и дело прислушивались и переводили дыхание. Звук становился все ближе и ближе.

Вот изгородь круто повернула вправо. Гошка с Елькой выглянули из травы: шагах в двадцати от них жерди изгороди были раздвинуты, около отверстия лежал какой-то мальчишка. Перед ним стояла алюминиевая кастрюлька, мальчишка осторожно постукивал по ней ложкой. Справа от мальчишки валялась пустая корзина.

— Да это же Митяй,— шепнул Гошка.— Чего ему здесь надо!

А Митька Кузяев продолжал бренчать ложкой по кастрюльке.

Наконец послышалось негромкое хрюканье, и к изгороди подбежали три поросенка. Митяй подлез под изгородь и вывалил из кастрюли какую-то еду. Поросята с жадностью накинулись на нее.

Тогда Митяй осторожно приподнял одного из поросят и опустил в корзину.

— Видала, как орудует! — шепнул Гошка.— На кашу поросят приманивает... Совсем ворюгой заделался.

— Да нет... быть того не может,— растерянно сказала Елька.— Зачем ему поросята!..

— Кузяевы, они все к рукам прибирают. Ты смотри, смотри...

Митяй между тем завязал корзину тряпкой, про-

лез через отверстие в изгороди и поставил на место раздвинутые жерди. Затем нарвал травы, положил ее поверх корзины и, оглянувшись по сторонам, скрылся в кустах.

— Чего ж мы ждем! — приподнимаясь, заторопилась Елька.— В лагерь надо бежать. Тетю Шуру звать, сторожа...

— Пока позовем, Митяя и след простынет. Нет, его надо с поличным захватить! Давай так... Ты в лагерь гони, а я за Митяем следом пойду.

— А как же ты один на один с ним!..

— Там видно будет... Беги скорее.

Елька перелезла через изгородь и помчалась вдоль лагеря, а Гошка, хоронясь за кустами, бросился догонять Митяя. Заметил он его довольно скоро. Митяй вышел из перелеска и свернул на полевую дорогу, ведущую к деревне. Он шел неторопливо, бережно неся корзинку и всем своим видом говоря, что он неплохо потрудился за день и теперь со спокойной совестью возвращается домой.

— А-а, удалой, ретивый, как жизнь молодая! — деланно дружелюбно сказал он, когда запыхавшийся Гошка догнал его.

— Живу не тужу,— в тон ему ответил Гошка.— А ты все травой промышляешь!

— Кстати нарвал. Ходил за грибами, да ничего не нашел. Земля очень сухая, дождь нужен.

— Да, погодка такая...

Перебрасываясь незначительными фразами, мальчишки все ближе подходили к деревне. Смеркалось. Синева заливала округу. Густая роса легла на траву и холодила ноги.

Гошка напряженно прислушивался. Почему до сих пор нет Ельки со сторожем или с матерью!

Не доходя до околицы деревни, Митяй свернул на боковую тропку.

— Бывай здоров, Шарап... я задами пойду... мне так ближе.

— И я... задами,— сказал Гошка.

— Подумать только, какие мы с тобой дружки нерасставанные,— ухмыльнулся Митяй.— Ну что ж... пойдем вместе, найдем двести.

Еле различимая в темноте тропка повела ребят под уклон, все дальше от дороги.

Мальчишки повалились на землю...

«Нет, дальше, пожалуй, идти не следует,— подумал Гошка.— Надо действовать... Но как!

Сделав вид, что споткнулся, он вдруг навалился на Митяя и с силой встряхнул корзину. Поросенок в корзине завизжал.

— Та-ак,— насмешливо протянул Гошка.— За травой, значит, ходил!

— А ты, значит, за рыбкой! — в тон ему ответил Митяй.

— Ну, вот что,— деловито сказал Гошка, протягивая руку к корзине.— Все равно мы тебя засекли. И пошли сейчас же в правление...

— Три ха-ха, смех и умора! — отстраняясь, фыркнул Митяй.— Это кто же меня в правление доставит! Уж не ты ли, Шарапчик! — Он поставил на траву корзину с поросенком и, сбросив пиджак, двинулся на Гошку.

Но не успел Митяй напасть первым, как Гошка с криком «Караул! Помогите!», по-кошачьи прыгнул ему навстречу, обхватил Митяя руками и сделал подножку.

Мальчишки повалились на землю. Митяй попытался вырваться и встать на ноги, но Гошка вцепился в него, как клещ. Митяю ничего не оставалось, как дубасить его.

«Все равно не пущу,— думал Гошка, катаясь с Митькой по влажной траве! — Только бы по носу да по глазам не бил!» Он все теснее прижимался к

Митькиной груди и время от времени истошным голосом выкрикивал: «Караул! Помогите!».

А рядом, в корзине, будто тоже зовя на помощь, визжал поросенок.

И помощь наконец подоспела. Из темноты вынырнула Елька, а вслед за ней дед Афанасий и Александра.

— Ой, да они ж всю траву прикатали!— вскрикнула Елька и, выхватив у сторожа колотушку, застучала над головами барахтающихся мальчишек.

— Вставай, Митяй... Теперь все равно никуда не денешься!

СПЕКТАКЛЬ НЕ УДАЛСЯ

Дед Афанасий, Александра и ребята привели Митяя в правление колхоза. Сюда же были доставлены и вещественные доказательства — поросенок и кастрюлька с овсяной кашей.

Разглядев Гошку на свету, Александра всплеснула руками.

— Изувечил он тебя!...

— Да нет... Я ему не очень-то поддавался... Мы больше на траве катались,— успокоил ее Гошка, хотя голова у него и побаливала.

— Ну и ну!— развел руками Николай Иванович, выслушав рассказ Ельки.— Я-то думал, какой-нибудь дошлый дядя орудует, а тут мальчишка, школьник... Сколько же ты поросят на кашу приманил! И где они теперь!

— Ничего не скажу,—хрипло выдавил Митяй.— Хоть режьте меня, хоть жгите...— Втянув голову в плечи, он сидел перед председателем на длинной скамейке и волчонком смотрел на собравшихся.

— Что же нам делать с тобой, молодой Кузяев! — вздохнув, спросил Николай Иванович.

— А что же делать! — подал голос дед Афанасий.— Отправить завтра в милицию — и вся недолга! Малый хоть и беспаспортный еще, а управа на него должна найтись. В колонии пусть поживет, ума-разума наберется.

— Обождите вы с колонией! — с досадой сказала Александра, поглядывая на дверь.— У него же отец есть. Я его предупредила, сейчас зайти должен.

И верно, широко распахнув дверь, в правление вошел старший Кузяев.

Лохматый, босой, в одной нижней рубахе, он как будто бы только что поднялся с постели. В правой руке он держал свернутый колечком широкий солдатский ремень.

— Та-ак...— протянул он с порога.— Достукался, значит. Дошел до ручки, ворюгой заделался... Всю нашу семью опозорил.— Кузяев подошел к сыну и, схватив его за плечи, потряс ремнем.— Теперь пощады от меня не жди!

Александра не сводила с брата глаз. Что-то фальшивое, ненастоящее почудилось ей во всей этой сцене. Ефим выходил из себя, бушевал, потрясал ремнем, а Митяй сидел как ни в чем не бывало... Он только отвел руку отца и отодвинулся на другой конец скамейки.

— Обожди, Кузяев! — неожиданно раздался чей-то голос. Все оглянулись. У порога стоял дядя Вася. Рядом с ним неловко переминались с ноги на ногу Ульяна и Никитка.

«Явились все-таки!» — подумал Гошка, вспомнив перебранку дяди Васи с Ульяной. Он переглянулся с Елькой и ближе придвинулся к столу.

— Это еще неизвестно, кому душу-то надо трясти в первую очередь... тебе или Митьке,— продолжал дядя Вася.

— Ты чего меня-то цепляешь! — Кузяев в замешательстве взглянул на Краюхиных.— Тут речь о сыне идет.

— О сыне само собой, а ты и о себе скажи. Слух идет, что ты о колхозных поросятах побольше Митьки знаешь. Вот и признайся, как на духу.

— О каких поросятах!.. Что ты плетешь несусветное...

— Ага, брат, заслабило! — усмехнулся Василий.— Ну-ка, Ульяна, помоги ему, развяжи язычок.— И он вытолкнул жену вперед.— Да не трепыхайся, не дрожи: не заглотает он тебя! Будь же человеком, скажи всю правду.

— Ладно тебе. Я и отсюда могу... — с досадой отмахнулась Ульяна и вытерла рукавом взмокшее лицо.— Ну, было такое дело, было. Притащил мне вчера вечером Митька Кузяев поросенка. Вот, говорит, отец продает, купите. Хороший такой боровок, сытый, и цена подходящая. Ну, я и соблазнилась, купила. А утром смотрю, у поросенка вся спина лиловая. И еще палочка с нулем проглядывает. Никитка как увидел — к отцу: «Это лагерный поросенок, из тети-Шуриных питомцев». Тут Василий и принялся трясти меня, как спелую грушу. «Такая я, сякая, да как смела покупать, да с кем связалась!» А только моей вины тут никакой нет. Откуда же было знать, что Кузяевы мне чужую живность да за мои же денежки подсунули!..— Ульяна всхлипнула, засморкалась.

— Да ты... как ты смеешь! — прикрикнул на нее Ефим.— Связалась сама с мальчишкой, опутала его, перекупила у него поросенка по дешевке, а еще меня дегтем мажешь!

Ульяна, перестав сморкаться, на миг замерла, смерила Кузяева взглядом, словно видела его впервые, и вдруг решительно шагнула вперед.

— Ах ты, оборотень! — закричала она.— Порода твоя криводушная! А не тебе ли я денежки за поросенка вручила!.. Двести пятьдесят рубликов, как одну копейку. Вот при Митьке так и передала... из рук в руки.

— Ну-ну, ты полегче! — попятился Кузяев.— За такой наговор я на тебя и в суд могу... Николай Иваныч, Александра, будьте свидетелями.— Потом он обернулся к сыну.— Митька, да скажи ты всем... Никаких я ваших дел с Ульяной не знаю. И никаких денег не видел...

Уперев глаза в пол, Митяй молчал, и только тугие желваки перекатывались у него на щеках.

— Оглох, что ли, дуб ты стоеросовый!! — заорал Кузяев.— Говори, чтобы все слышали...

— Ладно, батя, не шуми,— поморщившись, отмахнулся Митяй.— Ну, чего я скажу...

— Ах, вот как! И ты отцу яму роешь! — процедил Кузяев. Лицо его потемнело, глаза сузились, и он, взмахнув ремнем, бросился к сыну.

— Не смейте, Кузяев! — предупреждающе крикнул Николай Иванович, выходя из-за стола.

Но Митяй и без этого уже вскочил на ноги. Он хорошо знал отца и понимал, что в такую минуту ему лучше под руку не попадаться. Он быстро отодвинул скамейку в сторону, так что она отгородила его от отца, метнулся к окну, распахнул створки рам и выпрыгнул на улицу.

Споткнувшись о скамейку, Кузяев выругался, потом бросился было к двери, но его остановили дядя Вася и Николай Иванович.

— Хватит, Кузяев! — с досадой сказал председатель.— Спектакль у вас не получился: на сыне отыграться не удалось... Придется, видно, самому ответ держать.

— Какой ответ!

— Теперь пощады от меня не жди!

— Такой, Кузяев... Мы уже вас простили однажды. Поверили вашим обещаниям. Думали, что совесть у вас проснется, работать будете по-честному. А вы, верно, как оборотень. Затаились, переждали — и опять за старое... Да еще и сына за собой тянете.

— И что ты за человек, Ефим! — подступила к Кузяеву Александра.— До чего сына довел!..

— Ладно, идите Кузяев,— помолчав, сказал Николай Иванович.— Завтра мы о вас в район сообщим. Пусть уж теперь прокурор вами занимается..

— Так, значит...— криво ухмыльнулся Кузяев.— Разделаться со мной захотели... Из колхоза собрались вытурить. Ну да ничего! Прокурор, он разберется, всяким там вздорным наговорам не поверит...

Он окинул всех недобрым взглядом и, с силой хлопнув дверью, вышел.

В правлении наступило молчание.

— Да-а, дела...—задумчиво протянул Николай Иванович.— Вот она, история с поросенком-то, как обернулась. Я так думаю, что в этой краже мы все повинны...

— Это в каком же смысле! — встревожился дед Афанасий.— Я все ночи на посту... глаз не смыкаю...

— Верно, Николай Иваныч, верно,— подхватила Александра.— Все мы повинны, все в ответе. Разве мы не видели, как Кузяев в колхозе себя ведет да на что он сына толкает, а вовремя не остановили!.. И Митьку забросили. Я вот ему тетка родная, а до сих пор не пригрела его, не приютила. А уж с твоей совести, Ульяна, первый спрос. Как можно у мальчишки краденое перекупать!..

— Я-то при чем!..— обиделась Ульяна.— Меня обманули, а я еще и виноватая...

— А ты вникай,— строго перебил ее дядя Вася.— Александра дело говорит... Совсем ты совесть потеряла.

— Ну что ж, граждане,— поднимаясь, сказал Николай Иванович.— Будем уж честными до конца и признаемся, что чуть было не проглядели мальчишку. И давайте, пока не поздно, поможем ему, под присмотр возьмем. К работе надо его определить...

— И вот еще что,— попросила Александра.— Не клеймите вы Митьку, помолчите об этой краже. Будто не было ее и не было... А я с мальчишкой сама поговорю.

— Это, пожалуй, разумно,— согласился Николай Иванович.

...Но поговорить с Митькой оказалось не так просто. Его не было ни на улице, ни дома, ни у приятеля.

На другое утро поиски тоже ни к чему не привели. Только к вечеру Гошка с Елькой заметили над Карасиным островом синий дымок. Они переплыли озеро, осторожно пробрались через заросли лозняка и приметили на поляне небольшой шалаш. Около него горел костер: Митька жарил на огне карасей.

Гошка с Елькой вернулись в лагерь и к вечеру переправились на остров вместе с Александрой.

Костер потух, рыба была съедена, и Митька уже спал.

Александра осторожно растолкала мальчика. Тот ошалело вскочил на ноги.

— Что вам надо? Пустите! Все равно ничего не скажу!

— А мы у тебя и спрашивать больше не будем!— Александра усадила Митьку на сено и опустилась рядом.— Нам и так все ясно...

— Что ясно! — насторожился Митька.— Разве я выболтал что-нибудь!..

— Да нет,— усмехнулась Александра.— Молчал ты, как железный. За тебя другие обо всем сказали. А ты молодец, что не стал отцово вранье поддерживать. Ну да хватит об этом. Давай лучше подумаем, как ты дальше жить будешь!

— А чего ж думать!— насупился Митяй.— Отсижусь вот на острове да на работу подамся... Куда подальше... В город или в совхоз.

— Зачем же далеко так! Тебе и здесь работа найдется. Мы тебя в лагерь определим в помощники к деду Афанасию... поросят стеречь.

Митька вновь вскочил на ноги.

— А что! Не под силу тебе!.. Не справишься! — допытывалась Александра.

— Да вы.. вы что!.. Смеетесь! — растерялся Митька.— Мне же проходу не будет. Вор, поросятник, и вдруг — сторож!

— А ты сядь, послушай...— И Александра рассказала, как пятеро взрослых и трое ребят договорились в правлении никому ничего не говорить о краденых поросятах.

Ливень не унимался...

— Так уж и не скажете! — не поверил Митька, покосившись на Ельку с Гошкой.

— Мы же люди взрослые, можешь поверить,— заверила Александра.— И ребята помолчат.

— Ничего мы про кражу не знаем. Не было ее и не было,— покрутила головой Елька.— Правда, Гошка?

— Ладно, Митя, поехали,— поднимаясь с сена, сказала Александра.— На работу пора выходить. Тебя уже дедушка Афанасий в лагере ждет.

Митька вздохнул, потоптался на месте и, подталкиваемый в спину Елькой и Гошкой, шагнул к лодке.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Уже давно не было дождя.

Ночью наконец собралась гроза. Где-то далеко, за темной зубчатой стеной леса, замелькали молнии и приглушенно загремело.

Но гром был совсем нестрашный.

Он урчал, рокотал, лениво перекатывался, словно пробовал свой могучий голос.

Клава с Мишкой проснулись. Мать была в совхозе на совещании, и ребятишки принялись расталкивать старшего брата, который, умаявшись за день, спал мертвым сном.

— Гош, а Гош!.. Гремит! — встревоженно зашептала Клава.

Гошка с трудом разлепил глаза, приподнял с подушки голову, прислушался.

— Где там гремит!.. Просто погромыхивает.

— А мамка как наказала, если гроза...

— Не будет грозы... Опять стороной пройдет,— вяло успокоил сестру Гошка.

— Окна надо закрыть... И трубу в печке,— не унималась Клава.

Но Гошка, натянув на голову одеяло, уже спал.

Маленькая хозяйка только сконфуженно вздохнула: что ни говори, а все заботы по дому ложатся на нее. Шлепая босыми ногами по полу, она подошла к окну, закрыла створки рам, потом задвинула печную задвижку и вытащила из белой фарфоровой розетки провод громкоговорителя. Кажется, все сделано, как наказывала мама. На всякий случай Клава еще сняла с подоконника цветы.

В этот момент ломаная белая молния стремительно прочертила черное небо, и в избе на мгновение стало светло, как в самый яркий, солнечный день. В тот же миг совсем рядом оглушительно загремело, и Клаве показалось, что изба покачнулась и сдвинулась с места.

Девочка с криком бросилась к старшему брату. Но гром и без нее сделал свое дело: Гошка уже стоял на ногах.

— Вот это шарахнуло! — пробормотал он.

Перепуганная Клава принялась уверять Гошку, что молния не иначе как ударила во двор или в сарай.

— А вдруг мы горим!! Чего ты стоишь!

Гошка, как был в трусах, выскочил на крыльцо. Нет, нигде ничего не горело.

Зато кругом бушевал ветер, и над крышами грохотало, словно кто-то гремел огромным листом железа.

То и дело вспыхивали молнии.

Ветер с бешеной скоростью мчал лохматую тучу, рвал ее на куски, облака кипели, клубились, завихривались.

«Опять один треск да грохот,— уныло подумал Гошка, поглядывая на небо.— Дождичка бы!»

И тут первые капли дождя забарабанили по крыше. Казалось, что кто-то бросил сверху пригоршню гороха. Потом порыв ветра швырнул еще одну пригоршню, потом еще и еще...

Гошка выбежал на улицу. Подняв кверху лицо и выставив вперед ладони, он, казалось, готов был закричать: «А ну, давай, дождик, давай!»

И плотный косой дождь, словно понукаемый мальчиком, полил во всю силу.

В соседних избах заскрипели калитки, на улицу вышли заспанные хозяева и, радуясь дождю, подставляли под его струи непокрытые головы. Только бы не обманул, только бы напоил землю!

Из окна раздался тревожный голос Клавы:

— Гошка, нас заливает!

И верно, в избе был настоящий потоп. Текло с подоконников, текло вдоль печной трубы, вода пробивалась через крышу и потолок и заливала постели.

Гошка отодвинул кровати в сторону и заставил пол тазами, корытами, ведрами. Изба наполнилась звонким щелканьем, словно от весенней капели.

Ураганный ветер неистово раскачивал деревья, ломал ветки и сучья, струи дождя сбивали листья. Потом за окном раздался глухой треск, и что-то темное, большое навалилось на избу. Зазвенели выбитые стекла, в окно просунулись мокрые березовые ветки.

«Березу свалило»,— понял Гошка и вдруг вспомнил про лагерь. Что-то в такую погоду делается с поросятами! Ведь с ними на ночь остались лишь дедушка Афанасий да Митяй.

Гошка заметался по избе, сорвал с вешалки материнский дождевик.

— Куда ты! — взмолилась сестренка.— Гремит же...

— Я скоро...— буркнул Гошка.— Только на лагерь гляну... А гроза уже...

Он не договорил. Вновь вспыхнула молния, и гром потряс избу. Клава, дрожа всем телом, вцепилась брату в рукав.

Гошка швырнул на кровать дождевик и с яростью посмотрел на сестренку: эта трусиха связала его по рукам и ногам. И когда только кончится гроза!!

— Гош, а Гош,— потянув за рукав, шепнул ему братишка.— А давай, как мамка, сделаем... закутаем Клавку в одеяла. Я подежурю, а ты беги...

— Давай! — обрадовался Гошка.

Он приказал сестренке лечь в постель и закидал ее одеялами и подушками.

— Только смотри, чтоб не задохлась,— наказал он Мишке и, схватив дождевик, выбежал за дверь.

ДИКАЯ ОРДА

Первым, кого он встретил на улице, был Митяй Кузяев. Лохматый, в мокром капюшоне, сделанном из мешка, Митяй мчался, не разбирая луж, и едва не сбил Гошку с ног.

— Беда! Лагерь заливает...— хрипло сказал он.— Дед Афанасий меня за людьми послал.

Гошка с Митяем побежали будить Стешу, но та была уже на ногах. Втроем они собрали ребят и помчались к летнему лагерю.

Ливень не унимался. Кто-то упал в лужу, кто-то, как с ледяной горки, съехал вниз по скользкой дорожке.

Вот наконец и лагерь.

Поросят под навесом не было. Они, как ошалелые, метались по лагерю, визжали, тыкались в изгородь. Откуда-то доносился крик деда Афанасия.

Ребята бросились на голос. В дальнем углу лагеря сбились в большую кучу поросята. Проделав в изгороди лазейку, они старались выбраться за пределы лагеря... У лазейки образовалась «пробка».

Дед Афанасий бегал вокруг поросят и, охаживая их хворостиной, пытался отогнать от изгороди.

— Пошли прочь, окаянные!

Но «окаянных» уже ничем нельзя было остановить. Поросят у лазейки собиралось все больше и больше.

— Заходи с другой стороны! — скомандовала Стеша.

Перемахнув через изгородь, ребята уперлись в нее плечами.

Стеша, присев на корточки, пыталась помешать поросятам пролезать через изгородь. Но те проскальзывали сквозь жерди, как рыба сквозь худой невод.

— Да разве так надо!— крикнул Гошка. Оттолкнув Стешу, он сел на землю и прижался спиной к лазейке. Поросята толкали пятачками его в спину.

«Еще одна рубаха пропала»,— мелькнуло в голове у Гошки, и в ту же минуту он почувствовал, что какой-то юркий поросенок справа пролез мимо него в лазейку. Значит, одному лазейки не закрыть. Гошка дернул за руку какого-то мальчишку...

— Садись рядом!

Мальчишка оказался Митькой. Он послушно сел.

— Ох, щекотно,— зафыркал он.— Спину кусают...

У лазейки образовалась «пробка».

— Ладно тебе, не крутись! — прикрикнул Гошка.— Прижимайся теснее к забору!

Лазейка была закрыта, но натиск поросят на изгородь только усилился. Изгородь подозрительно затрещала, зашаталась и повалилась на землю.

Поросята ринулись вон из лагеря. Они перекатились через Гошку с Митяем, как снежная лавина.

Когда поросята скрылись в перелеске, Стеша бросилась к Гошке и Митяю. Мальчишки, не шевелясь, лежали на траве: Митяй — внизу, Гошка — наверху. Дождевиком он прикрывал свою и Митькину голову.

Стеша помогла мальчишкам подняться.

— Здорово досталось! — спросила она.

— Мне — ничуть,— сказал Митяй и подозрительно покосился на Гошку.— Ты чего на меня навалился! Спасать, что ли, задумал!

Гошка вспыхнул:

— Совсем и не думал. Просто споткнулся и упал на тебя.— Он пошевелил плечами.— А мне тоже ничуть не больно. Это дождевик меня выручил...

— Да ты смотри,— вскрикнула Елька,— у тебя же все ноги в крови!

И верно, по голым Гошкиным ногам стекали тонкие струйки крови.

Подошел дед Афанасий и, узнав, что произошло с Гошкой и Митяем, покачал головой:

— Удачно отделались. Поросята еще полного веса не набрали, а то бы они насажали вам печаток... И куда это орда дикая ринулась! Пошли-ка, хлопцы, на розыски!

Стеша тронула Гошку за плечо.

— А ты никуда не пойдешь... И не спорь со мной. Ты пока вроде как из строя выбыл...— Она велела Ельке проводить Гошку до шалаша и оказать первую помощь.

— Там в шалаше у меня белье сухое...— шепнул девочке Митяй.— Пусть этот герой переоденется.

Елька, подхватив Гошку под руку, повела его к шалашу.

Остальные ребята вместе с дедом Афанасием отправились разыскивать поросят. Никитку оставили около пролома в изгороди и поручили ему барабанить в железное ведро.

Дождь затихал, начинало светать.

Поросят ребята увидели недалеко за перелесками, в картофельном поле. Они успокоились и пировали вовсю. Разрывали пятачками землю и с завидным аппетитом пожирали розовые клубни картофеля.

— Ну и прорва всеядная! — испугался дед Афанасий. — Да за такую потраву бригадир с нас головы поснимает.

Вооружившись хворостинами и палками, ребята зашли с противоположного конца картофельного поля и, растянувшись цепочкой, погнали поросят к лагерю.

Ребята подняли опрокинутое звено изгороди, укрепили его и только сейчас заметили, что стало совсем тихо, дождь кончился.

Рваная, клочковатая туча, изредка погромыхивая, уползала за горизонт, а восточная сторона неба уже наливалась чистыми утренними красками.

Но нерадостное это было утро.

Ребята окинули взглядом лагерь и ахнули. Озеро вышло из берегов и залило большую часть лагерной низины. Вода подмыла столбы, навесы накренились. Кормушки плавали в мутных лужах.

Беспокойно озираясь и повизгивая, поросята скучились в дальнем углу лагеря, где было посуше.

Дед Афанасий со Стешей пересчитали стадо и обнаружили, что не хватает девяноста трех поросят...

И тут все увидели Александру.

Промокшая до нитки, без платка, она шагала к лагерю прямо через поле.

Александра вышла из совхоза, как только начался ливень. Не встретив попутной машины, она прошагала всю ночь пешком...

Гошка побежал навстречу матери.

— Мам, ты чего!..— виновато пробормотал он, заметив осунувшееся лицо матери.— Ты не думай... Мы тут всю ночь...

Александра прошла мимо сына, словно не заметив. Подойдя к изгороди, окинула взглядом затопленную часть лагеря, скучившихся в углу поросят, обернулась к Стеше и деду Афанасию:

— Скольких не уберегли-то!

Стеша назвала цифру.

Александра схватилась за голову.

— А я-то, глупая, распелась вчера, — призналась она. — Да какой у нас лагерь пригожий, да как поросята растут, словно на дрожжах... К нам даже на экскурсию собрались сегодня приехать с курсов... А что мы покажем им!..

— Не унывай, Степановна, — успокоил ее дед Афанасий. — Вода сойдет — все и наладим. А поросят искать надо. Сегодня же.

ПОИСКИ

Начались поиски. Разбившись на группы, колхозники и ребята прочесывали лес, перелески, кустарники, осматривали овраги, поля, огороды.

К вечеру удалось найти более пятидесяти поросят.

Но второй день принес уже мало утешительного, третий еще меньше. Видимо, беглецы разбрелись по всей округе.

По просьбе Николая Ивановича в районной газете было напечатано небольшое объявление. Правление клинцовского колхоза просило жителей соседних сел и деревень задерживать беглых поросят.

— А вам придется по всей округе поездить, — посоветовал председатель Гошке и ребятам. — Расспрашивайте о поросятах колхозников, а главное, держите связь с пионерами!

Получив на конюшне подводу, Гошкина команда отправилась на поиски.

В совхозе «Первомайский» колхозный пастух сообщил, что в его стаде появились приблудные поросята. Их выловили и отвезли в клинцовский лагерь.

В Ольховке группа школьников помогла Гошке и его команде выследить на картофельном поле полдюжины одичавших беглецов. Объединившись, ребята долго и безуспешно гонялись за ними, пока не догадались пустить в ход рыболовный бредень.

В колхозе «Красный луч» девочка-пионерка по секрету сообщила Гошке, что у ее бабушки прижился неизвестный белый поросенок с лиловой меткой на спине.

Ребята вступили с бабкой в переговоры, прочитали ей объявление в газете, рассказали о несчастье в лагере... Бабка в конце концов согласилась вернуть поросенка, но пожаловалась, что тот взрыл ей полгрядки моркови. Пришлось ребятам возместить нанесенные убытки. С полдня работали они на огороде, пропололи все грядки, починили завалившуюся изгородь и расстались с бабкой добрыми друзьями.

К концу недели, пересчитав стадо, Александра сообщила ребятам, что в бегах находятся всего семь поросят.

— Боюсь, что этих и в живых нет, — сказал дедушка Афанасий. — В какую-нибудь яму свалились или в Жилином болоте завязли.

Но «команда ретивых» все же продолжала поиски. Теперь ребята уже не разъезжали на подводе,

а ходили по округе пешком. Брали с собой пустые мешки и на целый день отправлялись в лес, словно за грибами.

Сегодня Гошка оказался в паре с Митькой Кузяевым. Митяй последние дни жил у Шараповых и домой почти не заглядывал. Да и нечего было ему там делать: Ефим по нескольку суток подряд пропадал в городе, и кузяевский дом чаще всего стоял под замком.

Митька ходил запущенный, немытый, в нестираной рубахе и жевал черствый хлеб, украдкой доставая его из кармана.

Александра не выдержала и привела Митьку к себе в избу.

Она переодела его в чистое белье, заставила вымыться, сходить в парикмахерскую, устроила ему постель в сенях. А своих ребят предупредила:

— Вы про дядю Ефима Митьке не докучайте, будто мальчишка всю жизнь у нас, как в своем доме, живет.

Гошка предложил Митьке пойти на Жилино болото, о котором упомянул дедушка Афанасий.

— Махнем, — согласился Митяй.— Поросят не разыщем — так черники наберем, малины.

Через час мальчишки добрались до болота, вернее, до старого торфяника. Много лет назад торф отсюда выбрали, карьеры заполнились водой, заросли мхом, осокой, камышом, превратились в зыбкую зеленую трясину.

Гошка попробовал было ступить на нее и сразу же провалился до пояса. Пришлось Митяю протянуть ему длинную жердь и вытаскивать на сухое место. Мальчишки поняли, что дедушка Афанасий был прав: если поросята угодили в трясину,— они давно уже погибли.

Обойдя болото стороной, Гошка с Митяем спустились в овраг. Здесь было полно дикой малины и смородины. Наевшись вдоволь, мальчишки решили набрать ягод для Клавы с Мишкой. Но тут же спохватились: что ж это! — пошли разыскивать беглых поросят, а вернутся с одной лишь малиной да смородиной. Неловко как-то...

— А место все же надо запомнить. Потом всех наших ребят приведем,— сказал Гошка.— Ягод здесь богато. И никто не ходит сюда.

— Это как сказать.— Митька кивнул на примятые стебли травы, потом вдруг насторожился.— Слышишь!

Издали донеслось поросячье хрюканье.

Выбравшись из зарослей малинника, мальчишки осторожно пошли по дну оврага.

Вскоре тропка, выбитая в густой, высокой траве, привела их к небольшому загончику. Он был сделан из недавно срубленных кольев осины и березы. В загончике, беспокойно хрюкая и тычась пятачками в пустое ведро, кружилось шесть поросят.

Гошка с Митькой замерли от удивления. Потом Митька понимающе присвистнул:

— Ловко кто-то спроворил... Приласкал поросяток, загончик им построил... Прямо ферма в овраге.

— Хапужья ферма,— сказал Гошка.

— Само собой,— согласился Митька.

— Да они же голодные...— догадался Гошка. — Видишь, как мечутся!.. И пить хотят.— Он быстро нарвал охапку травы и бросил ее поросятам.— Да он что, ворюга, забыл про них!..

— Нет, такой не забудет. Наверное, ждет-выжидает, когда их отсюда переправить удастся...— Митька оглянулся и с досадой крякнул.— Эх, беда! Подводы-то у нас нет. А в мешках нам таких здоровяков не унести... Ты вот что... беги за телегой. А я здесь побуду...

— А если заявится кто! — осторожно сказал Гошка.— Как же ты один-то будешь!..

— Давай, давай, не рассусоливай,— приказал Митяй.— Одна нога — здесь, другая — там...

Но Гошка все еще топтался на месте и посматривал по сторонам.

— Ты что... не доверяешь!! — Митяй вдруг покраснел.— Тогда сам оставайся... Дежурь здесь хоть всю ночь.— Он швырнул на землю траву, которую нарвал для поросят, и полез по откосу оврага вверх.

В свою очередь, покраснел и Гошка. Что греха таить, какое-то смутное подозрение шевельнулось в нем. Сейчас ему стало не по себе. Он быстро догнал Митяя и схватил его за руку.

— Нет, нет, я побегу... Ты дожидайся.— Он вскарабкался на склон оврага и скрылся в лесной чаще.

ЗА РУЛЕМ

Ветки хлестали Гошку по глазам, царапали лицо, цеплялись за волосы. С немалым трудом выбрался он на лесную дорогу и прибавил шагу. Но тут ему послышалось, что где-то гудит мотор автомашины. Гошка присел за куст. Вой мотора все усиливался, и вскоре из-за поворота показалась грузовая трехтонка. Она шла неторопливо, тяжело переваливаясь на узловатых корнях и кочках: ветки деревьев хлестали по ветровому стеклу.

«А ведь это наша машина, клинцовская, — подумал Гошка, приметив на левой половине стекла белесый узорчатый след от удара камнем.— Куда это она!»

Трехтонка поравнялась с Гошкой, и он разглядел за рулем шофера Пыжова. Рядом с ним, в кабине, напряженно вглядываясь в лесную дорогу, сидел дядя Ефим.

«Вот оно как... И Пыжов вместе с дядей. Неужто они за поросятами приехали!» — подумал Гошка, пропуская машину.

Что делать! Надо, видно, поскорее добраться до Клинцов, предупредить колхозников. Он припустился по лесной дороге. Но потом сообразил, что, пока добежит до колхоза, поросят все равно увезут. Не лучше ли вернуться обратно, к оврагу, посмотреть, что там происходит!..

Проехав еще метров триста, Пыжов по знаку Кузяева остановил машину и вылез из кабины.

— Ну и дорога, черт ногу сломит!..— выругался шофер, осматривая колеса и рессоры.— Всю машину покалечим.

— Выдюжит твоя тарахтелка, ничего с ней не будет,— отмахнулся Кузяев, вылезая из кабины и оглядываясь по сторонам.— Вот мы и добрались...

— Где же твои дрова! — спросил Пыжов.

— Сейчас увидишь, — ухмыльнулся Кузяев. — Шагай-ка за мной...

Он достал из кузова несколько пустых мешков и, держась за кусты, стал осторожно спускаться в овраг.

Пыжов развернул машину и, недоумевая, полез следом за Кузяевым.

Спустившись в овраг, Пыжов увидел загончик из кольев и в нем полдюжины рослых поросят.

— Вот они какие, дровишки-то у меня,— засмеялся Кузяев.— С жирком, со щетинкой...

— Погоди,— оторопел Пыжов.— Это уж не беглецы ли из лагеря!

— Возможное дело. Ну, да меня не касается. Словил, приютил — значит, вроде мои...

— Что-то ты чересчур густо загребаешь, Ефим... Я такие дрова возить не нанимался...

— Ничего, ничего,— успокоил его Кузяев.— Ты тоже в накладе не останешься, с лихвой заплачу...

Он вдруг умолк и вытянул шею — от родничка с ведром в руках шагал Митька. Войдя в загончик, он принялся поить поросят.

Кузяев подошел к дверце загончика и с деланным добродушием обратился к Митьке:

— А-а, сынок! Страж колхозный! Ты зачем здесь!

Митька выпрямился и подозрительно оглядел отца и Пыжова.

— А вы... вы зачем здесь! — заикаясь, спросил он.

— Я, понимаешь, беглых поросят тут словил. — Ефим решил говорить начистоту.— А сегодня машина подвернулась. Вот и хочу их увезти да к делу пристроить...

Он вошел в загончик, словил поросенка и, сунув его в мешок, кивнул шоферу:

— Тащи, Семен...

— А может, оставишь это дело! — заметил Пыжов.

— Давай, давай, не мешкай!

Пожав плечами, Пыжов взял поросенка и понес к машине. Митька бросился было вслед за шофером, но Ефим остановил его у дверцы загончика.

— А ты пока здесь побудь...

— Батя, ты куда поросят везешь! — испуганно спросил Митька. — Продашь кому-нибудь, налево загонишь!

— Может, машину угнать?

— Сам понимаешь, не обниматься же мне с ними... Все равно брошены поросята, забыты.

— Они не забыты. Нашли мы их с Гошкой... Скоро за ними подвода из лагеря приедет.

— Какая еще подвода! — нахмурился Ефим. — Я этих поросят, можно сказать, из болота вытащил, отходил...

— Бать! — задыхаясь, заговорил Митька. — Ну зачем так, зачем!.. Сделай хоть раз по-честному. Отвези поросят в лагерь. Скажи, что в лесу их нашел. Тебе же спасибо скажут...

— Мне, понимаешь, деньги сейчас позарез нужны,— признался отец.— Долги надо вернуть. Адвоката надо нанять. Знаешь, меня ведь судить собираются...

— Ну и пусть...— вырвалось у Митьки.— По-честному сделаешь, может, и не так строго засудят.

— Ладно, сынок,— вздохнул Ефим.— В последний раз такое дело. Развяжемся с этими Клинцами, переедем в город, и все по-другому пойдет.

Митька поглядел на высокую изгородь, на отца, который не спускал с него глаз,— значит, он сейчас как под стражей.

— А все равно я молчать не буду! — выкрикнул Митька.— Хватит! Довольно с меня!

Ефим тяжело задышал:

— Слышь, Митька, не доводи меня до греха. И так я через тебя под суд угодил.— Он подозрительно оглядел сына.— И глазами не зыркай. Все равно никуда не пущу. Сейчас же со мной в город уедешь...

— В город!.. Насовсем!!— вскрикнул Митька.

— Насовсем... Нечего нам больше в колхозе делать...

...Когда Гошка добрался до грузовика и заглянул в кузов, то увидел, что на дне его уже барахтались в мешках три поросенка.

Едва он успел юркнуть за куст, как из оврага поднялись Пыжов, Митька и дядя Ефим. Каждый из них держал в мешке по поросенку.

«Предатель...— в сердцах подумал Гошка о Митяе.— Опять за отцом потянулся... А мы-то ему поверили!..»

Гошка готов был выскочить из-за куста и закричать, что он все видел, все знает и сейчас же побежит в колхоз и всполошит людей.

Добравшись до грузовика, Пыжов с Ефимом завязали покрепче горловины мешков и положили поросят в кузов.

Замешкался один Митяй.

Вздрагивая и прислушиваясь к чему-то, он долго не мог завязать мешок с трепыхавшимся поросенком. К тому же тот вдруг начал почему-то истошно визжать.

— Заткни ты ему пасть! Очумел он, что ли! — прикрикнул на сына Ефим, беспокойно оглядываясь по сторонам.

А тут произошло совсем неожиданное. Зацепившись ногой за корень дерева, Митька упал и выпустил из рук мешок.

Поросенок вырвался из мешка и стремглав ринулся в лесную чащу.

— Да ты что, криворукий!.. Мешка завязать не мог! — вышел из себя отец. — Лови вот теперь! Семен, помогай! — позвал он шофера.

Втроем они полезли в лесную чащу. Но, как только Ефим с шофером скрылись за деревьями, Митька вернулся к грузовику, выхватил из кармана перочинный ножик и попытался проколоть покрышку на заднем колесе.

В этот же миг Гошка поднялся из густой травы, в два прыжка очутился около Митьки и схватил его за руку.

— Это зачем!

— Ты... ты уже здесь! — обернувшись, удивился Митька. — В колхозе был!

— Нет... назад воротился.

— Отца с Пыжовым видел!

Взгляды мальчишек встретились, и Гошка все понял: и почему Митяй выпустил поросенка и почему бросился с ножом к покрышке.

— Может, машину угнать! — шепнул Гошка.

— А умеешь! Ключ у тебя есть!

— В замке торчит... Я уже видел. Пыжов оставил.

— Тогда заводи,— хрипло приказал Митька.

Мальчишки влезли в кабину. Гошка сел за руль... Только бы не перепутать, не забыть, чему учил его дядя Вася! Наконец Гошка включил зажигание и нажал на стартер. Мотор заработал, но тут же заглох.

— Эх, ты!..— застонал Митька.

— Сейчас, сейчас! — забормотал Гошка, обливаясь пóтом.

Наконец он вновь завел мотор, и машина, словно подпрыгнув, взяла с места.

В ту же минуту из лесной чащи выскочил Пыжов, за ним — Кузяев. Не понимая, кто же мог завести машину, они бросились вслед за грузовиком, но уцепиться за борт успел один лишь Пыжов. Кузяев остался на дороге.

Поднявшись на руках, Пыжов вскарабкался в кузов и яростно забарабанил кулаком по верху кабины, требуя остановить машину.

— В кузове один Пыжов,— сообщил Гошке Митяй, заглянув в заднее окошечко кабины.— Гони, Шарап, газуй!

И Гошка газанул. По сторонам дороги затрещали кусты, кузов пригибал тонкие деревца, мальчишек подбрасывало на сиденье, как мячики, но грузовик все набирал и набирал скорость.

Кузяев остался на дороге.

Только бы выбраться из лесу на шоссейную дорогу, где можно встретить и подводы, и машины, и людей!

Устав кричать и барабанить по верху кабины, Пыжов наконец изловчился, перелез через борт машины и встал на подножку. Открыв дверцу кабины, он отодвинул Гошку и занял место за рулем.

— Дурачье! Остолопы! — выругался он.— Вы что, машину захотели угробить!!

Гошка не сопротивлялся: лес поредел, стало светлее, за деревьями показалась шоссейная дорога.

— Теперь поезжай куда знаешь,— сказал он.

— А поросят все равно загнать не дадим,— добавил Митька.

Мальчишки ждали, что Пыжов вот-вот остановит машину, вытолкнет их из кабины, а сам повернет обратно в лес, чтобы захватить дядю Ефима.

Но шофер вел грузовик, не сбавляя скорости, а когда доехал до шоссейной дороги, то повернул не к городу, а в противоположную сторону, к Клинцам.

Гошка с Митькой переглянулись.

— Куда поросят везти? — спросил Пыжов.

— Известно куда — в лагерь,— ответил Митька.

— Я думал, ты с отцом заодно действуешь,— усмехнувшись, сказал шофер.— А ты вон как...

— А мы думали, что ты с ним заодно,— признался Митька.

— Чтоб я на колхозное добро польстился! — обиделся Пыжов.— Плохо вы меня знаете. Хоть с вами, хоть без вас, а я бы все равно поросят в лагерь доставил.— Он покачал головой и покосился на Митьку.— Дурной же папаша у тебя... И что с ним теперь будет?

Митька молча смотрел на дорогу. Зачем он только едет в колхоз? Ведь там — ребята, тетя Шура, Николай Иванович, и ему, сгорая от стыда, придется рассказывать им обо всех делах отца.

Митяй потянул Пыжова за локоть.

— Ты что это? Куда? — Гошка, словно угадывая Митяевы мысли, схватил его за руку и притянул к себе.— Ты теперь совсем не Кузяев... Ты, как Павлик Морозов... такое сотворил, такое сделал... И никуда мы тебя не отпустим!

Митька молчал.

— А хочешь, давай так,— продолжал Гошка.— Скажем в лагере, что это мы с тобой поросят отыскали... А Семена подвезти попросили.

— А с отцом как быть? — спросил Митька.

— Никак... Мы про него вроде знать ничего не знаем. И про загончик в лесу промолчим.

Митяй с удивлением посмотрел на Гошку и с трудом выдавил:

— Только ты сам говори... Я не могу...

Через несколько минут грузовик с поросятами повернул к летнему лагерю.

МАЯК НАД ЛАГЕРЕМ

В лагере Гошка с Митяем, кроме Александры, застали еще ребят и Николая Ивановича.

Выпустив в стадо привезенных поросят, Гошка коротко сообщил, где они с Митяем нашли их и как Пыжов выручил их своим грузовиком.

— И везет же вам!.. Больше всех поросят разыскали,— завистливо вздохнул Борька Покатилов и попросил Митьку, который молча стоял поодаль, рассказать обо всем подробнее.

— А чего там «подробнее», — буркнул Митька.— Шли-шли и нашли.

Пыжов с удивлением покосился на ребят и тоже ничего не добавил к Гошкиным словам.

Александра осмотрела доставленных беглецов и осталась довольна: те совсем не похудели за эти дни.

— Теперь все стадо в сборе, только двух голов не хватает.— Она посмотрела на ребят.— Даже не знаю, как и благодарить вас... Такие поиски провели... Легче иголку в стоге сена найти, чем этих беглецов. В школу, что ли, сообщить про вашу команду!..

— Можно и в школу,— согласился Николай Иванович.— И на собрании мы о ребятах доброе слово скажем. Неплохое, мол, у нас в колхозе пополнение растет: молодое, ретивое, неотступное. Как это у поэта Некрасова сказано: «Идет, гудет зеленый шум, зеленый шум, весенний шум»...

— А мы же не одни поросят искали,— сказала Елька.— Нам много людей помогало...

— И это верно,— кивнул Николай Иванович.— Твой лагерь, Александра, вся округа поддерживает... Я вот в газету об этом хочу написать.

В этот же день к вечеру в лагерь явился Ефим Кузяев и притащил в мешке пойманного им в лесу шестого поросенка.

Александра несказанно удивилась брату: и тому, что тот оказался в Клинцах, и тому, что принес такую ношу.

— Откуда же у тебя поросенок? — спросила она.

— Уж будто бы ты и не знаешь,— криво усмехнулся Ефим и рассказал, как сегодня его предал собственный сын: угнал из оврага машину с поросятами.— Видала, каков сынок!.. На отца, можно сказать, руку поднял. В другое время за такое шкуру спустить мало, а ныне — терпи да помалкивай.

— Вот оно как,— вырвалось у Александры.— А Гоша с Митей по-другому сказывали... будто они сами поросят в лесу выловили...

— По-другому!!— Пораженный Ефим отступил назад.— Ишь ты! Пожалели меня ребятишки...

— Мало того, что пожалели... Они же тебя от черного дела отвели. Еще бы немного—и ты бы вором заделался...— Александра сокрушенно покачала головой.— Эх, Ефим, Ефим, до чего ты докатился!.. В колхозе чужаком стал, сына забросил. А ведь мы теперь по-другому живем... по правде, по совести. Распрямились, как после дождя. И дышать легче, и силы прибавилось, и вера появилась, что к хорошему идем...

— Слышал, знаю... О твоих делах далеко шум пошел.

— Встряхнись ты, Ефим, одумайся, переломи себя! Не последний же ты человек на свете. И руки у тебя есть, и голова на плечах... Вот и покажи людям, на что способен...

— Да кто ж мне такому поверит!.. Я в грехах по горло завяз.

— Поверят... Все грехи спишут, только бы совесть у тебя проснулась.

— Ладно, сестрица... Время покажет,— отмахнулся Ефим.— А пока мне все же лучше в город податься, подальше от Клинцов. Вот зашел Митьку предупредить... чтоб он тоже здесь не задерживался.

— Пустые хлопоты, Ефим...— вздохнула Александра.— Потерял ты пока сына... не поедет он с тобой...

— Как это не поедет! Сын все же...

— Ну, что ж, ищи его... зови.

Весь вечер Ефим разыскивал по колхозу Митьку, но тот так и не показался ему на глаза.

* * *

К концу недели в районной газете появилась небольшая заметка, в которой Николай Иванович благодарил за помощь лагерю и пастухов из совхоза «Первомайский», и школьников из Ольховки, и бабку с внучкой из колхоза «Красный луч», и шофера Пыжова... Заметка называлась «Честные люди».

— Люди, конечно, не в пример прежним,— прочитав заметку, согласился дед Афанасий.— Но поросят все же беречь надо...—Он тщательно осмотрел всю изгородь в лагере и потребовал от Александры, чтобы ее срочно починили.

— А надо ли на ремонт тратиться! — заметила Александра.— Может, поросятам свободный выгул дать, на волю их выпускать почаще! Мы вот со Стешей уже подумываем об этом...

— Да они ж орда дикая, потопчут все, разбегутся,— заспорил дед Афанасий.

— А помнишь, дедушка, как поросята после грозы на картофельном поле паслись! — сказала Стеша.— Сами себе корм добывали.

— Так их же пасти надо, стеречь. А где же свинопасов на такую ораву найдем!

— «Электропастуха» поставим... Одного на все стадо.

Свинарки посоветовались с Николаем Ивановичем, и было решено провести пробный выпуск поросят на вольный выпас.

Делянки с посевами клевера, кукурузы и люцерны разбили на отдельные участки. Дядя Вася поставил столбы, натянул между ними проволоку и пустил по ней электрический ток.

Когда все было готово, поросят из лагеря выпустили кормиться в поле, на клетки с травами.

Свинарки, дед Афанасий и ребячья команда, вооружившись палками и хворостинами, внимательно следили за «ордой», чтобы не разбежалась.

Но зеленая, сочная трава была так вкусна, что поросята и не думали убегать.

Когда же они пытались перебраться через проволоку, то получали легкий щелчок и отскакивали в сторону. «Электрический пастух» исправно делал свое дело — не выпускал поросят за пределы участков.

Насытившись, поросята возвращались в лагерь, пили воду, отдыхали под навесом, потом опять шли на вольный выпас.

Когда вся трава была съедена, «электропастуха» перенесли на новые места.

Теперь уж не надо было косить траву и возить ее в лагерь: поросята сами добывали себе корм.

— Тетя Шура, скажите, а что же мне-то остается делать! — с удивлением спросила Стеша, когда поросята привыкли к вольному выпасу.— Вы же теперь и одна со всем стадом управитесь.

— Да и ты сможешь,— согласилась Александра.— А что верно, то верно... Вдвоем в одном лагере нам делать нечего.

— Так и должно быть,— сказал Николай Иванович.— У передовых свинарей так и задумано. Людей на ферме поменьше, а поросят побольше.

Стеше даже взгрустнулось. Она привыкла к своей «крестной», как она называла Александру, привязалась к ней, многому у нее научилась.

Они уже сдали в город три сотни откормленных поросят, приняли в лагерь новую партию молодняка, получили от правления благодарность за работу и хорошую денежную премию,— и вдруг надо расставаться!

— Работы вам обеим хватит,— успокоил Николай Иванович свинарок и сообщил, что в березовской бригаде открывается еще один лагерь по откорму поросят. Работать там вызвалась Ульяна Краюхина. Поначалу ей, конечно, будет нелегко, нужна поддержка, опытная рука.

— Вот и решайте, кто из вас в Березовку пойдет, а кто здесь останется,— обратился председатель к свинаркам.— Но учтите, что от Березовки до Клинцов довольно далеко да и заработки в новом лагере на первых порах будут пониже.

Стеша сказала, что пойдет, конечно, она: у тети Шуры большая семья и незачем ей расставаться с налаженным хозяйством.

— Нет, Стеша, — покачав головой, заявила Александра.— Жалко, конечно, старого места, а все же в Березовку мне придется идти... Я Ульяну в дело втянула, мне ее и вытягивать. Она ведь человек такой, всякое может выкинуть...

— Вот и ладно,— обрадовался Николай Иванович.— Мы на правлении так и решили. Вас, Александра Степановна, направить в Березовку, а Стешу на старом месте оставить. Только вашего согласия ждали...

— Ну и мать у Гошки!— сказал ребятам удивленный Борька Покатилов.— И заработки у нее хорошие, и уважают ее все. Вот не думал, что она с насиженного места уйдет...

— А может, и тетка Ульяна такой же станет,— заметила Елька.— Знаешь, как все может перемениться, если по-честному работать...

— Очень даже свободно,— вступил в разговор Никита Краюхин.— Мамка говорит, что она тоже не хуже других... Только чтобы все, как у тети Шуры в лагере было...

— А нам теперь куда же! — озадаченно спросил у матери Гошка, узнав что она переходит в Березовку и Стеша одна будет ухаживать за поросятами в старом лагере.

— А может, со мной пойдете! — пригласила Александра.— Работы на новом месте хоть отбавляй, на всех хватит. Будем начинать все сначала... Опроси там ребят, у кого, конечно, охота есть...

Гошка поговорил с ребятами, и вся «ретивая команда» согласилась помогать тете Шуре.

Через день Александра сдала Стеше тысячное стадо поросят, простилась с ней и с дедом Афанасием и перешла работать в Березовку.

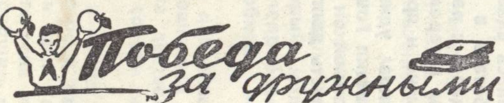
А вечером, возвращаясь с работы домой, она увидела над Клинцовским лагерем красный огонь фонаря. Он горел призывно и ярко.

— Что это! — спросила удивленная Александра.

— Маяк, мама,— ответил Гошка.— Мы с ребятами поставили. Помнишь, зимой он потух... А теперь хорошо разгорелся. И пусть долго, долго всем светит.

ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

№ 28 АПРЕЛЬ 1963 г.

Писем под таким девизом все больше и больше. В них рассказывается о том, как идет всесоюзное соревнование на лучший пионерский отряд. Пишут не только ребята. О добрых делах пионеров рассказывают и взрослые.

МЫ ПИОНЕРЫ...

Много раз жильцы нашего дома проходили мимо двери и не замечали криво повешенный плакат, а пионеры прошли и поправили плакат. Потом к дворнику сбегали и предупредили об огромной сосульке на углу дома.

«Кто вы такие?»—спросили жильцы.

«Мы пионеры из сто тридцать третьей школы»,— ответили они.

Скобелев,
г. Харьков.

ПИОНЕРСКАЯ ДОРОГА

Если вам придется побывать на дороге, соединяющей село Макишин, Черниговской области, с шоссе, вы увидите табличку:

«Дорогу обслуживают пионеры дружины имени Олега Кошевого».

Пионеры посадили много фруктовых деревьев

и ухаживают за ними, разбили небольшой сквер. А сейчас, когда наступила весна, ребята собираются посадить здесь целый фруктовый сад.

В. Яхимович,
начальник Черниговского районного отдела автомобильного транспорта и шоссейных дорог.

ПИОНЕРСКИЙ КИОСК

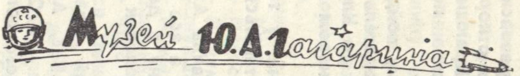
Его решили открыть пионеры Развиленской средней школы. Обратились с просьбой к председателю правления сель-

по. Затея ему понравилась, и скоро ребята стали хозяевами киоска.

Ребята установили в нем дежурство. Работа пошла хорошо.

П. Д. Лихушина,
Ростовская область,
с. Развильное.

12 апреля 1961 года мир узнал о человеке, впервые поднявшемся в космос. В этот же день на одной из дверей 487-й школы Москвы появилась табличка с надписью: «Музей Ю. А. Гагарина».

Комната была пуста, а в воображении ребят музей уже существовал.

Первые материалы появились после похода в Гжатск, на родину Ю. А. Гагарина. В Гжатске ребят приветливо встретили родители космонавта. Мать Юрия Алексеевича подарила для музея несколько листов из школьной тетради сына и интересные фотографии из семейного альбома Гагариных.

Множество номеров иностранных журналов и газет, сообщающих о запуске космического корабля «Восток-1» и о пребывании советского космонавта в разных странах, прислали в музей ребята из тех стран, где побывал Гагарин.

В музее есть фотография, которую подарил пионерам Юрий Алексеевич Гагарин, когда они были у него в гостях. На ней написано: «Музею школы № 487 г. Москвы, всему коллективу преподавателей и пионеров с наилучшими пожеланиями. Гагарин».

Материалов, собранных ребятами, оказалось намного больше, чем может вместить одна комната. Музей все время расширяется.

Галя Кухтенкова,
юнкор, Москва.

Вымпел, который делают Слава Коротких и Саша Волков, ждет необычная судьба. Ребята попросили Юрия Алексеевича Гагарина передать этот вымпел командиру первого звездного корабля, который «приземлится» на другой планете.

Юрий Алексеевич обещал выполнить эту просьбу.

ЮнТАСС сообщает:

ПИОНЕРСКАЯ РАКЕТА НА ВЫСОТЕ 200 МЕТРОВ

Космодромом служила дорога. С него стартовала первая ракета, построенная конструкторами станции юных техников. Ракета поднялась на высоту 200 метров. К ракете был приспособлен автоматический парашют. Он вовремя раскрылся, и ракета успешно приземлилась.

г. Пермь.

РЕКОМЕНДАЦИЯ КОСМОНАВТА

Светлана Глущенко стала комсомолкой. Рекомендацию в комсомол ей дал летчик-космонавт А. Г. Николаев. Андриян Григорьевич — друг семьи Глущенко. Он хорсшо знает Свету.

г. Смоленск, 28-я школа.

«МОСФИЛЬМ» — ЮНЫМ КИНОЛЮБИТЕЛЯМ

Фильм рассказывает о дружбе кубинских и советских пионеров. Авторы, создатели его — юные кинолюбители второй школы города Карпинска — премированы почетным дипломом «Мосфильма» и путевками в Артек.

ДЕТСКИЙ САД ВЫХОДНОГО ДНЯ

Его организовали шестиклассники школы № 14 города Свердловска. В выходной день родители ведут сюда своих детей. Все знают: девочки справятся. Папы и мамы говорят:

— Хорошее дело затеяли пионеры. Большое им спасибо.

РЕБЯТА СМАСТЕРИЛИ СКРИПКУ

Самую настоящую. Она прошла испытание в симфоническом оркестре Уралмашзавода.

— У скрипки чудесный голос! — сказали музыканты.

Сделали скрипку юные техники Дворца культуры Уралмашзавода в Свердловске.

Не согласны!

ЛЮДЯМ НУЖНЫ ЦВЕТЫ

У меня есть подруга Зоя Ахантьева. Мы с ней очень любим цветы и решили, когда вырастем, стать садоводами. Но наши родители говорят, что это пустая затея, ребячество, что с такой профессией ничего не добьешься. Мы не согласны. Если все так будут рассуждать, то кто же будет разводить на земле цветы?

Люда Корнилова,
ст. Будукан.

ПОЧЕМУ ВЫБИРАЮТ ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ!

В нашем отряде с самого третьего класса ни разу не сменились ни председатель совета отряда, ни звеньевые. А мы уже в шестом.

Я одна из этих звеньевых. Не хочу врать: мне приятно быть вожатой звена. Но ведь в отряде есть много других хороших ребят, которые могли бы даже лучше нас вести пионерскую работу.

На перевыборах я сказала об этом. А наша вожатая говорит:

— Не выдумывайте, пожалуйста, всякой ерунды!

Разве это ерунда? Неужели и другие так думают?

Наташа Новикова,
г. Козьмодемьянск.

ПОПАЛАСЬ, ВОРОВКА!

Есть в нашем селе река Большой Кинель. Летом Валерка Баландин и Сережа Лыткин ходят туда на рыбалку, а зимой кататься на коньках. Дорога на речку идет мимо колхозного птичника. И вот как-то Валерик увидел на берегу водоема несколько мертвых утят. Валера рассказал об этом Сереже. Мальчики задумались: кто же задушил утят?

Однажды внимание друзей привлекло громкое кудахтанье кур. Ребята приостановились и увидели, как в стаю птиц ворвалась лиса. Валерик и Сережа бросились за воровкой вслед, догнали ее и после яростного сопротивления захватили в «плен».

А. Мингалев,
с. Кинель-Черкассы,
Куйбышевская область.

Смешинка

Вчера на третьей перемене подходит ко мне Сашка Ерохин, наш редактор стенгазеты.

— Ты сочинять умеешь? — спрашивает.

— А то как же!— говорю.— Вон вчера вызвала меня учительница по ботанике, а я ей сказал, что с сестренкой сидел, так она мне не только двойку—замечания не написала!

— Здорово! — говорит редактор.— Садись! Будешь для стенгазеты рассказ писать.

Коля Булгаков,
юнкор, г. Москва.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Галя Кухтенкова (редактор), Коля Булгаков, Наташа Жидкова, Боря Косицкий.

ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК

— Двойка тебе, Пузырьков, за подсказку.
— Почему двойка?.. Я еще и Хвостиковой подсказывал, ставьте четверку!

Рисунок Д. Белова.

Рисунок В. Жаринова.

Установил рекорд...

и получил награду.

Рисунок Ю. Узбякова.

КАК ОНИ ПОПУГАЕВ

Ариадна ЖУКОВА

Фото Д. Ухтомского.

— Не бойтесь, попугаи! Я только посмотрю, какой у вас клюв, какие лапки, какой глазок. А то как же я вас рисовать-то буду?!

РИСОВАЛИ

В зоне пионерского действия отряда — детский сад. Поэтому в плане работы отряда появился пункт: «Помогать воспитателям детского сада». А как помогать? Кто-то предложил: «Сделаем всем малышам по деревянной лопаточке!» Хорошо! Другое предложение: «Будем помогать одевать ребятишек, когда они на прогулку собираются». Тоже хорошо!

«Давайте порисуем с малышами!» — сказал кто-то.

«Порисуешь с ними, ведь они еще не умеют рисовать!» — закричали ребята.

Это неверно. Вот почитайте, как учить малышей рисовать. И не только дошколят — октябрят тоже.

Попугаи живут в высокой-высокой круглой клетке. Клетка стоит у окна прямо на полу. В клетке — кормушка, маленькая пожарная лестница и жердочки. Попугаи взбираются по пожарной лестнице на жердочки и что-то быстро-быстро рассказывают друг другу. Сколько им лет — неизвестно. Как их зовут — тоже неизвестно. Попугаи не говорят, а своих имен ребята им не придумали. Так попугаи и живут — безымянные. И никто особенно на них не обращает внимания. К попугаям привыкли так же, как к белым низеньким столикам, клеткам с желтыми канарейками и аквариуму с цветными рыбками. Такой уж это детский садик — с поющими канарейками, молчаливыми рыбками и звонко трещащими попугаями...

Но однажды Римма Николаевна вошла в группу и сказала:

— Сегодня после обеда мы будем попу-

гаев рисовать. А сейчас мы на них посмотрим.

— А чего на них смотреть? Мы их видели! — сердито сказала рыженькая девочка.

— А если видели, то скажи мне, пожалуйста, на что похоже тельце у попугаев? На шарик? Или, может быть, на яичко?

Рыженькая девочка посмотрела в потолок и задумалась. Потом взглянула на попугаев и радостно закричала:

— На огурчик! Похоже на огурчик!..

— Правильно. Тело попугая больше всего похоже на огурчик. А какой у попугая клюв?

— Крючком! — ответили все хором.

— А хвост?

— Длинный! Висит!

— А какие у попугаев глазки?

Все подошли так близко к клетке, что попугаи испугались, затараторили и стали быстро перелетать с жердочки на жердочку.

— Тише! — шепотом сказала Римма Николаевна.

Все затихли.

Попугаи затихли тоже, но тесно прижались друг к другу и испуганно уставились на стоящих вокруг ребят. Тут все разглядели, какие у попугаев глаза — маленькие, черные, блестящие. Как бусинки...

После обеда легли спать.

Разбудила всех Римма Николаевна. Она вошла в спальню, веселая, нарядная, красивая, и звонко сказала:

— Вставайте! Одевайтесь скорее! Пойдем попугаев рисовать!

Все начали быстро застегивать лифчики, натягивать чулки и шнуровать ботинки. Девочки переплетали косички. Мальчики приглаживали чубчики. Потом все вместе пошли в групповую комнату. Здесь очень светло — вся стена стеклянная. За стеклами — снег, белый-белый. А в комнате — столики, тоже белые как снег. На белых столиках стоят черные, с розами, подносы. А на подносах в низеньких баночках жидкие краски — гуашь. Гуашь красная, оранжевая, желтая, малиновая, зеленая, голубая... Очень красиво!

Все сели, взяли в руки доски с бумагой, кисточки и приготовились рисовать. И вдруг Саша Белокуров посмотрел на Римму Николаевну черными, блестящими, совсем как у попугая, глазами и сказал:

— Не хочу попугая рисовать!

— Почему?

— Просто так. Хочу улицу рисовать! А на улице попугая нарисую...

— Попугаи не живут на улице.

— А где же они живут?

— В таком большом-большом дремучем лесу. Джунгли называется.

Саша задумался. А Римма Николаевна тем временем взяла кисточку, обмакнула ее в зеленую краску и — раз! раз! — быстро нарисовала попугая.

— Похож?

— Похож, — сказали все хором.

— Это что?

— Головка.

— А это?

— Тельце.

— А почему шейки нет?

— Она под перышками.

— Верно. А это что?

— Клюв.

— А это лапки.

— Они цепляются, — басом сказал толстенький мальчик. Все посмотрели на толстенького мальчика, а когда обернулись, Римма Николаевна свой рисунок уже убрала.

— Рисуйте сами.

Каждый выбрал себе самую красивую краску и храбро сунул в нее кисть. На белых листах бумаги появились разноцветные утончающиеся книзу огурчики — желтый, зеленый, синий, голубой. Толстенький мальчик задумчиво посмотрел на свой голубой огурчик, потом обмакнул кисть в красную краску и пририсовал к огурчику красное крыло и

Прежде чем обмакнуть кисточку в новую краску, ее надо аккуратно вытереть. Это тоже нелегко!

красный клюв, большой и лохматый, очень похожий на собачий хвост. Рыженькая девочка растерянно разглядывала свой рисунок: у ее попугая почему-то оказалось три ноги. На одной ноге было пять пальцев, на другой четыре, а на задней, самой маленькой, три. Некоторые нарисованные попугаи были похожи на петухов. Некоторые — даже на кошек. Но большинство попугаев оказалось замечательными: яркие, большие, веселые, они как будто спрыгнули с жердочек на листы бумаги и зажили на них своей беспокойной, таинственной попугаевой жизнью. Один попугай кувыркался. Два дрались. Саша Белокуров, прищурив черные блестящие глаза, смотрел на своего ослепительно-разноцветного попугая. Потом Саша взял кисть и нарисовал рядом с попугаем «джунгли» — большое зеленое дерево и траву. «Попугаи живут в джунглях», — сказала Римма Николаевна. — «Как же они там живут? В клетках или в домиках? Наверное, в домиках». И под лапки попугая Саша пририсовал маленький удобный дом с высоким крылечком и трубой, из которой шел дым. Наверное, жена попугая готовила ему обед.

Вокруг попугаев на белых листах вырастал затейливый мир: засверкало солнышко, зашумели деревья, на некоторых особенно неудачливых попугаев пошел дождь.

Что бы еще придумать? Что бы еще пририсовать к попугаям?

— Довольно, — остановила ребят Римма Николаевна. — Я вижу, что вы начинаете портить ваши замечательные рисунки.

«Замечательные рисунки», — сказала Римма Николаевна. Но настоящие, живые попугаи ничего замечательного в этих рисунках не нашли. Когда к их высокой-высокой круглой клетке поднесли показать им их собственные портреты, попугаи (живые) сначала ничего не поняли.

— Мы же вас рисовали! Это вы! — сказала попугаям рыженькая девочка и толстым, коротеньким пальцем заслонила у своего нарисованного попугая переднюю ногу, ту, что с пятью пальцами.

И тогда попугаи громко затрещали.

— Смеются! — печально решили все. — Наверное, это совсем плохие портреты попугаев.

Но портреты были хорошие.

Просто попугаев никто не учил понимать рисунки очень маленьких детей.

Если ты придешь в детский садик заниматься с малышами рисованием, поступи так, как поступает на своих занятиях очень добрая и очень хорошая воспитательница Римма Николаевна Хамяляйнен, которую любят все ребята из детсада № 29 в Антоновском переулке Ленинграда. Попроси малышей очень внимательно разглядеть тот предмет, который они должны нарисовать. Пусть малыши сообразят, какая часть в этом предмете самая большая и самая главная, и начинают свой рисунок с нее (так ученики Риммы Николаевны начинали свой «портрет» попугая с тельца птицы, похожего на огурчик). Потом нарисуй предмет сам, да смотри, не осрамись перед дошколятами, нарисуй получше. Наконец, убери свой рисунок и только тогда скажи: «Рисуйте!..» Ни в коем случае не смейся над кошками с двумя головами и над трехногими собаками. Вот, например, у Риммы Николаевны был даже такой случай: ребятишки учились составлять из нескольких красок «телесный» цвет, чтобы раскрасить лицо и руки нарисованного человечка. Одна девочка составила очень хороший «телесный» цвет, но потом оказалось, что этим замечательным «телесным» цветом она раскрасила нарисованный дом, а рядом пририсовала девочку с совершенно зеленой кожей, как у лягушки!..

Не удивляйся таким смешным ошибкам. Терпеливо их поправляй. Показывай ребятам хорошие рисунки и учи их видеть красоту во всем, что их окружает. И ты увидишь, как их смешные, забавные, похожие на карикатуры рисунки начнут постепенно становиться лучше и лучше. И тогда — берегись! — как бы эти малыши не обогнали в рисовании тебя и твоих товарищей!..

МИКРОАВТОМОБИЛЬ

Недавно в редакцию пришло письмо. Витя Афонин и Саша Гришин из Тульской области пишут: «Вот уже почти как два года мы мечтаем построить микроавтомобиль и научиться его водить. Убедительно просим вас подробно описать все экспонаты зала автомобилей ППТВ от первого до последнего. Нам так хочется все сразу узнать о всех микроавтомобилях, вы даже не представляете как».

Сегодня мы отвечаем Вите Афонину, Саше Гришину и всем ребятам, которые хотят построить автомобиль. Пусть машина, о которой мы сегодня рассказываем, не такая красивая, как те, что вы видели на ППТВ. Но зато ее легко построить. Здесь не понадобится ни особое мастерство, ни сложные инструменты, ни дорогие материалы. А работает машина безотказно, и те, кто ее уже построил, очень довольны. И еще — вы познакомитесь с устройством автомобиля и сможете делать более сложные машины.

Прежде чем начать работу, подготовьте нужный материал.

Основа этой машины — рама. Для нее подойдет, например, старая железная кровать или другой металлический лом. Особенно легкой и красивой получается машина, если взять дюралевый уголок. Можно сделать раму и из дерева. Тогда нужно в местах соединений скреплять планки металлическими накладками и стягивать их болтиками с гайками или шурупами.

Для нашего автомобиля подойдет велосипедный мотор. Он продается во всех магазинах культтоваров.

Колеса нужно взять от детского самоката. Самокаты разрезаются ножовкой пополам и поперек. Два поворотных колеса пойдут на переднюю часть машины, а два остальных — на заднюю. Вам потребуется два самоката, каждый из них стоит 7 рублей. Мы советуем покупать самокаты не на дутых шинах, а на шинах из цельной резины. Правда, машина будет подскакивать на неровностях почвы, но зато обойдется дешевле и будет служить дольше. А если вы поставите на машину «дутики», ездить будет приятнее, только обязательно нужно иметь запасные покрышки и камеры, так как на ведущем колесе они быстро изнашиваются.

Теперь внимательно изучите чертеж машины. Посмотрите, где установлен мотор (4), обратите внимание, что бак с бензином (5) должен быть выше мотора.

Начинаем собирать машину.

По размерам, указанным в чертеже, отрежьте ножовкой четыре куска углового материала. По краям просверлите отверстия и скрепите угольники внакладку восьмимиллиметровыми болтами с гайками. Вот и готова **рама.** Чтобы она была устойчивой, сделайте подкосы (смотрите по чертежу) и скрепите их болтами с гайками.

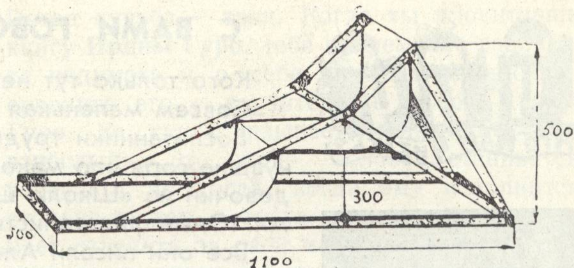
Смотрите, как легко управлять этой машиной

Передние колеса берутся от самоката вместе с вилками и прикрепляются на болтах к раме (см. чертеж). Рули с них нужно снять и вместо них вставить в трубки стержни. Тогда колеса можно соединить с большой перекладиной, чтобы они одновременно поворачивались. Стержни, которые вы вставляете в трубки, с одного конца запилены на квадраты, а на них врасклепку укреплены планки.

По концам планок просверлите отверстия под резьбу размером в 8 мм и сделайте нарезку метчиком. Концы планок каждого руля нужно соединить между собой одной общей **тягой** (6). Изготовить ее можно из полосового железа. А длина должна быть обязательно такой, чтобы колеса стояли строго параллельно. В центре тяги сверлят отверстие под нарезку размером в 8 мм и завертывают болт. Он должен свободно перемещаться в долевом пропиле планки (2). Планка укрепляется на трубке руля. Делается это разными способами — все зависит от материала, из которого вы сделаете планку. Ее можно согнуть из железа. Тогда прикрепляться к трубке руля она будет стальной шпилькой.

Трубка руля пропускается сквозь хомутик, укрепленный на верхней перекладине (на чертеже верхняя перекладина совпадает с тягой, так как расположена под ней). Снизу трубка руля надевается на палец (3).

Для **задних колес** нужно изготовить стальную ось (9) размером в 20 мм. Концы оси затачиваются по отверстиям колес. С одной стороны оси заточку нужно сделать плотно, а колесо после посадки закрепить сквозной

шпилькой. Второй конец оси затачивают так, чтобы колесо свободно провертывалось. По концам оси делают нарезку в 10 мм и завертывают гайками.

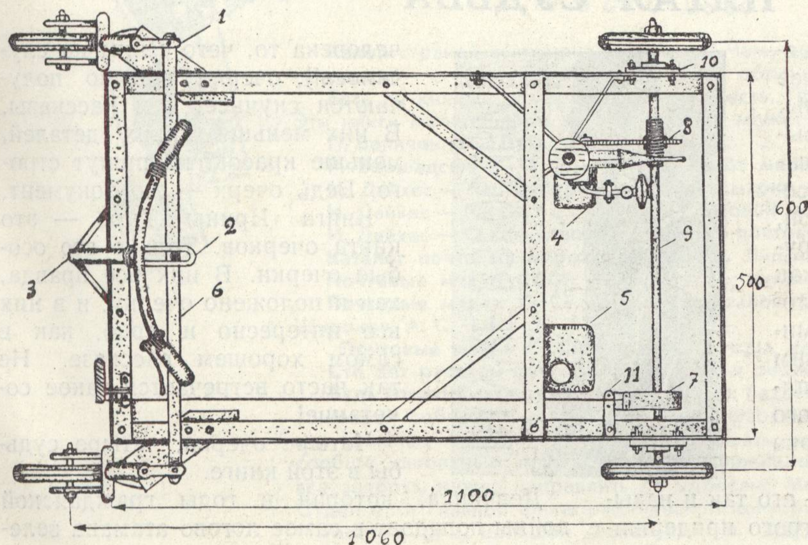
Для оси нужны два шариковых подшипника с внутренним диаметром 18 мм. Чтобы надеть подшипники, надо сделать на оси соответствующую заточку. Закрепить подшипники на раме нужно с помощью обойм (10). Они крепятся к раме на болтах, а делаются либо точеными, либо гнутыми из полосового железа.

Тормозной барабан с плотной посадкой надевается на левую часть задней оси (как показано на чертеже). Закрепляется сквозной шпилькой. Для барабана подойдет шкив от электромотора диаметром в 120 мм. Для тормозной ленты — брезентовый прорезиненный ремень по ширине шкива. Один конец ремня крепится к раме. Второй — к тяге тормозной педали.

На валу нужно укрепить **велосипедную звездочку** (8) в 21 зуб. Для этого вам понадобится втулка. Ее можно сделать из куска трубы. Один конец втулки затачивается под резьбу.

Шаг резьбы и диаметр заточки определяют контргайкой. А втулка со звездочкой на валу крепится сквозной шпилькой.

Чтобы цепь натягивалась, задний вал с подшипниками должен смещаться относительно мотора (в пределах 5 мм). В раме делаются долевые пропилы. В них пропускают болты, которые крепят обоймы с подшипниками.

А. АБРАМОВ

С ВАМИ ГОВОРИТ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ...

Кого только тут нет!..

Совсем маленькая девочка, читающая «Мурзилку».

Воспитанники трудовой колонии, бывшие беспризорники, хлебнувшие горя «по маковку». Пионеры Игарки. Бакинские мальчики и девочки из «Школы шалунов». Ребята, мечтающие стать писателями. Юные филателисты...

Все они писали Алексею Максимовичу Горькому. И Горький выполнял их просьбы и отвечал всем внимательно, серьезно, любовно, сообразуясь с возрастом автора письма, но не приноравливаясь к нему, беседуя с ребятами как равный с равными.

Две с половиной тысячи детских писем хранятся в архиве М. Горького в Москве. Самые интересные ответы писателя вместе с выдержками из писем собраны в книге **«Горький — детям»**, выпущенной издательством «Молодая гвардия».

В этом сборнике вы прочитаете также рассказы и отрывки из повестей Горького, а в разделе «Горький хотел, чтоб вы прочитали эти книги» найдете отзывы Алексея Максимовича о любимых им писателях...

Ребята, к которым обращался Горький, теперь стали взрослыми, даже немолодыми людьми. Письма эти написаны давно. И все же иные строки в них звучат так свежо и живо, точно они только что родились и обращены к вам, сегодняшним читателям. Влюбленно, страстно говорит Алексей Максимович о труде, о вере в жизнь, в человека.

«Это — самая великая вера, только она и должна быть,—пишет Алексей Максимович в одном из писем.—Всегда лучше ждать друг от друга хорошего, чем плохого, а ожидая от людей плохого,—мы их портим...»

И не только к участникам 1-го пионерского слета, но и к вам, ребята, обращены слова Алексея Максимовича, напечатанные некогда на страницах журнала «Пионер»:

«Вы должны все видеть, все изучать, вооружаться знаниями и не брезговать никаким трудом.

Вы, пионеры, должны смело и прямо идти по дороге, открытой перед вами Лениным.

Вперед, пионеры!».

ПЯТАЯ СУДЬБА

Знаешь, чем отличается рассказ от очерка? В рассказе все герои и события выдуманы. То есть не совсем, конечно, выдуманы, что-то похожее писатель в жизни встречал; но все-таки многие важные детали он, как говорят, «домыслил». Другое дело очерк. В очерке, как правило, все правда, все настоящее, все, как было. И фамилия героя, и имя, и что с ним случалось. Герою рассказа писать письмо бессмысленно: его не существует. А герою очерка можно — он лицо реальное.

Оттого, что автор очерка — его так и называют «очеркист» — обязан строго придерживаться правды (ведь нельзя же выдумать про человека то, чего с ним не случалось!), очерки обычно получаются скучнее, чем рассказы. В них меньше ярких деталей, меньше красок, их пишут строго. Ведь очерк — это документ.

Книга Ирины Гуро — это книга очерков. Только это особые очерки. В них все правда, как и положено очерку, и в них все интересно и ярко, как в самом хорошем рассказе. Не так часто встречается такое сочетание!

Четыре очерка, четыре судьбы в этой книге.

Девчонка, которая в годы гражданской войны попадает в самое логово атамана зеленых Леньки Шмыря.

Мальчишка, который во время Отечественной войны получил труднейшее задание: разузнать все о гитлеровской школе диверсантов.

Еще одна девчонка — она сумела добиться самого высокого в республике урожая сахарной свеклы. И еще один мальчишка, — он, пожалуй, больше всего понравится тебе своей смелостью и скромностью. Что он сделал, рассказывать не стоит, а то будет неинтересно читать.

Четыре твоих сверстника, четыре судьбы... А пятая? Про пятую книг еще не написали. Пятая судьба — твоя. Когда ты прочитаешь книгу **Ирины Гуро**, тебе непременно захочется подумать и о себе, о своем характере, сравнить его с характерами героев Ирины Гуро. Ее книга называется так: **«Ты уже взрослый»**. Это верно. Человек становится взрослым не тогда, когда ему исполнится столько-то лет, а тогда, когда он сам начинает отвечать за свой характер, за свои поступки, за свою жизнь. Сколько тебе лет? Двенадцать? Четырнадцать? Ты уже взрослый! И спрос с тебя, как со взрослого.

С. СОЛОВЕЙЧИК

Живая вода

Самые что ни на есть привычные школьные будни: звенит звонок, учитель географии входит в класс, притрагивается к глобусу... Но тут —

...в классе у окна
Вдруг начала плескаться
Зеленая волна...

И вот уже ребята всем классом отчаливают в синий простор.

...Не парта, а байдарка,
Не ручка, а весло...
И в летний полдень жаркий
Их в море унесло.

Словом, все преобразилось. Совершилось чудесное превращение.

Сколько таких превращений описано в **«Стихах и сказках» Елизаветы Яковлевны Тараховской!**

Сказка живет рядом, в быту. Разве не сказочна «Лестница-чудесница», которую многие из нас видят каждый день?.. Допустим, что здесь ощущение сказочности понятно: в годы, когда было написано это стихотворение, эскалатор метро и вправду казался почти чудом. Но вот уж совсем обыкновенная картинка: девочки вышивают шелком по канве... Однако поглядите!.. Опять совершается превращение: под иголкой оживают петушки-золотые гребешки, да так, что живой петух разговаривает с ними, как со своими братьями!..

«Как весело, как интересно вышивать по канве, рыбачить, охотиться, рисовать, учиться в школе, вообще жить! Как удивительно все вокруг!» — думаем мы, читая книгу Е. Тараховской.

Отчего это происходит?.. Да оттого, что каждое из стихов этой книги точно взбрызнуто прозрачной, искристой росой. В каждом из них блестит и переливается капелька живой воды искусства.

Ю. НОВИКОВА

Тем, КТО СОБИРАЕТ МАРКИ

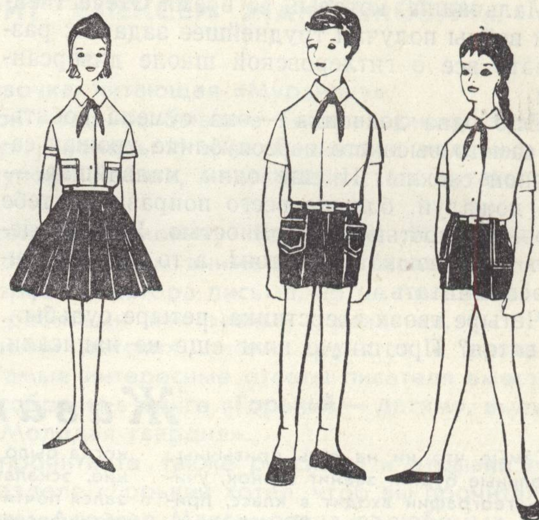
Какой страной выпущена эта марка? Чему она посвящена? Чей портрет на ней помещен? — с такими вопросами часто обращаются к нам юные филателисты.

Есть ли книжки о марках? Конечно, есть. Приводим список некоторых из них. Эти книги можно найти в городской, а может быть, и в школьной библиотеке.

П. Беличенко — **Путь письма и газеты.**
Р. Бершадский — **О чем рассказывают марки.**
И. Дайхес — **Как собирать почтовые марки.**
И. Дайхес — **Рассказ о советской почтовой марке.**
И. Дайхес — **О чем говорят советские почтовые марки.**
Каталог почтовых марок всего мира. Липсия (на немецком языке).
Почтовые марки СССР, 1958—1959 г., каталог. Составитель—А. И. Гуковский.
Почтовые марки СССР, 1959 год, каталог. Составители М. Т. Милькин, А. А. Широков, А. С. Чумаков, А. Я. Зезин.
Почтовые марки СССР, 1960—1961 годы, каталог. Составитель И. С. Светлов.
Сто лет русской почтовой марки! Под редакцией И. Г. Папинако.
Будь готов! Книга пионеров II ступени. Раздел: «Твоя коллекция».

Марки собирают, снимая их с использованных конвертов, покупая на почте и в книжных магазинах. Можно выписывать их и по почте. Делать это лучше сообща, школьным кружком юных коллекционеров. Коллекционные заказы и все запросы нужно направлять по адресам: Москва, Ж-44, 1-й Крутицкий п., 4а. Отдел опта Главной филателистической конторы;

Москва, Ж-4, Большой Факельный п., 2/22, магазин № 111 Москниготорга.
Киев, Красноармейская ул., 40, магазин «Филателия» Облкниготорга.

ХРАБРЫЕ портняжки

Форма одежды — парадная

Пионерская парадная форма известна: белый верх, темный низ. Но как сделать кофточку, рубашку, брюки, юбку понаряднее, покрасивее и поудобнее?

Если у вас в отряде есть свои мастерицы, они сами сошьют одинаковые для всех белые рубашки, пилотки, пояски, чтобы на пионерском параде 19 мая ваш отряд выглядел лучше всех.

Если же рубашки сшить самим не под силу, ограничьтесь пилотками и поясками. Одинаковые нарядные пилотки и пояски очень украшают отряд, особенно когда у каждого отряда пояски и пилотки своего цвета.

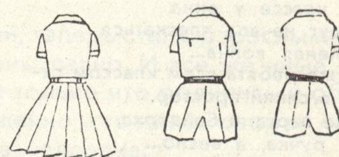
Можно купить хлорвиниловые ремешки, а можно сшить пояски из плотной ткани с твердой прокладкой внутри.

Сшейте себе пилотки

Обмерьте объем вашей головы и разделите эту цифру пополам. На чертеже — объем, равный 56 см. Пилотку шьют двойную. Сделайте два таких кроя и стачайте боковые швы. Затем, разгладив швы, сложите обе детали лицевой стороной внутрь, перегнув их по линии сгиба, и прострочите их по нижней округлой линии, оставив небольшой кусочек, через который вывернете потом шапочку.

Вывернув шапочку, дошейте на руках оставшийся кусочек и прострочите шапочку по краю. Хорошенько отгладьте, и шапочка готова.

Если ткань у вас мягкая, сделайте подкладку из плотной ткани.

На чертеже высота шапочки 12 см, но вы можете уменьшить ее до 10.

Учтите, что чертежи выкроек даются без припусков на швы.

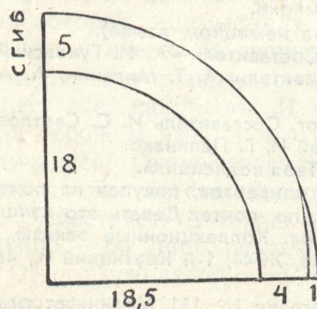
Девочки! Договоритесь между собой о длине юбок. Советуем вам сделать юбки короткие, выше колен. Длинную юбку подогните, но не срезайте материал.

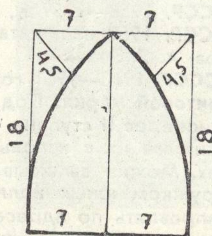
Не шейте юбку клеш, он неравномерно вытягивается, и вид у юбки становится неопрятным. Не делайте юбку пышной и слишком широкой.

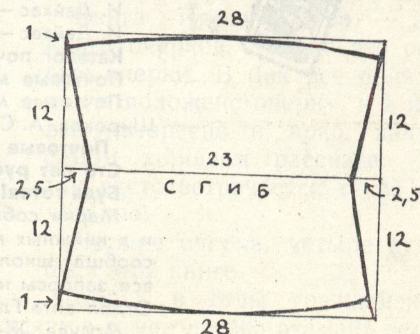
Туфли девочкам всегда лучше носить на низком каблуке, а уж с пионерской формой обязательно.

Мы за ярко-синий цвет!

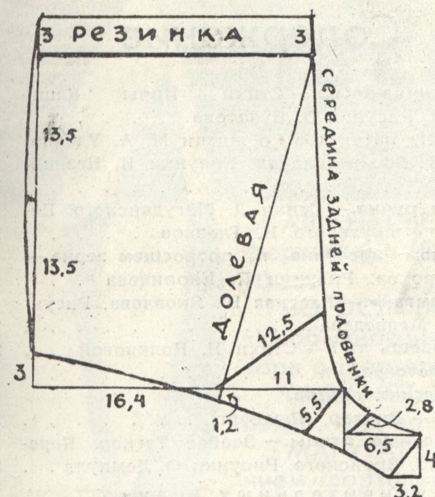
Многие ребята шьют форму темно-синего и даже черного цвета. А вот ребята в «Ар-

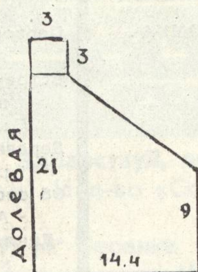

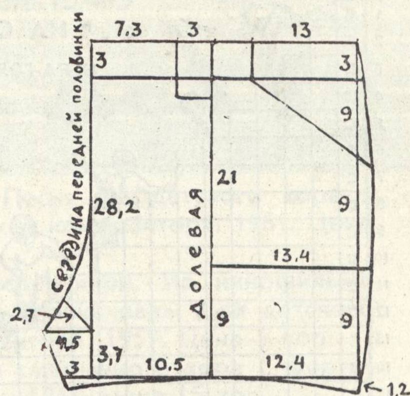

Выкройка панамы и пилотки.

Выкройка шортиков для девочек (размер 40).
Выкройку шортиков для мальчиков смотрите в журнале «Пионер» № 6 за 1961 год.

теке» решили сделать юбки и брючки бирюзового цвета. И как же великолепно выглядит белая блузка, красный галстук и бирюзовая юбочка!

У синего цвета много разных оттенков. Мы за ярко-синий.

Рекомендуем шорты...

Летом мы рекомендуем и мальчикам и девочкам сшить себе короткие штанишки — шорты. Для лагерной повседневной жизни такие шорты очень удобны. Цвет у шортиков может быть любой, но, конечно, веселый и яркий.

Кофточку к шортам можно носить поверх штанишек или внутрь, тогда ее шьют посвободнее.

Но имейте в виду, когда отряд вместе, нельзя, чтобы часть девочек в отряде ходила в юбках, а часть в шортах: это некрасиво.

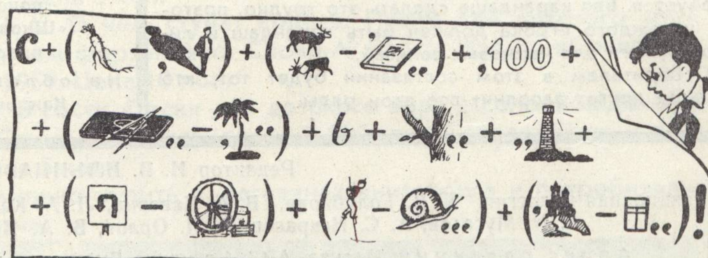
* * *

Скоро вы будете подводить итоги соревнования дружины на лучший пионерский отряд. Все отряды в праздничной пионерской форме выстроятся на торжественную линейку, чтобы выслушать справедливое решение совета дружины и поздравить ребят из отряда-победителя. А ребята-победители пройдут вдоль строя четким шагом в красивой, ладной пионерской форме, потому что у отличного отряда всегда отличный пионерский вид.

Е. ВОРОБЬЕВА, И. САМЫШКИНА,
модельеры Общесоюзного Дома моделей.

НЕОБЫЧНЫЙ РЕБУС

В этом ребусе зашифровано важное напоминание всем нашим читателям. Поэтому постарайся разгадать головоломку как можно скорее.

Ребус не совсем обычный, решать его надо так же, как решают арифметические примеры на сложение и вычитание со скобками. Сначала нужно раскрыть скобки, а потом уже соединять все составные части ребуса.

СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ!

ИГРА-ГОЛОВОЛОМКА

Попробуй решить эту головоломку: перерисуй клеточную фигуру и найди все слова, начинающиеся с буквы «С». Разумеется, головоломку эту можно решать и с другой заданной буквой.

Головоломка станет увлекательной игрой, если вы будете решать ее вдвоем или втроем.

Прежде всего нужно подготовить игровое поле, то есть перечертить фигуру на большой лист бумаги, увеличив размеры «лестницы» вдвое. А затем бросить жребий, чтобы определить порядок ходов.

При игре вдвоем каждый ход делается через одну ступеньку. При игре втроем каждый ход делается через две ступеньки. Сделать ход — значит вписать в фигуру слово, состоящее из стольких букв, сколько клеток в горизонтальном ряду ступеньки.

Если играют двое, то первый номер заполняет словами все нечетные ряды, начиная с третьего; второй номер заполняет словами все четные ряды, начиная со второго.

Если играют трое, то первый номер заполняет словами 2, 5, 8, 11, 14 и 17-й ряды; второй номер — 3, 6, 9, 12, 15 и 18-й ряды; третий номер — 4, 7, 10, 13, 16 и 19-й ряды.

Очередность ходов соблюдать не обязательно, можно сразу вписать несколько слов в свои ряды, но при этом заполняя их по порядку.

Короткое слово можно сразу вписать в фигуру, не рискуя ошибиться; но прежде чем вписывать в нее многосложное слово, нужно предварительно пересчитать в нем буквы: столько ли их, сколько требуется. Без карандаша сделать это трудно, поэтому у каждого игрока должен быть карандаш и листок бумаги для черновых записей.

Победителем в этом состязании будет тот, кто раньше других заполнит все свои ряды.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.**
Технический редактор **В. Пархоменко.**

Ф 00018. Подписано к печати 4/IV 1963 г. Тираж 604 000 экз. Изд. № 696. Заказ № 648.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПЕСНИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

АФАНАСЬЕВ П. **Здравствуй, лето!** Песня для детского хора с фортепьяно (баяном). Изд-во «Советский композитор». 1961. Цена 10 коп.

БОГОСЛОВСКИЙ Н. **Песенка ремесленников.** Из кинофильма «Необыкновенное путешествие Мишки Стрекачева». Для детского хора с фортепьяно. «Советский композитор». 1959. Цена 5 коп.

ГАДЖИЕВ З. **Комсомол.** Песня для смешанного хора с фортепьяно. Изд-во «Советский композитор». 1961. Цена 15 коп.

МАРУТАЕВ М. **Наш сад.** Песня для детского хора с сопровождением фортепьяно. Стихи Г. Мамлина. Изд-во «Советский композитор». 1959. Цена 8 коп.

МУРАВЛЕВ Л. **Детские песни.** Народы-братья. Слова Лившица. Песня Сережи из кинофильма «Белый пудель». Слова Манделя. Для голоса и хора с сопровождением фортепьяно. Изд-во «Советский композитор». 1960. Цена 10 коп.

Наши песни. Для детей младшего возраста. В сопровождении фортепьяно. Изд-во «Советский композитор». 1961. Цена 60 коп.

ПАРЦХАЛАДЗЕ М. **Песня юных ленинцев.** Для хора с сопровождением фортепьяно. «Советский композитор». 1957. Цена 5 коп.

ПАРЦХАЛАДЗЕ М. **Песня юных мичуринцев.** Для детского хора с фортепьяно. Изд-во «Советский композитор». 1958. Цена 4 коп.

Песни. Для детского хора без сопровождения. Вып. III. Музгиз. 1960. Цена 75 коп.

ПОПАТЕНКО Т. **Хоккейная пора.** Школьная песня для голоса и хора с фортепьяно. Слова А. Тангова и Ю. Островского. Изд-во «Советский композитор». 1960. Цена 5 коп.

Поют пионеры Румынии. Песни для детей среднего школьного возраста в сопровождении фортепьяно. Русский текст В. Татаринова. Музгиз. 1960. Цена 40 коп.

РУБИН В. **Ближе к звездам.** Песня для пионерского хора в сопровождении фортепьяно. Слова С. Богомазова. Музгиз. 1961. Цена 5 коп.

ТИЛИЧЕЕВА Е. **Ранняя весна.** Хор для детских голосов без сопровождения. Слова М. Ивенсен. Изд-во «Советский композитор». 1957. Цена 5 коп.

ТИТАРЕНКО К. **По свежей лыжне.** Песня для детского хора с фортепьяно (баяном). Слова В. Викторова. Изд-во «Советский композитор». 1961. Цена 8 коп.

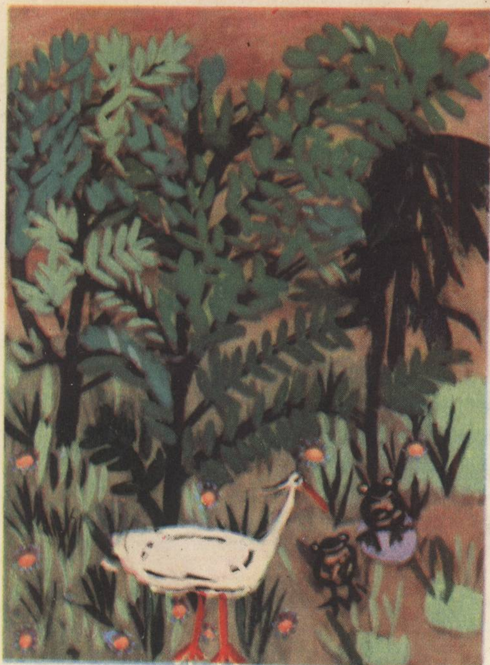
ЦФАСМАН А. **О чем стучат колеса.** Песня для детского хора с сопровождением фортепьяно. Слова А. Барто. Изд-во «Советский композитор». 1959. Цена 10 коп.

ЯХНИНА Е. **В гости.** Песня для детского хора с сопровождением фортепьяно. Стихи З. Александровой. Изд-во «Советский композитор». 1958. Цена 5 коп.

Эти ноты можно купить в магазинах книготорга и потребительской кооперации.

«Союзкнига»

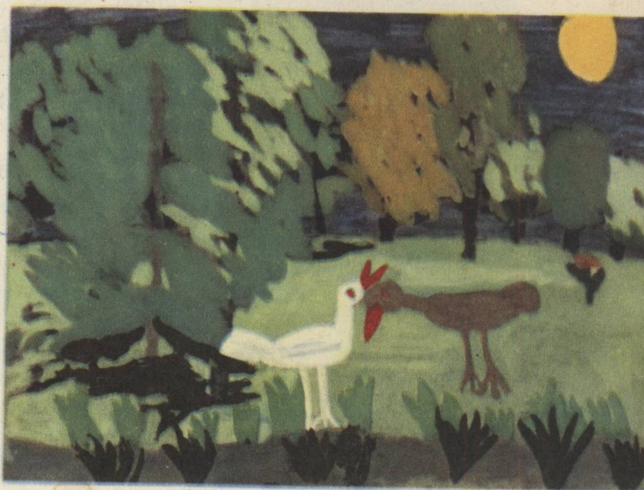
Цена 25 коп. Индекс 70 694

Иллюстрация к книге Я. Акима «Песенка в лесу»
Лариса Агапова, 7 лет.

Нарядная улица Валя Корсакова, 6 лет.

Это рисунки ленинградских ребят из детского сада № 29. О том, как эти ребята учатся рисовать, вы узнаете, когда прочтете в этом номере журнала очерк А. Жуковой «Как они попугаев рисовали».

На улице Наташа Демиденко, 6 лет.

Иллюстрация к книге Я. Акима «Песенка в лесу».
Наташа Киржакова, 7 лет.

Осень Лариса Агапова, 7 лет.

Мы едем на дачу Галина Горшунова, 7 лет.